

АХМЕТ ЖУБАНОВ

В ГОДЫ АПОГЕЯ СТАЛИНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕПРЕССИИ

АЛМАТЫ, 2013

АХМЕТ ЖУБАНОВ

В ГОДЫ АПОГЕЯ СТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕПРЕССИИ

*Под редакцией профессора
Ж.К. Таймагамбетова*

УДК 78(574)
ББК 85.31(2к)
А 954

*Рекомендовано к изданию Ученым советом факультета истории,
археологии и этнологии и РИСО КазНУ им. аль-Фараби*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Г.С. Султангалиева*
член-корр. НАН РК, доктор искусствоведения, профессор *С.А. Кузембаева*

Редакционный Совет:

главный редактор: член-корр. НАН РК,
д.и.н., профессор *Ж.К. Таймагамбетов*
зам. главного редактора:
д.и.н., профессор *Т.О. Омарбеков*
члены редакционного Совета:
академик КазНАЕН, д.б.н., профессор *А.А. Жубанова*
д.и.н., профессор *О.Х. Мухатова*
доктор философии (PhD) *Н.Ш. Акимбеков*

А 954 **Ахмет Жубанов** в годы апогея сталинской политической репрессии / под ред. Ж.К. Таймагамбетова. – Алматы: Қазақ университеті, 2013. – 210 с. + 16 стр. вклейки.

ISBN 978-601-04-0228-7

В книге представлены фактические материалы (стенограммы), касающиеся жизненных зигзагов выдающегося композитора и ученого, народного артиста Казахстана, академика АН КазССР, доктора искусствоведения, профессора Ахмета Куановича Жубанова.

УДК 78(574)
ББК 85.31(2к)

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие. Как репрессировали казахскую народную музыку
(Талас Омарбеков) 4

Автобиография А.К. Жубанова (Шежире).....13
Фильмы, произведения, публикации, ссылки.....20

Глава 1

Стенограмма заседания Ученого Совета Казахского филиала
АН СССР от 15 июня 1943 года.....22
Отзыв о научной работе А.К. Жубанова (академик И.И. Мещанинов).....28
Отзыв о сочинении А.К. Жубанова «Жизнь и творчество казахских
композиторов» (чл.-корр. АН СССР С.Е. Малов).....31
Отзыв о книге исследователя казахской музыки, композитора
А.К. Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов»
(профессор М.О. Ауэзов) 33

Глава 2

Композитор и музыковед (ред.статья) 37
Выкорчевать до конца остатки буржуазного национализма.....44

Глава 3

Стенограмма обсуждения статей от 18-19 октября 1951 года.....59
Резолюция общего собрания от 18-19 октября 1951 года 157

Глава 4

Сравнительный анализ выступлений (отдельные выдержки) по обсуждению
книги Ахмета Жубанова 15 июня 1943 года и 18-19 октября 1951 года.....161
Сведения о выступавших на заседании Ученого совета 15 июня 1943 года и
18-19 октября 1951 183

Глава 5

Ласточка казахской музыки (Г. Нурпеисова) 191
Воспоминания композитора Латифа Хамиди о А.К. Жубанове 200
Воспоминания композитора Евгения Брусиловского о А.К. Жубанове 204
Ахмет Жубанов (Газиза Жубанова) 209

ПРЕДИСЛОВИЕ

КАК РЕПРЕССИРОВАЛИ КАЗАХСКУЮ НАРОДНУЮ МУЗЫКУ

Известно, что в 1946-1953-х годах как по всей стране, так и в Казахстане развернулась последняя, третья волна сталинской репрессии. Вследствие этого пострадало немало талантливых представителей творческой интеллигенции – ученые, писатели, музыковеды и другие. Среди них по воле судьбы оказался известный казахский композитор, первый академик Академии наук Казахстана из числа музыковедов профессор Ахмет Куанович Жубанов, который сегодня по достоинству считается одним из выдающихся корифеев казахского искусства.

Следует отметить, что уже, начиная с 1947 года, на страницах периодической печати началась необоснованная травля известного композитора. Первыми критиками его творческой деятельности были казахстанские композиторы Е. Брусиловский и В. Мессман, указавшие на страницах газеты «Казахстанская правда» на недостатки доклада А.К. Жубанова, с которым он выступил на первой сессии Академии Наук Казахской ССР. Оппоненты критиковали его за «националистические ошибки, в частности, оценки деятельности Кенесары». Завистники его неординарного таланта, воспользовавшись политической ситуацией, которая сложилась на тот период во всей стране и была связана с апогеем сталинской политической репрессии, всячески старались необоснованно очернить научную и творческую деятельность Ахмета Куановича.

Весьма прискорбно, что партийная бюрократия того времени противопоставляла Ахмету Жубанову талантливого казахского композитора Мукана Тулебаева, который

за блестящую оперу «Біржан-Сара» получил Сталинскую государственную премию. Воодушевленный поддержкой вышестоящих партийных чиновников, он активно подключился к сталинской репрессивной компании и принципиально выступил против Ахмета Жубанова как «разоблачитель национальных ошибок». Следуя идеологическим соображениям и классовым подходам к народной музыке, Муқан Тулебаев опубликовал на страницах партийной газеты «Казахстанской правды» статью о «Неправильном направлении в музыковедении Казахстана» от 28 сентября 1951 года, где он, указывая на некоторые принципиальные недостатки, которые имелись в музыкальном искусстве Казахстана, в то же время обвинял в этом персонально А. Жубанова. В частности, автор писал, что «в своей книге А. Жубанов извращает историю казахского народа. Он отрицает прогрессивное значение присоединения Казахстана к России, не считается с тем, что в то время существовало две России – Россия царя и помещиков и Россия русского народа, и то, что передовая культура русского народа оказала огромное прогрессивное влияние на казахский народ». К сожалению, прекрасный знаток казахской народной музыки М. Тулебаев, хорошо сознавая и не игнорируя организаторские способности и выдающийся талант А. Жубанова, в то же время причины отставания казахского музыковедения искал именно в его личной деятельности, а в себе видел представителя «прогрессивного лагеря музыкального искусства Казахстана». Как показывает содержание его выступлений, подобные нападки были плачевным следствием репрессивной политики тоталитарного государства, направленной против неординарных личностей национальной интеллигенции. А в искусстве руководители Коммунистической партии тогда старались всячески «натравить» известных молодых талантов, каким являлся М. Тулебаев, против выдающихся представителей традиционной национальной музыки, к числу которых относился и А. Жубанов. Не выдержав натиск недоброжелателей и противников А. Жубанова, тогдашний секретарь ЦК Компартии Казахстана по идеологическим вопросам И. Омаров вынужден был поднять данный вопрос на страницах газеты «Советское искусство» с темой «За дальнейший подъем музыкальной культуры Казахстана» (от 15 сентября 1951 г.), где он старался защитить талантливых представителей национальной культуры от необоснованных нападок завистников и нацелить музыковедов на дружную коллективную работу по выполнению поставленных задач вышестоящими партийными органами.

В тот же день, защищаясь от подобных негативных наступлений, А. Жубанов успел опубликовать на страницах «Социалистик

Казахстан» свою статью с названием «Мои грубейшие ошибки в области казахского музыковедения», где он вынужден был признать собственные «грехи» на музыкальном поприще и «оправдываться» от всяких необоснованных обвинений его музыкального творчества. Подобное нагнетание атмосферы противостояния в среде музыковедов республики вынудило Союз советских композиторов Казахстана, Сектор искусствоведения АН КазССР, Управление по делам искусств при Совете Министров КазССР и Алма-Атинскую государственную консерваторию организовать обсуждение вышеотмеченных статей 18 и 19 октября 1951 года. В первый день заседания в дискуссии участвовали 13, а во второй день – 16 искусствоведов. Главным обвинительным докладчиком был П.В. Аравин – музыковед, преподаватель консерватории, выступавший на тему «О буржуазно-националистических извращениях в музыковедении Казахстана». Он, в частности, отмечал, что «своим вульгарно-социологическими и буржуазно-националистическим извращением истории казахского народа проф. А.К. Жубанов наносит тяжелый вред развитию культуры и искусства Советского Казахстана, засоряет советское музыковедение реакционными, идеалистическими теориями, давно осужденными нашей партией в период разгрома антиленинских позиций...».

Выступавший первым по обсуждению доклада Б.Г. Ерзакович, критикуя творчество А. Жубанова, отказался от своей прежней положительной оценки о его книге и охарактеризовал неуважительную позицию композитора М. Тулебаева в отношении А. Жубанова, как «мужественное выступление». Заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма Алма-Атинской консерватории К. Жаманбаев в своем выступлении по обсуждению вышеотмеченного доклада напомнил присутствующим, что «в консерватории на открытом партийном собрании партийной организации коммунисты и беспартийные товарищи, обсуждая статью газеты «Правда» «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» и постановление ЦК КП(б)К по этому вопросу, подвергли серьезной критике книгу профессора Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов», вышедшую в свет в 1942 году. Далее он отметил, что книга А. Жубанова является «порочной, вредной, извращающей историческую правду». При этом оратор даже не подумал и о том, что когда на Заседании Ученого Совета Казахского филиала Академии Наук СССР 15 июня 1943 года А. Жубанову без защиты диссертации была присуждена ученая степень доктора искусствоведческих наук, известный академик АН СССР И.И. Мещанинов в своем отзыве на работу диссертанта отмечал: «...этот объемный научный труд подытоживает всю многообразную и многолетнюю

работу автора. В ней выявился и талант композитора, и наблюдательность этнографа, и глубокое знание истории. Автор дает обзор крупнейших произведений и первый исчерпывающий библиографический указатель по литературе о казахской музыке и казахских композиторах. Многие записи песен публикуются им в первый раз. Он впервые дает развернутую и правильную оценку значения деятельности отдельных певцов-композиторов, отмечая их общественную роль в культурной жизни края. Он подробно останавливается также и на технике исполнения отдельных произведений и на технических особенностях, применяемых тем или иным певцом. На этом фоне А.К. Жубанову удалось выделить ряд направлений, школ в развитии инструментальной и вокальной музыки Казахстана». Такую же поддержку оказал А. Жубанову и М.О. Ауезов. Он в своем отзыве отмечал, что данная «книга иллюстрирует собою продуктивное взаимодействие двух сторон деятельности А.К. Жубанова – как композитора и научного исследователя. Он в творчестве своем одновременно пытливый исследователь, а в исследовании одновременно творчески, оригинально изобретателен». Известный тюрколог, член-корреспондент АН СССР С.Е. Малов отзывался о данной монографии следующим образом: «составить монографию, например, по музыкальному творчеству П.И. Чайковского, Ф. Шопена или Гуно – это одно. Их музыкальные произведения неоднократно издавались и комментировались. Имеются подробные биографии, воспоминания современников. Издана их переписка и прочее, прочее. Написать же подобное о казахских композиторах 19 века, что сделал А.К. Жубанов, – вещь очень и очень трудная. Ведь записанных нот-то даже нет... Наш автор – А.К. Жубанов посильно все это преодолел». К сожалению, подобные объективные оценки выдающихся авторитетов всесоюзной науки не могли остановить противников А. Жубанова. Умышленно спровоцированный вышестоящими партийными органами против А. Жубанова композитор М. Тулебаев, не ограничившись публикацией своей обвинительной статьи на страницах партийной печати, решил еще раз выступить на данном совещании. Свою агрессивность в отношении А. Жубанова он старался оправдать с позиции «интереса народа и культуры». Кстати сказать, не спасло А. Жубанова от неуважительных выпадов М. Тулебаева его признание своих ошибок, которое недоброжелатели восприняли как «неискреннее». В частности, выступавший именно в таком же духе М. Тулебаев отмечал: «о том, что я не ошибся в оценке товарища Жубанова, говорит его собственная саморазоблачительная статья в газете «Социалистик Қазақстан», но о какой искренности здесь может идти речь? И если даже считать, что его статья явилась

результатом искреннего признания своих грубейших ошибок, то я сомневаюсь, в состоянии ли он исправить свои ошибки на деле. Я уверен, не в состоянии».

Разгромными словами выступили секретарь Союза Композиторов СССР М.В. Коваль и представитель Союза Композиторов СССР В.С. Виноградов, которые «обнаружили» в отмеченной монографии А. Жубанова «Ненависть к русской культуре и русскому народу». Таким образом, главной фигурой критического обсуждения на указанном совещании стал А. Жубанов. Его обвиняли в недостатках, допущенных в области музыкального искусства и музыковедения, конкретно говоря, «за грубые извращения буржуазно-националистического характера», а также пропаганде «бекмахановщины» в среде своих учеников и последователей. Выступавших в прениях ораторов не интересовало и то, что обсуждаемая книга А. Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов» в те годы считалась единственным учебником и учебным пособием по истории казахской народной музыки в республике. Противники автора, необоснованно подвергая острой критике эту ценную научную работу, в то же время всячески старались извратить ее суть и содержание, характеризуя ее как «вредную книгу», «заставляющую учащуюся молодежь усваивать положения буржуазного национализма». Участники совещания увидели «буржуазный национализм» в работе известного композитора и в том, что книга была написана на казахском языке. Таким образом, за эту работу А. Жубанов оказался в числе «буржуазных националистов», которые пропагандировали реакционную идеологию националистов, «идеализировали феодальную старину и дикий кочевой быт и возвеличивали султанов, баев – заклятых врагов казахского и русского народов». В ходе обсуждения выступавшие на совещании подвергли критике А. Жубанова и за то, что он в своих произведениях воспедал с гордостью славные походы Чингисхана, «душегубов-завоевателей Темирлана и Александра Македонского», «восхвалил и возвеличил врагов народа – султанов Кенесары и Наурызбая Касымовых». Чтобы умалить роль и вклад А.К. Жубанова в казахскую национальную музыку, идеологи Коммунистической партии в этой грязной игре использовали и тогдашнего председателя Союза композиторов Казахстана Е. Брусиловского. Были использованы его первоначальная статья, которую он написал в соавторстве с Мессманом на страницах газеты «Казахстанская правда» в 1947 году, где он подверг критике композиторскую деятельность А. Жубанова. В частности, они писали, что А. Жубанов в своих музыкальных произведениях не обращает внимание на раскрытие социальных противоречий в жизни дореволюционного аула, а это

негативно отражается на казахском музыкальном искусстве. Однако в обсуждении «критиков» были опущены очень положительные отзывы Е. Брусиловского в отношении творческой деятельности А. Жубанова, высказанные еще в 1943 году на заседании Ученого совета Казахского филиала Академии Наук СССР, на котором принято решение о присуждении А.К. Жубанову ученой степени доктора искусствоведческих наук. Партийная бюрократия сталинской эпохи противопоставляла творчеству А. Жубанова идеологизированные музыкальные произведения молодых композиторов Казахстана, воспевающие «несомненные успехи» социализма в Казахстане. В таком духе старались выдвигать в качестве примера творчеству молодых композиторов, в частности мелодистов А. Еспаева, С. Мухамеджанова, К. Кожамьярова и других, которые тогда были студентами консерватории, которой руководил А. Жубанов. Для молодых музыковедов была рекомендована кантата «Огни коммунизма» композитора М. Тулебаева как идеальное произведение для подражания в творческой работе. Следует сказать, что после обсуждения музыкального творчества А. Жубанова на страницах партийной печати были опубликованы масса статей, которые призывали «скорее и до конца выкорчевать все остатки вредоносно-реакционной деятельности А. Жубанова – сделать решительные выводы и серьезные уроки из жубановской «эпопеи»». Противников А. Жубанова не устраивало и то, что он после данного совещания не был снят с занимаемой должности директора консерватории. Недоброжелатели и оппоненты не хотели видеть его также в качестве заведующего кафедрой истории музыки в консерватории. Именно поэтому они настойчиво требовали лишить А. Жубанова ученых званий и степени действительного члена Академии Наук КазССР, доктора искусствоведческих наук и профессора. Почти все выступающие единогласно обвиняли в отставании казахской музыки творческую и организаторскую деятельность А.К. Жубанова. Лишь Л. Хамиди, долгие годы сотрудничавший с ним в искусствоведческой сфере, выступил более либерально, стараясь как можно меньше ранить душу своего друга.

Краткая информация об этом совещании была опубликована на страницах периодической печати. Так, в журнале «Советская музыка» (№12, стр. 32-40) отмечалось, «что в Союзе советских композиторов состоялось двухдневное совещание, на котором был обсужден ряд статей в газетах «Советское искусство», «Казахстанская правда», «Социалистический Казахстан» и «Ленинская смена», подвергших резкой критике неудовлетворенное состояние музыковедения в Казахстане».

Как известно такие идеологические нападки в Казахстане начались после публикации постановлений ЦК ВКП(б) о журналах «Звез-

да» и «Ленинград» в 1946 году. По данному вопросу выступавший на партийном активе Ленинграда секретарь Центрального Комитета по идеологии А.А. Жданов подверг резкой критике известных представителей литературы А.А. Ахматову и М.Н. Зощенко. В его речи они были охарактеризованы как «космополиты-гастролеры», имеющие тесные творческие контакты с представителями западной буржуазной интеллигенции. В Казахстане партийные чиновники также стали искать схожих «буржуазных космополитов». Основанием для этого служила статья с названием «К новому подъему идеологической работы», опубликованной 16 марта 1946 года на страницах партийной газеты «Казахстанская правда». В ней имеются такие строки: «...Публикуемая сегодня в «Казахстанской правде» статья «Буржуазные космополиты» на университетской кафедре» сигнализирует, что на кафедру всеобщей литературы Казахского Государственного университета проникли антипатриоты – космополиты, беспаспортные бродяги, отравляющие сознание молодежи ядом разлагающейся буржуазной культуры. Нужно до конца разгромить антипатриотов – космополитов этих вырожденков, холопствующих перед буржуазным Западом – стремящихся остановить бурный рост советской культуры и искусства...». Как мы видим из этого, что и в Казахстане стали подвергаться острой партийной критике представители культуры и искусства.

Подлили масла в огонь последующие постановления ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» (1948 г.), в которых были подвергнуты острой, непримиримой критике музыкальные произведения известных советских композиторов С.С. Прокофьева, Д.Д. Шостаковича, А.А. Хачатуряна, Б.Д. Кабалевского, В.Я. Шевалина, Н.Я. Мясковского как «антинародные формалистические направления». В свою очередь, и в Казахстане стали искать авторов «антинародных» музыкальных произведений «буржуазного характера». Так, в частности, в своем докладе от 17 октября 1951 года на пленуме ЦК бывший тогда первым секретарем республиканской партийной организации Ж.Ш. Шаяхметов, отмечая, что «за последние годы писатели и работники искусств республики создали ряд интересных литературно-художественных и музыкальных произведений на современные исторические темы», в то же время подвергал критике то, что некоторые музыкальные произведения и пьесы, написанные на современные темы, характеризуют советских людей безкультурными и аморальными. По его мнению, такая суть грубо извращает советскую действительность. Далее он указывал на то, что в последние годы на современные темы не было написано ни одного оперного произведения. Руководитель республики за такую

направленность подверг резкой критике республиканский оперный театр за то, что он до сих пор увлекается лишь историческими музыкальными произведениями прошлого, как «Кыз Жибек», «Ер Таргын» и т.д. Ж.Ш. Шаяхметов критиковал за эти недостатки и «идейные промахи» в творчестве известных драматургов республики: М. Ауезова, Г. Мусурепова, С. Муканова и других. Неизменно следуя вышеотмеченной кремлевской установке, Ж.Ш. Шаяхметов на V съезде Компартии Казахстана необоснованно обвинил композитора А.К. Жубанова. Его талантливые музыкальные произведения, которые берут глубокие корни от народной музыкальной традиции, им характеризовались как «буржуазно-националистические». К сожалению, как мы отмечали выше, подобная политическая компания травли А. Жубанова началась еще до партийного съезда. Накануне его исключили из рядов партии. Сталинский районный комитет партии города Алма-Аты освободил его от занимаемой должности директора консерватории, исключил из членства Союза Композиторов Казахстана. Таким образом, его талантливые труды «Қазақ композиторларының өмірлері мен творстволары» и «Қазақ халқының музыка мәдениеті» и «Орталық Қазақстанның музыка өнері» были отнесены к произведениям, восхваляющим феодално-байские традиции.

Предлагаемая нами ниже стенограмма заседания Ученого Совета казахского филиала Академии Наук СССР от 15 июня 1943 года раскрывает тяжелую идеологическую суть и содержание тогдашней репрессивно-политической атмосферы сталинского периода нашей истории в Казахстане. Такие документальные источники дополняют нашу историю новыми ценными материалами и всячески помогают объективному исследованию природы сталинского тоталитаризма в нашей республике, и тем самым способствуют появлению новых реальных и правдивых научно-исследовательских трудов в сегодняшнем независимом Казахстане. Поэтому публикация таких документальных источников – введение их материалов в научный оборот – является актуальной задачей исторической науки, и оно имеет важное значение в предстоящей исследовательской работе нового поколения историков республики.

Следует сказать при этом, что после XX съезда КПСС, на котором был осужден культ личности Сталина, во всесоюзной истории начался период хрущевской «оттепели». Стала восстанавливаться правда. Необоснованно репрессированные, как А.К. Жубанов, были реабилитированы. Однако, как по всей стране, так и в республике в прошедшем тенденциозно обвиняли лишь культ личности Сталина, в идеологической работе принципиально никто не смел осуждать ре-

прессивную политику самой Коммунистической партии. В итоге такие талантливые личности, как композитор А. Жубанов, полностью не были реабилитированы, за оскорбление личного достоинства и необоснованное очернение их талантливых произведений никто у них официально не попросил прощения. Руководители Коммунистической партии, признавая факт необоснованных, умышленно организованных репрессий против представителей творческой интеллигенции, в то же время призывали их делать «правильные выводы» из вышеуказанных националистических «ошибок». Таким образом, национальные интересы и национальные чувства, которые с достоинством воспевал казахский народ в своих музыкальных произведениях, игнорировались и весь последующий советский период. Из их творческой жизни постепенно стали вытеснять дух интернационализма и дружбы народов. Несмотря на классовую сущность направленности идеологического руководства партии, оно не смогло окончательно разрушить традиционный крепкий фундамент, созданный оригинальными произведениями народа, и было вынуждено открыть дорогу для талантливых творческих произведений, каковым является бесценное музыкальное наследие Ахмета Куановича Жубанова.

*Талас Омарбеков,
заведующий кафедрой истории Казахстана,
доктор исторических наук, профессор*

АВТОБИОГРАФИЯ ЖУБАНОВА АХМЕТА КУАНОВИЧА

(Шежире)

Ахмет Куанович Жубанов – известный композитор, дирижёр, народный артист Казахстана, доктор искусствоведения, профессор, академик АН КазССР, родился 29 апреля 1906 года в селе Акжар, Темирского (ныне Мугалжарского) района, Актюбинской области.

Умер 30 мая 1968 года в Алма-Ате, похоронен на городском кладбище.

Отец будущего композитора Куан был просвещённым человеком в ауле. Общаясь с русскими крестьянами из Воронежа, Курска, Тамбова, Харькова, которые с 1870 года стали обосновываться на постоянное жительство под Актюбинском, он научился говорить и читать по-русски. Когда царское правительство предложило открыть в Актюбинской губернии 3 школы, отец Ахмета – Куан Жубанов, поехал в Оренбург и получил разрешение на открытие одноклассного училища (3 года обучения) в его доме, где впоследствии учились и его дети. В 1918 году Ахмет Жубанов окончил двухклассное (6 лет обучения) реальное училище в Журыне.

В 1919 году, заразившись тифом, умер его отец. Старший брат Ахмета – Кудайберген учился в это время в Оренбурге, и потому единственным кормильцем семьи стал 13-летний Ахмет. Как он пишет в своей автобиографии, он стал работать секретарем 2-х сельсоветов, получая в качестве зарплаты по пуду проса.

После учёбы на курсах по подготовке учителей в г. Актюбинск, он стал работать в городе Темир.

Годы, проведенные Жубановым в Актюбинске, были особенно важными в его жизни. Здесь он познакомился с известным в то время ссыльным скрипачом Чернюком, окончившим Варшавскую консерваторию. Большое впечатление произвела на Жубанова вышедшая тогда книга А. В. Затаевича «1000 песен казахского народа», которую ему подарил В. Чернюк. «Я узнал множество всевозможных легенд

о песнях, собранных Затаевичем, и о человеке, который умел читать эти, похожие на мышьиные следы, начертания звуков и загорелся желанием стать таким же специалистом в области музыки, как Затаевич. В. Чернюк горячо и искренне поддержал мое стремление. Коротче, мое заочное знакомство с А. В. Затаевичем через его сборник казахских песен на девяносто процентов решило направление моей дальнейшей судьбы», — вспоминал впоследствии композитор.

Ни на минуту юноша не забывает о музыке, самостоятельно изучает теорию и музыкальную грамоту, играет в самодеятельном оркестре народных инструментов.

Во исполнение своей мечты в 1929 году Ахмет, в то время уже отец двоих детей – Газизы и Булата, вместе со своим старшим братом Кудайбергенем и его семьей едет в Ленинград и поступает в музыкальный техникум им. М. И. Глинки, где занимается по классу скрипки у опытного педагога А. А. Этигона. Но юноша не ограничивался только программой среднего учебного заведения, прилагая много усилий для того, чтобы поступить в консерваторию. В стенах техникума Ахмет знакомится с сочинениями русских (Мясковского, Асафьева и других) и зарубежных классиков.

Впоследствии талантливого музыканта зачисляют в Ленинградскую консерваторию – сначала по классу гобоя, а затем, по состоянию здоровья, на историко-теоретический факультет.

В 1932 году, по окончании Ленинградской консерватории, Жубанов становится аспирантом Академии искусствоведения в Ленинграде, но через год Наркомпросом Казахстана был отозван на работу в Алма-Ату для создания первого в Республике музыкально-драматического техникума, сначала в качестве заведующего учебной частью, а затем директора. В течение 13 лет, вплоть до создания Алматинской консерватории, это было единственное учебное заведение, где шла подготовка профессиональных музыкантов. По инициативе Жубанова при нём был организован научный кабинет, а также экспериментальная мастерская по усовершенствованию народных инструментов. Сюда для работы были приглашены Е. Брусиловский из Ленинграда, Л. Мухитов из Уральской области, М. Букейханов из Кызыл-Орды, мастера по изготовлению музыкальных инструментов – братья Романенко и другие.

При техникуме Жубанов создал студенческий ансамбль домбристов, который на Первом Всеказахстанском слете народных талантов в 1934 году продемонстрировал свое искусство. Вскоре Президиум КазЦИК принял постановление о создании на основе ансамбля домбристов оркестра казахских национальных инструментов. Так родился известный всему миру Казахский Государственный оркестр народных инструментов имени Курмангазы, первым дирижером и

художественным руководителем которого был назначен Ахмет Жубанов. В период с 1935 по 1937 годы Ахмет Куанович – организатор и художественный руководитель Филармонии им. Джамбула (уволен в начале 1938 года после ареста и расстрела старшего брата – Кудайбергена Жубанова – выдающегося лингвиста, первого казахского профессора), а с конца 1945 г. по 1951 г. – директор Алма-Атинской консерватории (уволен в связи с обвинениями в буржуазном национализме). С 1961 года и до последних дней жизни он заведовал отделом музыкального искусства института литературы и искусства им. Ауэзова АН КазССР.

Важная сторона плодотворной деятельности Жубанова – его организаторская работа по подготовке национальных кадров.

Он многие годы возглавлял кафедру казахских народных инструментов Алма-Атинской Государственной консерватории им. Курмангазы, где разработал специальный курс по истории казахской народной музыки, вел курс по дирижированию. Многие из известных сейчас дирижеров и музыкантов воспитанники Ахмета Жубанова. Это Фуат Мансуров, народный артист России, долгие годы проработавший дирижером Большого Театра СССР, известный композитор и дирижер Нургиса Тлендиев, Шамгон Кажгалиев – долгие годы руководивший Казахским Государственным оркестром народных инструментов имени Курмангазы, замечательный домбрист Рустембек Омаров, профессора Хабидолла Тастанов, Фатима Балгаева, Кубыш Мухитов и другие.

Научно-исследовательскую, музыкально-общественную, педагогическую деятельность Жубанов успешно сочетал с активным творчеством, внося большой вклад в казахскую профессиональную музыку. Он автор многих произведений различных жанров, получивших признание народа. Среди них симфонические произведения и оперы, камерно-инструментальные и хоровые сочинения, песни и романсы, музыка к драматическим спектаклям и кинофильмам.

В его творчестве прослеживается 2 направления – обработка народных песен и кюев и переложения для оркестра казахских народных инструментов сочинений русских и зарубежных композиторов-классиков, а также написание собственных произведений. Так, в 1943 году Казахский оркестр народных инструментов сыграл марш Черномора из оперы Глинки «Руслан и Людмила», «Музыкальный момент» Шуберта в инструментовке Жубанова. В дальнейшем были созданы оркестровки фрагментов оперы Чайковского «Пиковая дама», оперы Римского-Корсакова «Царская невеста», «Прелюдии» и «Крымских эскизов» Спендиярова. Это способствовало повышению и совершенствованию исполнительского мастерства музыкантов оркестра. Дальнейший рост этого коллектива, широ-

кая пропаганда творчества композиторов-классиков неотделимы от деятельности и опыта Жубанова. Его традиции стали примером для последующих поколений композиторов и дирижеров.

В 1938 году совместно с московским композитором М. Ф. Гнесиным он работает над музыкой к фильму «Амангельды», в 1939 году создает музыку к пьесе Г. М. Мусрепова «Козы-Корпеш - Баян-Сулу». Затем он сочиняет музыку к драматическим спектаклям М. Акынжанова «Исатай-Махамбет», М. О. Ауэзова «Абай». Одно из значительных творений этих лет — музыкальная пьеса «Сары» о жизни и творчестве народного композитора.

К написанию крупных музыкальных сочинений Жубанов пришёл уже с большим творческим багажом, почерпнув из сокровищницы народного наследия те произведения, которые, по его мнению, наиболее удачно звучали в оркестре, не теряя своих красок. Так, музыка, написанная к трагедии «Абай» Мухтара Ауэзова, симфоническая поэма «Абай» явились подготовительным этапом к написанию оперы на эту тему. Опера «Абай», написанная к 100-летию со дня рождения Абая Кунанбаева совместно с композитором Латифом Хамиди (либретто Мухтара Ауэзова) и приуроченная к 10-летию со дня открытия Казахского театра оперы и балета, стала для композиторов первой пробой пера в этом жанре и новой вехой в развитии казахской музыки. Уже почти 70 лет эта опера открывает театральный сезон Государственного театра оперы и балета им. Абая.

Музыка оперы «Абай» с 2007 года привлекла внимание музыкального руководства Майнингенского оперного театра (Германия). К сезону 2012 – 2013 года опера была поставлена на сцене этого театра. Постановку осуществил главный режиссер театра Анстар Хааг, дирижировал правнук композитора Ахмета Жубанова, выпускник Венской Академии музыки – Алан Бурибаев, который в 2004-2007 г.г. работал в этом театре главным дирижером (арт-директором). Премьера оперы «Абай» на немецкой сцене состоялась 21 сентября 2012 года. Она была с успехом принята и великолепными исполнителями, и искушенной немецкой публикой. Это первая опера казахских композиторов, которая была поставлена на европейской сцене.

Следующей оперой Ахмета Жубанова, написанной в 1947 году в том же творческом тандеме (автор либретто – Мухтар Ауэзов и композитор Хамиди), была опера «Толеген Тохтаров», посвященная воинам, защищавшим столицу нашей Родины – Москву. Ее тоже отличала прекрасная музыка и современный сюжет.

Особое место в жизни Ахмета Жубанова всегда занимало творчество и личность великого кюйши – Курмангазы, именем которого, по инициативе Ахмета Жубанова, были названы Алматинская кон-

серватория, оркестр казахских народных инструментов, улица, на которой жил сам композитор. Ахмет Куанович всю жизнь мечтал написать оперу, ему посвященную. Отпущенные годы позволили ему написать только радиооперу, но его старшая дочь – выдающийся композитор современности, народная артистка СССР Газиза Ахметовна Жубанова через 19 лет после смерти отца осуществила его мечту, и в конце 1986 года работа над оперой «Курмангазы» была завершена. С 1987 года опера Ахмета и Газизы Жубановых «Курмангазы» заняла достойное место в репертуаре Государственного академического театра оперы и балета им. Абая.

Колоссальная работоспособность, трудолюбие и, конечно, огромный талант позволили Ахмету Жубанову за в общем-то недолгую жизнь внести огромный вклад в в культуру и науку своего народа.

Из под его пера вышли сотни исследовательских работ, статей и художественных очерков, посвященных национальной музыкальной культуре. Такие монографические, неоднократно переиздававшиеся произведения Жубанова, как «Струны столетий», «Соловьи столетий», «Курмангазы», «Жизнь и творчество казахских народных композиторов», «Музыкальная культура казахского народа», «Ан кюй сапары» («Путешествие по песням и кюям»), можно встретить в домашней библиотеке любого исследователя, интересующегося вопросами народной музыки. Под его непосредственным научным руководством защищены кандидатские и докторские диссертации по специальности «искусствоведение».

Ахмет Жубанов – единственный композитор-академик, причем, по специальности «искусствоведение» – он единственный академик за все годы существования АН КазССР. Он ревностно оберегал наследие казахской народной музыки до самого последнего дня своей жизни, ни на мгновение не переставая думать о её судьбе, судьбе музыки, ставшей идеалом его жизни.

Ахмет Куанович Жубанов прошёл путь нелегкий и далеко не устанный розами. Были тяжелые годы репрессий, непонимания, но он выстоял. Выстоял, благодаря сильному характеру и своему жизненному кредо, о котором он писал в своей автобиографии так: «Я, как ломовая лошадь в колесе истории, и никакие комариные укусы не остановят меня на этом пути».

Ахмет Куанович прожил со своей женой – Науат 45 лет. Они вырастили и воспитали 5 детей: дочери – Газиза – выдающийся композитор, народная артистка СССР и Роза – пианистка-педагог. Сыновья – Булат, Каир и дочь – Ажар выбрали для себя другой путь. Они известные ученые, академики, доктора наук, профессора в области химии и биологии. Все дети получили прекрасное образование в лучших вузах Москвы.

Среди внуков и правнуков есть специалисты различных отраслей знаний, получивших образование в Казахстане, США, Италии и т.д. Конечно, много и музыкантов, достигших признания различного уровня, среди которых есть преподаватели, выпускники и пока еще студенты Московской консерватории, Венской Академии музыки, Алматинской консерватории, Академии музыки в Астане.

Яркой звездочкой на музыкальном Олимпе сверкает правнук Ахмета Жубанова – Алан Бурибаев, известный дирижер, который возглавлял оркестры в Голландии, Швеции, Германии, Национального оркестра Ирландии, Оперного театра в немецком городе Майнинген. Он гастролитрует по всему миру, активно пропагандируя при этом музыку казахских композиторов.

Память

В 2006 году, в честь 100-летнего юбилея Ахмета Жубанова в Казахстане были выпущены почтовая марка и памятная монета.

По решению ЮНЕСКО, 2006 год был объявлен годом Ахмета Жубанова.

17 октября 2006 года в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже состоялся торжественный вечер, посвященный юбилею. В концерте принимали участие Казахский Академический оркестр народных инструментов имени Курмангазы, ведущие мастера искусств Казахстана.

Памятник – надгробие А.К. Жубанову на городском кладбище работы Евгения Вучетича – выдающегося скульптора, лауреата Ленинской премии, автора Мемориала «Мамаев курган» в Волгограде и «Советский солдат со спасенной немецкой девочкой» в Берлине.

Памятник Ахмету Жубанову установлен на Площади искусств в г. Актобе – Родине композитора.

Именем А. Жубанова названа Республиканская музыкальная школа-интернат в г. Алматы, музыкальный колледж в г. Актобе, улицы в Астане, Алматы и Актобе.

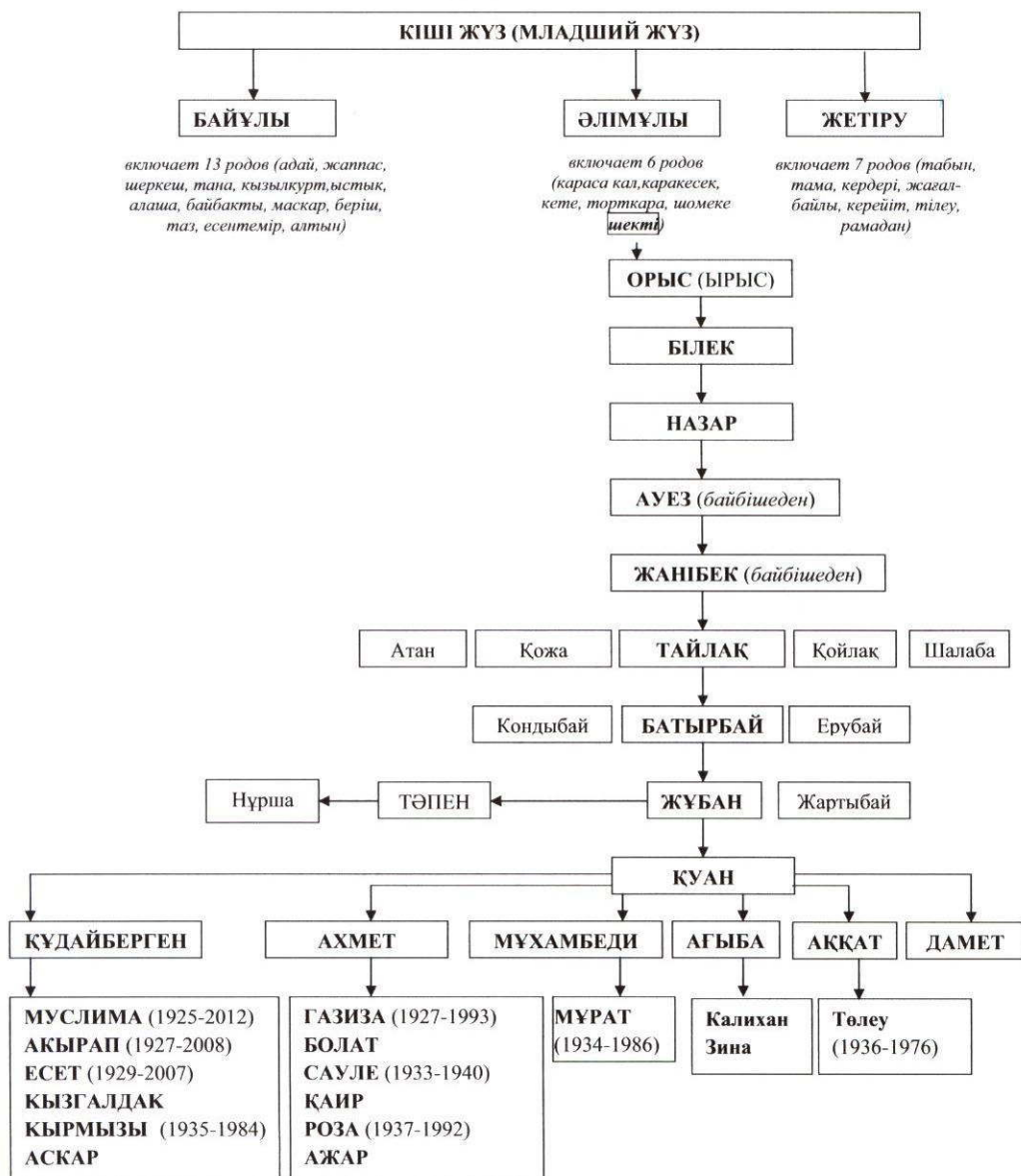
Имя Ахмета Жубанова присвоено концертному Залу Алматинской Национальной консерватории им. Курмангазы.

В квартире, в которой он жил и работал в г. Алматы, функционирует научный Центр по изучению наследия Ахмета и Газизы Жубановых Центрального музея Казахстана.

В здании, в котором работает Государственный оркестр народных инструментов им. Курмангазы, находится Общественный фонд Ахмета Жубанова.

РОДОСЛОВНАЯ АХМЕТА ЖУБАНОВА

БІЗДІҢ ШЕЖІРЕ

Фильмы

2006 – Документальный фильм «Ахмет Жубанов», режиссер «Калила Умаров, автор сценария – Ажар Жубанова. Производство «Казахфильм».

2006 – Телефильм «Линия судьбы».

Произведения:**Оперы**

1944 – «Абай», написана совместно с Латифом Хамиди по либретто М. Ауэзова.

1947 – «Тулеген Тохтаров» (первое название «Бес дос»), написана совместно с Латифом Хамиди по либретто М. Ауэзова.

1987 – «Курмангазы», написана совместно с Газизой Жубановой на либретто Х. Ергалиева.

Для оркестра

1940 – марш памяти Курмангазы (также для оркестра казахских инструментов)

1941 – поэма Абай (также для оркестра казахских народных инструментов)

1943 – сюита на темы казахских народных песен

1944 – увертюра-фантазия

1945 – поэма о батыре Тулегене

1945 – фантазия на темы оперы «Абай» (также для оркестра казахских народных инструментов)

1945 – для оркестра казахских инструментов – 4 сюиты

1945 – сюита (с пением) на темы казахских народных песен

1949 – сюита на темы оперы «Тулеген Тохтаров»

1952 – 2 таджикские сюиты

1953 – казахская танцевальная сюита

Для фортепиано

1941-1945 – казахские танцы

1943, 1951 – таджикские танцы

1943 – казахский танец Саранжал

1943 – казахский танец Коруглы

Для скрипки, виолончели, кобыза и фортепиано

1945 – Ария

1951 – кюй

1951 – «Весна»

1952 – романс

1952 – пьеса на народную тему

Для хора

4 песни

Для голоса и фортепиано

песни

музыка для театра и кино

Публикации А.К. Жубанова

Жизнь и творчество казахских народных композиторов XIX начала XX в. (на каз. яз.). – Алма-Ата, 1942.

Струны столетий. Очерки о жизни и творческой деятельности казахских народных композиторов. – Алма-Ата, 1958. – 395 с.

Струны столетий. Очерки о жизни и творческой деятельности казахских народных композиторов (на каз. яз.). – Алма-Ата, 1975. – 399 с.

Мукан Тулебаев. – Алма-Ата, 1963.

Соловьи столетий (на каз. яз.). – Алма-Ата, 1963. – 432 с.

Соловьи столетий (на рус. яз.). – Алма-Ата, 1967. – 409 с.

Путешествия по песням и кюям (на каз.яз.). – Алма-Ата: Наука, 1976. – 479 с.

Струны столетий. Очерки о жизни и творческой деятельности казахских народных композиторов. – Алматы: Дайк – Пресс, 2001. – 279 с.

Струны столетий. Очерки о жизни и творческой деятельности казахских народных композиторов (на каз. яз.). – Алматы, Дайк – Пресс, 2001. – 327 с.

Соловьи столетий (на каз. яз.). – Алматы: Дайк – Пресс, 2001. – 439 с.

Соловьи столетий (на рус. яз.). – Алматы: Дайк – Пресс, 2002. – 455 с.

Музыкадағы алғашқы адым. – Ақтөбе. – 2006. – 84 с.

Домбра оркестрі: оқу құралы. – Алматы, 2013. – 65 б.

Оркестрмен жұмыс жасау әдістемесі: оқу құралы (Хамидимен). – 2013. – 35 б.

Қазақ композиторларының өмірі мен творчествосы. – Алматы, 2012. – 403 б.

Ссылки:

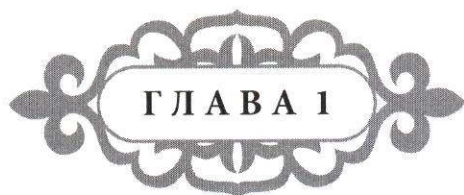
Жубанова Г.А. Мир мой – Музыка: в 2-х т. – Алматы, 1997. Т.1. – С. 116–119.

Жубанова А.А. Ахмет Жубанов – великий сын казахского народа (на каз., рус., фр. и англ. яз.). 2006. – 40 с.

Бейбіт Қойшыбаев. Халқының рухын асқақтатқан тұлға // Жаңа ғасыр. – №4. – 2006. – С. 48 – 58.

Кузембаева С.А. Ахмет Жұбанов және ұлттық музыка мәдениеті // Ақиқат. – №8. – 2006. – С. 64 – 67.

Жубанова Ш.Б. Триумвират гениальности. – Концерт. – №1, 2009. – С. 9 – 11.

ГЛАВА 1

СТЕНОГРАММА заседания Ученого совета Казахского филиала Академии наук СССР 15 июня 1943 г.

Председательствует: ГОРЯЕВ М.И.

Председатель: Разрешите заседание Ученого совета КазФАН считать открытым

На совещании присутствует 16 человек, а должно быть 24 человека, значит кворум налицо. В состав кворума сегодняшнего заседания Ученого совета входят на правах полномочных членов, кооптируемых на сегодняшнее заседание, следующие товарищи, имеющие право решающего голоса: Мещанинов, Ауэзов, Брусиловский, Скорульский, Алексеев и Малов.

О возбуждении ходатайства перед ВКВИ при СНК СССР об утверждении в ученой степени доктора искусствоведческих наук без защиты диссертации Ахмета Жубанова.

В качестве рецензентов выступают академик И.И. Мещанинов, член-корреспондент АН СССР С.Е. Малов, профессор М.О. Ауэзов и профессор М.А. Скорульский.

Сейчас мы должны огласить официальные документы тов. Жубанова.

Слово предоставляется Секретарю Совета И.А. Полякову (оглашаются документы).

Слово для рецензии имеет академик **И.И. Мещанинов** (зачитывается).

Слово для рецензии имеет член-корреспондент АН СССР **С.Е. Малов** (зачитывается).

Слово для рецензии имеет профессор **М.О. Ауэзов** (зачитывается).

Слово для оглашения рецензии представляется профессору **М.А. Скорульскому** (зачитывается).

Разрешите провести обмен мнениями других членов Ученого совета.

Слово имеет Е.Г. Брусиловский.

Тов. Брусиловский – В переживаемое нами время, когда наши враги все усилия направляют на разгром нашей национальной культуры, на искоренение культуры на всей земле, очень положительным и своевременным является выдвижение А.К. Жубанова на соискание ученой степени доктора искусствоведческих наук.

Дело в том, что тов. Жубанов в условиях Казахстана является единственным музыкальным исследователем-ученым, который без всякой помощи, без возможности с кем-то обсудить ту или иную тему находит новые пути в национальной музыке. Новизна его работы, сама по себе, дает основание на занятие обособленного положения в музыкознании СССР. Иногда ученые могут работать над какими-то проблемами, которые в той или иной мере известны ученой мысли. Тов. Жубанов работает в такой области, где до него ни один из музыковедов Союза не подвизался. Хотя у тов. Жубанова небольшой путь для такого высокого ученого звания, но, тем не менее, этот путь очень фундаментальный и своеобразный. Новизна научных знаний настолько восполняет багаж музыкознания СССР, что это дает основание на ученую степень. Мы должны учитывать его перспективы. А.К. Жубанов сейчас находится на большом творческом подъеме не только как музыковед, но и как композитор. В этом отношении докторское звание даст ему значительно большие возможности развития не только как исследователя и ученого, но и как композитора.

С другой стороны, история культуры Казахстана только сейчас начинает обобщаться, уточняться, и в этом отношении работа А.К. Жубанова в такой области культуры, как музыковедение Казахстана, бесспорно должна очень многое дать для всемирной культуры Казахстана в синтезе, ибо до революции носителями культуры Казахстана были, в основном, певцы, домбристы, композиторы и т.д. Описывая и научную деятельность таких выдающихся людей дореволюционного Казахстана, как Даулеткерей, Курмангазы и другие, А.К. Жубанов очень много делает для исследования истории культуры в ее обобщенном виде, ибо эти деятели дореволюционного искусства в Казахстане несли культуру в массы и были носителями культуры дореволюционного Казахстана.

Я весьма и весьма поддерживаю утверждение в ученой степени доктора искусствоведческих наук А.К. Жубанова без защиты диссертации.

Тов. Сауранбаев – В рецензиях официальных рецензентов подробно отмечены все положительные стороны работы А.А. Жубанова, я хотел бы указать на один момент. Создание нового национального искусства в Казахстане, безусловно, исторически связано с полным изучением того богатства, которое казахский народ создавал в

своей истории. Те же оперы и другие произведения в той или иной мере обогащают нашу современную казахскую советскую культуру.

Я хотел отметить, что характерной особенностью и ценностью основной как творческой, так и научно-исследовательской деятельности А.К. Жубанова является сочетание чисто творческой работы с научно-исследовательской. Жубанов не только композитор, но и хороший исследователь казахской музыки.

Нельзя сказать, что нет недостатков в его работе. Они есть, но все же его деятельность очень ценная. Желательно, чтобы А.К. Жубанов шел по линии композиторской и исследовательской музыки Казахстана, а также народной музыки, которая будет служить материалом для создания национальной музыки. Поэтому вполне поддерживаю предложения рецензентов о присуждении А.К. Жубанову звания доктора искусствоведческих наук без защиты диссертации.

Тов. Алексеев – Я хочу сказать очень немного. Каждая страна, которая переходит от народного искусства на путь искусства профессионального, обычно выдвигает своих деятелей и просветителей. Мы знаем из истории музыки и других искусств таких деятелей крупного масштаба, каким был Рубинштейн. И вот мне думается, что казахское музыкальное искусство, которое расцвело после Октябрьской революции, может считать своим наиболее выдающимся деятелем-пропагандистом, просветителем А.К. Жубанова. Это просветительство очень многое объясняет в его деятельности и дает хорошее понимание этой деятельности, потому что деятельность А.К. Жубанова, прежде всего, синтетическая. Это деятельность и композитора, и музыковеда, и крупнейшего общественного деятеля, и исполнителя.

А.К. Жубанов начал свою деятельность с записи народных произведений. Здесь он сразу же столкнулся со следующей проблемой, что многие произведения народных композиторов Казахстана, как, например, Курмангазы и других, для тех инструментов, для которых они были написаны, были слишком широки, выросли из этих рамок. А.К. Жубанов делает смелый шаг вперед – создает национальный оркестр, потому что понимает, что эти самостоятельные произведения наилучших музыкантов могут звучать по-настоящему лишь в оркестре. Это был чрезвычайно интересный эксперимент и смелый шаг, потому что А.К. Жубанов создает новый жанр, до той поры неизвестной в Казахстане музыки, жанр национального оркестра. Для этого Жубанову пришлось провести большую научно-исследовательскую работу, потому что те инструменты, которые были раньше, не годились для оркестра, и он создает новый тип инструментов, усовершенствуя старые инструменты, создает лабораторию, кабинеты, в которых проводится изучение казахской музыки. В результате этого

оркестр, организованный в 1935 году, получает высокую оценку на декаде казахского искусства в Москве, а сам А.К. Жубанов получает высшую правительственную награду. Создание оркестра ведет за собой создание Государственной Казахской филармонии.

В дальнейшем творческая деятельность А.К. Жубанова, его композиторская деятельность является деятельностью просветителя.

Если возьмем его научные труды, то увидим, что это, прежде всего, труды научные и, вместе с тем, труды просветителя, очень наглядно выявленные. Они написаны хорошим языком, хорошо читаются, рассчитаны на то, чтобы народное искусство Казахстана стало понятным казахскому народу и было рассчитано не на узкий круг специалистов, а поднятие общей культуры казахского народа.

И я присоединяюсь к общему мнению, что А.К. Жубанов заслуживает присвоения ему звания доктора искусствоведческих наук без защиты диссертации.

Тов. Мессман – Данный вопрос исчерпывающий и ясный, и вряд ли есть необходимость повторять друг друга. Я позволю себе быть кратким. Имя А.К. Жубанова широко известно, несмотря на то, что работает он сравнительно немного лет. Даже за пределами Казахстана известно имя выдающегося композитора, историка и музыкального деятеля. Недавно был свидетелем его творческого отчета, который убедительно и в полной мере показал все стороны творческой деятельности А.К. Жубанова. В этом отчете были показаны все стороны многообразной работы, была заслушана поэма «Абай» для большого оркестра, песни А.К. Жубанова с национальным оркестром и т.д. Этот творческий рапорт говорит о том, что перед нами художник, безусловно, передовой реалист, художник, не прибегающий к каким-то внешним средствам изображения, а глубокий художник. Особенно яркое впечатление создает исполнение поэмы «Абай», где чувствуется большая глубина. Первый акт оперы «Абай» показывает, что мы имеем дело с подлинным художником большого внутреннего содержания и больших внутренних творческих перспектив.

В отношении теоретической работы меня особенно убедило выступление одного из авторитетных деятелей казахской культуры – проф. М.О. Ауэзова, который дал ясный анализ значения теоретической работы А.К. Жубанова. Не зная языка, некоторым из нас довольно трудно понять, насколько важна эта работа. Авторитет Ауэзова и та ясность мысли, которая сформирована в отзыве проф. Ауэзова, имеет большое значение для оценки деятельности А.К. Жубанова.

Думаю, что музыкальная общественность Казахстана с большим удовлетворением примет весть о присуждении А.К. Жубанову звания доктора искусствоведческих наук. Я приветствую присуждение ему этого звания без защиты диссертации.

Тов. Сулейменов – Я позволю себе выступить очень коротко. Если в области литературы популярен М.О. Ауэзов, если в области геологии популярен профессор К.И. Сатпаев, то в области музыки, особенно музыки народной, почти единственным популярным представителем для всех широких масс является А.К. Жубанов.

Еще три года тому назад, после окончания рукописи последней большой научно-исследовательской работы А.К. Жубанова, мы, молодые читатели, вошли в Правительство с ходатайством, чтобы оно быстрее издавало большую научно-популярную работу музыкального творчества Жубанова.

А.К. Жубанов не только создал ряд музыкальных произведений и популяризировал перед широкими массами читателей произведения казахских композиторов, он, по существу, открыл казахских композиторов перед широкими массами читателей. До революции Казахстан был расчленен на отдельные области, округа, и композиторы одной области Казахстана и население ее не всегда знали композиторов другой области, и не всегда они были там популярны. После революции долгие годы создавалась и популяризировалась определенная музыка, но никто не мог популяризировать произведения других композиторов. Жубанов первый открыл этих композиторов, популяризировал их произведения. Это первая, большая и крупная заслуга перед наукой и общественностью со стороны Жубанова.

Организация первой музыкальной школы в лице музыкального техникума – первая крупная заслуга А.К. Жубанова. Следует подчеркнуть, что перед Жубановым как научным исследователем – историком и теоретиком музыки стоит большая задача – создать на основе народного богатства – народной музыки, совместно с другими композиторами-казахами в лице Е.Г. Брусиловского и других подлинную классическую музыку.

Не специалист в музыке, я все-таки позволю себе заметить, что казахская классическая музыка – казахская по содержанию и социалистическая по существу – создается и будет создаваться на основе народной музыки, народных мелодий, на основе тех произведений, которые были созданы народными композиторами.

Я считал бы очень своевременным, уместным и даже тактичным возбуждение ходатайства о присвоении степени доктора искусствоведческих наук заслуженному артисту А.К. Жубанову без защиты диссертации.

Тов. Павлов – Я позволю себе подытожить формальную сторону дела.

По закону мы имеем право возбудить ходатайство о присуждении ученой степени без защиты диссертации, когда человек из-

вестен своими произведениями и научными трудами. Эта сторона дела совершенно ясна. Мы заслушали целый ряд специалистов, которые обращали внимание на специальную и политическую сторону дела. Хочу подчеркнуть один момент: очень часто ученая степень присуждается людям, которые заканчивают жизненный путь научной работы. В данном случае имеем дело с другим моментом. Мы собираемся присудить ученую степень А.К. Жубанову в момент наивысшего расцвета его деятельности, когда эта деятельность развивается по целому ряду линий и требует сосредоточения творческого напряжения, которое никак иначе оценено быть не может. Я считаю этот факт очень отрадным и приветствую факт присуждения ученой степени в момент наивысшего творческого подъема А.К. Жубанова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ – Для окончания вопроса следует провести тайное голосование. Для подведения итогов тайного голосования нужна будет счетная комиссия. Слово имеет тов. Поляков – для предложения состава счетной комиссии.

Тов. Поляков – Есть предложение выбрать счетную комиссию из следующих членов Ученого совета: тов. Павлов, тов. Сауранбаев и тов. Догель.

Председатель счетной комиссии, член-корреспондент АН СССР, проф. В. Догель объявляет результаты тайного голосования по вопросу ходатайства об утверждении в ученой степени доктора искусствоведческих наук без защиты диссертации заслуженного деятеля искусств, композитора А.К. Жубанова.

Согласны – 15 человек.

Не согласны – нет

Воздержался – 1 человек

Председатель – Объявляет решение Ученого совета:

Возбудить ходатайство перед ВКВН об утверждении А.К. Жубанова в ученой степени доктора искусствоведческих наук без защиты диссертации.

Достоверность стенограммы подтверждаю:

Ученый секретарь Презид. КазФАН (И.А. Поляков)

ОТЗЫВ о научной работе А.К. Жубанова

Ахмет Куанович Жубанов сыграл значительную роль в изучении и развитии казахского национального искусства. Обладая исключительными музыкальными способностями, он с юных лет приобщился к народной музыке. Вращаясь с детства среди народных певцов, А. Жубанов, еще учеником двухклассного училища, не только освоил игру на скрипке и на народных инструментах, но уже и тогда стал проявлять особый интерес к истории развития народного музыкального искусства, к условиям жизни и работы народных акынов. Он знакомился с биографиями выдающихся певцов настоящего и прошлого и особое внимание обращал на значение народной музыки в быту местного населения. Непосредственно отсюда вырос интерес А. Жубанова к этнографии. Постепенно из него развивается первоклассный композитор, музыкант и этнограф.

В 1928 году Жубанов поступает в Ленинградскую Государственную консерваторию, курс которой оканчивает в 1932 году. Здесь он получил возможность пройти серьезную школу, занимаясь под руководством таких выдающихся специалистов, как проф. Этигон, Ниман и др. По истории музыки он занимался под непосредственным руководством Л.В. Асафьева.

Серьезная школа, пройденная под руководством выдающихся специалистов, дала А. Жубанову полное основание развернуть свою полезную деятельность в Казахстане. Он оказался хорошо знакомым с особенностями не только восточной музыки, но и западной. Он смог проводить сравнительный их обзор и тем самым уточнять характерные, ведущие особенности народного творчества казахских певцов-композиторов. Более того, опыт и теоретические знания выдвинули А. Жубанова как творческого новатора и прогрессивного деятеля в деле дальнейшего подъема народной музыки на новую ступень. Уже в 1934 году А. Жубанов на первом Всеказахстанском слете деятелей народного искусства выступает организатором первого казахского национального самодеятельного оркестра. В следующем, 1935 году, на базе этого оркестра была организована Казахская Государственная филармония, первым директором которой становится тот же А. Жубанов. В 1937 году он назначается дирижером Казахского Государственного оперного театра.

В 1936 году А. Жубанов получает Правительственную награду – орден «Знак Почета» и звание Заслуженного деятеля Республики. С 1938 года он оставляет дирижерскую деятельность и всецело отдает себя труду композитора и историка национальной музыки.

Весь этот краткий обзор неутомимой и плодотворной деятельности А. Жубанова характеризует его как замечательную, яркую фигуру крупного деятеля на ответственном поприще развития народного искусства.

Глубокий интерес к истории национальной музыки выдвинул перед А. Жубановым весьма сложное задание – учесть все имеющиеся сведения об особенностях творческой деятельности и направленности отдельных выдающихся акынов в достигаемой глубине истории. Потребовался сбор материала и разрозненных сведений. Готовых пособий в этом направлении не было. А. Жубанову пришлось начинать работу практически заново.

Здесь на помощь ему пришли еще с юности проявлявшийся интерес к поисковой работе, обширные знания в области этнографии и прекрасная теоретическая школа, пройденная в Ленинграде.

А. Жубанов, как историк музыки, подходит к каждому певцу и композитору с учетом всей многосторонности его творческой деятельности. Певец-казак в то же время и композитор. Традиционный пересказ сюжета старого героического эпоса, новое сюжетотворчество получают свое отражение и в музыкальном исполнении. Народная музыка вовсе не находится в застывшем состоянии, она не находилась в нем и раньше. Этот вечно идущий процесс роста народного творчества нужно было уловить. Его нужно было понять и объяснить. В особенности сложен процесс роста народного искусства и вообще национальной культуры. В последнем А. Жубанов принимает самое горячее и непосредственное участие.

А. Жубанов впервые создает национальный оркестр, оформляет музыкальную постановку к целому ряду наиболее значительных постановок драматических и оперных театров, составляет музыкальные пьесы, направляет идейно-политическую деятельность Казахской Государственной филармонии на дело служения интересам войны и сам пишет ряд массовых песен, посвященных Великой Отечественной войне.

В области теории и истории казахской музыки А.К. Жубанов составил себе крупное научное имя рядом работ, имеющих большое научное значение. Им в 1933 году было составлено первое учебное пособие на казахском языке по теории музыки («Азбука музыкальной грамоты»). Им впервые дан исчерпывающий обзор жизни и деятельности казахских народных композиторов и исполнителей:

Курмангазы (1936 г.) и Даулеткерей (1942 г., пока еще в рукописи). А.К. Жубанов знакомит также казахских читателей с жизнью и деятельностью русских композиторов (Чайковского и др.). Большое внимание уделяет он истории развития казахских народных инструментов. В 1942 году (в рукописи) им составлено подробное описание этих инструментов и исторический их обзор. Специально он останавливается на домбровом оркестре (только в рукописи). Здесь он делится своим богатым опытом дирижера. Оценка всех этих работ дается в других отзывах соответствующих специалистов. Я ограничиваюсь лишь общим на них указанием и подтверждением основного моего положения, сводящегося к тому, что А.К. Жубанов строит свою теоретическую работу по истории казахской музыки на прочном фундаменте практического опыта композитора – знатока народного инструмента и человека с большим кругозором. Он хорошо знаком с европейской музыкой и глубоко вник в изучение отличительных свойств своего родного национального музыкального искусства.

На этом фундаменте А.А. Жубанов смог построить наиболее выдающуюся, с моей точки зрения, работу «Жизнь и творчество казахских композиторов» (опубликовано в 1942 году). Этот объемный научный труд подытоживает всю многообразную и многолетнюю работу автора. В ней выявился и талант композитора, и наблюдательность этнографа, и глубокое знание истории. Автор дает обзор крупнейших произведений и первый исчерпывающий библиографический указатель по литературе о казахской музыке и казахских композиторах. Многие записи песен публикуются им в первый раз. Он впервые дает развернутую и правильную оценку значения деятельности отдельных певцов-композиторов, отмечая их общественную роль в культурной жизни края. Он подробно останавливается также и на технике исполнения отдельных произведений и на технических особенностях, применяемых тем или иным певцом. На этом фоне А.К. Жубанову удалось выделить ряд направлений, школ в развитии инструментальной и вокальной музыки Казахстана.

Эта книга является по своему объему и охвату материала первым по своему значению трудом в области изучения казахского музыкального искусства. До нее имелись лишь отдельные очерки. Сводного обзора еще не было. Для составления такового требовалась исключительно усидчивая работа, прекрасное знание материала и трезвый взгляд ветерана-этнографа. Требовался и собственный талант композитора. Лишь при сочетании этих качеств в лице А. Жубанова начатая многолетняя работа могла завершиться успехом. Названный труд не претендует на популярность изложения,

но отличается ясным, четким и доступным изложением, свидетельствующим о высокой культуре и прекрасном теоретическом уровне знаний его автора, пользующегося заслуженным уважением.

Упомянутая мною работа завершает собой комплекс всех перечисленных выше. Весь этот комплекс кропотливого научного труда историка казахской музыки в совокупности с практической деятельностью композитора и дирижера ярко выдвигают на почетное место самого исполнителя и творческого ученого.

При таких условиях заслуженный деятель науки, орденоносец А.К. Жубанов вполне, по моему мнению, заслуживает присвоения ему ученого звания доктора искусствоведческих наук без защиты диссертации.

Академик АН СССР

(И.И. МЕЩАНИНОВ)

10-го июня 1943 года

Алма-Ата

Подпись академика И.И. Мещанинова удостоверяю:

Уч. секретарь Президиума КазФАН (И.А. ПОЛЯКОВ)

О Т З Ы В

о сочинении А.К. Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов» (на казахском языке)

Алма-Ата, 1943 г.

Составить монографию, например по музыкальному творчеству П.И. Чайковского, Шопена или Гуно, – это одно. Их музыкальные произведения неоднократно издавались и комментировались. Имеются подробные биографии, воспоминания современников. Издана их переписка и прочее, прочее. Написать же подобное о казахских композиторах 19 века, что сделал А.К. Жубанов, – вещь очень и очень трудная. Ведь записанных нот-то даже нет! Что уж тут говорить об изданиях! Нужно сначала все это записать и собрать. Опять: Как собрать? Как определить индивидуальное от наслоившегося? Что есть индивидуальное творчество композитора и где начинается область народного творчества, область музыкальной этнографии? Наш автор – А.А. Жубанов, посильно все это преодолел.

А.К. Жубанов отображает нам в соответствующих главах жизнь и творчество 18 казахских композиторов (стр. 17-179), а в приложении

(стр. 180 – 282) дает нам и ноты 14 музыкальных номеров этих же 18 авторов. Было бы совсем ошибочным считать эти главы простыми биографиями. Нет!

Это, главным образом, отображение творческого пути данного композитора. Например, книга начинается с повествования о музыкальном творчестве композитора Курмангазы (1818-1893 г.г.). На стр. 20-33 приводятся, например, рассказы о творчестве Курмангазы относительно песни «Адай» (ноты на стр. 181-184). А. Жубанов, совершенно правильно приняв во внимание суждения разных лиц об авторстве кого-либо в отношении какого-либо произведения, приходит к выводу, что при сомнениях и противоречивых суждениях об авторах музыкальных пьес, достоверный результат могут дать и дают не побочные сведения, а музыкально-теоретический анализ самого произведения. Нужен тщательный анализ вариантов в передаче произведения, чтобы решить, который из этих вариантов является основным и который – слабым подражанием своему подлиннику.

Все творческие характеристики казахских композиторов даны очень содержательно, серьезно и красочно. Это, в некоторых случаях, часть культурной истории или истории культуры казахского народа. Особенно удались автору главы о Курмангазы, Дине, Жаяу-Мусе и др.

А.К. Жубанов дает везде подробную музыкальную характеристику и подробный разбор каждого крупного музыкального произведения. Некоторые песни сопровождаются и соответствующим текстом.

А.К. Жубанов не ограничивается узко деятельностью только самих этих композиторов. Нет. Он смотрит, как и следует, на то, какой след оставил тот или другой композитор в дальнейшем ходе истории музыки казахов. Он сообщает нам об учениках этих 18 композиторов и даже об учениках этих учеников. Например, на стр. 41-42 дается целая родословная музыкантов от Курмангазы, на 57 стр. – от Даулеткереев, на 93 стр. – от Ыхласа, на 112 стр. – Биржана, из коих рано умерший Амре Кошаубаев изображен на стр. 111.

Разумеется, автор – А.К. Жубанов пользуется каждым удобным случаем поговорить о домбре, о технике игры на ней, о несравненной технике игры у Курмангазы, об игре Дины Нурпеисовой и др. Упоминаются еще такие инструменты, как сыбызгы, кобыз и др. А.К. Жубанов прослеживает отголоски творчества этих композиторов вплоть до современных нам опер. Он, например, указывает на некоторые мелодии в операх «Кыз-Жибек», «Жалбыр» или «Ер-Таргын» из творчества Мухита, пишет о музыке Сары и кинокартины «Аман

гельды», о некоторых мелодиях Мади в опере Е.Г. Брусиловского «Айман-Шолпан».

На стр. 232-235 А.К. Жубанов дает список книг, статей и заметок разных авторов о казахской музыке. Прежде всего, здесь замечу, что автор, упомянув на стр. 26 о книге Затаевича «500 песен...» (Алматы, 1931 г.), напрасно не упоминает ее в своей библиографии. К библиографии по казахской музыке я мог бы еще добавить, например, И.В. Готовицкого «О характере киргизских песен»...

Думаю, что А.К. Жубанов мог бы что-либо выбрать и дополнить свою библиографию по части музыки и песен казахов по «Указателю книг, статей и газетных заметок о киргиз-казаках» А.Е. Алекторова (Изд. Общ. археологии, истории и этнографии при Казанском университете).

Я считаю, что за этот большой и ценный труд А.К. Жубанов вполне заслуживает степени доктора искусствоведческих наук. Принимая же во внимание его полезную и многолетнюю деятельность в качестве дирижера театра, композитора, директора филармонии, автора многих музыкальных произведений и ученых статей по истории музыки казахов, я нахожу вполне справедливым ходатайствовать о присуждении А.К. Жубанову этой степени доктора без защиты им диссертации.

14 июня 1943 г.

Алма-Ата

Член-корреспондент АН СССР,

Член музыкально-этнографической комиссии

Географического общества

(С.Е. МАЛОВ)

Подпись член-корр. АН СССР С.Е. Малова удостоверяю

Уч. секретарь Президиума КазФАН **(И.А. ПОЛЯКОВ)**

О Т З Ы В

**о книге исследователя казахской музыки,
композитора Жубанова Ахмета Куановича
«Жизнь и творчество казахских композиторов»**

Книга, впервые излагающая в строгой последовательности, в стройной системе научного исследования факты жизни и творческой деятельности группы выдающихся казахских композиторов, не только воскрешает их имена для истории культуры или

для истории казахской музыки. Автор широко освещает историческую эпоху, вникает в глубины общественной психологии, в исторически обусловленные смены вкусов, построений той среды, которая выдвинула каждого из композиторов-певцов. Конкретно, тонко анализируя наследие каждого из них через их творческую психологию, через особенности их индивидуального дарования, через особенную личную судьбу каждого композитора, автор на исследуемом им материале восстанавливает для нашей современности и для будущего широкую картину вековой истории борьбы и судеб, дум и чувствований передовых деятелей своего народа.

Книга о композиторах-кюистах и о композиторах-певцах прошлого столетия стала одновременно и книгой о развитии общественных идей, творческой мысли в напряженной борьбе казахского народа за его независимость, за утверждение его исторических прав, его идеалов и чаяний.

Научно обоснованный, преемственно-исторический путь исследования всего процесса развития казахской музыки в общей связи с развитием общественной борьбы и развитием других параллельных рядов духовной культуры казахского народа /как, например, поэзии классической и устной/ помог автору, во-первых, быть многосторонне конкретным в изучении множества произведений различных авторов в различные эпохи и в различных, далеко отстоящих друг от друга областях Казакстана, во-вторых, помог ему также сделать наиболее верные, плодотворные в научном смысле значительные обобщающие выводы.

Книга иллюстрирует собою продуктивное взаимодействие двух сторон деятельности А.К. Жубанова – как композитора и научного исследователя. Он в творчестве своем одновременно пытливый исследователь, а в исследовании одновременно творчески, оригинально изобретателен.

Дальнейшие исследования А.К. Жубанова еще продолжат список композиторов, творцов казахской музыки, а сейчас в пределах того круга музыкального наследия, которое вошло в книгу А.К. Жубанова как объект его изучения и исследования, наиболее научно-ценные неустановленные ранее никем значительные положения выдвинуты автором в вопросах установления наилучших художественных традиций и школ композиторов-кюистов и композиторов-певцов. Это относится к детальному анализу особенностей творчества Курмангазы и Даулеткерейя – двух основоположников, различных по воззрениям, по пониманию роли и значения творчества, по характерным стилевым особенностям течений в истории музыкальной культуры казахского народа.

Борец за правду, лучший и деятельный продолжатель идейных традиций Махамбета, Исатая Курмангазы изучен в книге не в суммарной, обобщенной характеристике его творчества, а через последовательный, конкретный, историко-теоретический анализ каждого в отдельности из его кюев, как «Серпер», «Кобик шашкан», «Кисен ашкан», «Тюрмеден кашкан» и т.д.

Раскрытие основного настроения, доминанты в каждом отдельном произведении у исследуемых композиторов в непосредственной связи с историческими событиями в жизни края, народа проходит яркой, отчетливой чертой и в анализе поздних произведений, живших еще в начале 20-го столетия композиторов. Так, например, убедительно и оригинально объяснено автором возникновение и особенность природы кюев: «Акоп», «Мугалим» у Казангапа. Кюев: «Заман», «16 год», «17 год» у Сейтека. Правдиво, верно раскрыт смысл кюя «Кайгын Кара» у Мамена – композитора, так глубоко удрученного бедственными событиями тягостных лет эпохи безвремения.

Теоретические научные объяснения исторических причин, способствовавших возникновению различных школ кюистов, еще с большей убедительностью оправдываются в установлении особых оригинальных традиций, школ и у композиторов-певцов. Так, совершенно справедливо выделены автором книги как основоположники новых приемов песнотворчества Биржан, Мухит. А благодаря детальному, проникновенному изучению жизни и особого характера творчества Жаяу Мусы и отчасти Майры, установлены автором пути и примеры преемственности культурного влияния русской и европейской интернациональной музыки /в лице маршевой, танцевальной и др./ на творчество казахских композиторов, а через это на весь ход развития казахской музыки накануне Великой Октябрьской Революции.

На основе собранных /в результате многолетних изысканий/ обильных материалов о каждом из композиторов А.К. Жубанов установил не только музыкально-творческую, но и одновременно поэтически творческую роль в особенности многих певцов-композиторов. И как творческая личность, характеризующая своими произведениями целую среду его предшественников и исследователей, А.К. Жубанов избрал для своего изучения не только композиторов одной или двух областей, а брал, наоборот, композиторов различных областей Казахстана. Этим самым он смог восстановить широкую картину творческих исканий и достижений казахских композиторов в течение целого столетия на всем обширном пространстве Казахстана.

Учитывая все указанные здесь высокие научные качества последнего солидного труда А.К. Жубанова, считаю вполне законным присвоить ему ученую степень доктора искусствоведческих наук без защиты диссертации.

10 июня 1943 г.

Профессор

/Мухтар Ауэзов/

Подпись профессора М. Ауэзова удостоверяю:

Ученый секретарь Президиума

Каз. ФАН АН СССР

/И.А. Поляков/

ГЛАВА 2

КОМПОЗИТОР И МУЗЫКОВЕД

Велика и почетна историческая миссия советской музыки, призванной продолжить и развить в социалистических условиях прогрессивные традиции музыкальной классики. Советским композиторам выпала ответственная задача встать во главе всех передовых сил мирового музыкального искусства с тем, чтобы отстоять музыку нашего времени от бесславного модернистического вырождения и распада. За тридцать четыре года советская музыка уже накопила немало ценных творческих достижений, являющихся новым шагом в развитии отечественного и мирового реалистического искусства. Но вместе с тем эти достижения еще не удовлетворяют возросшим запросам нашего народа; еще очень часто отмечаются идейные и художественные промахи в творчестве советских композиторов. Несомненно, успехи советской музыки были бы выше и ярче, талантливость многих наших композиторов проявилась бы сильнее, если бы в нашей музыкальной среде была достаточно широко развернута принципиальная и профессионально убедительная критика и самокритика.

Надо ли напоминать многие высказывания руководителей большевистской партии о великой роли критики и самокритики во всей жизни нашего народа, и в частности в жизни творческих организаций? Товарищ Жданов, выступая на совещании деятелей советской музыки, подчеркнул, что «творческая дискуссия и объективная независимая критика – это стало уже аксиомой – являются важнейшим условием творческого развития. Там, где нет критики и творческих дискуссий, иссякают источники развития, укореняется тепличная обстановка затхлости и застоя, в которой меньше всего нуждаются наши композиторы».

Честная и прямая критическая мысль всегда служила действенным идейным оружием в руках передовых русских музыкантов; она резко осуждала все отсталое, чуждое народу и горячо поддерживала здоровые и ценные проявления народности и реализма. Всем памятна та историческая роль, которую сыграли в развитии

русской музыки такие выдающиеся представители прогрессивной музыкальной критики, как Одоевский, Серов, Стасов, Кругликов, Кашкин, Асафьев и другие. Всем памятны примеры тесной творческой дружбы Одоевского с Глинкой, Стасова с Мусоргским и Балакиревым, Лароша с Чайковским и Танеевым, Римского-Корсакова с Крутиковым и т. д. Всем памятна также активнейшая и чрезвычайно плодотворная деятельность в области музыкальной критики таких замечательных русских композиторов, как Чайковский, Римский-Корсаков, Бородин, Кюи, Мясковский и ряд других.

Прошлое русской музыки дает многочисленные примеры вдумчивого и серьезного отношения крупных композиторов и музыкальных деятелей к критике, их умения прислушиваться к критическим замечаниям по своему адресу и извлекать из них необходимые выводы. Известно, что В.В. Стасов всегда предпочитал выслушивать от своих читателей деловые критические замечания, нежели пустые «неискренние» комплименты. «Всегда больше верю (и искренно, до глубины души) порицаниям, – говорил он. – Порицания всегда в 100 раз правдивее и дельнее». Об этом же с большой прямоотой говорил С.И. Танеев: «Порицания интереснее похвал. В них бывает часто много поучительного и справедливого. Если же нет, то неужели нельзя перенести спокойно несправедливости в порицании, когда мы столько раз в жизни выслушиваем с радостью незаслуженные похвалы?»

Как полезно напомнить эти высказывания выдающихся музыкантов прошлого тем нашим современникам, которые сплошь и рядом воспринимают критику нетерпимо, видя в ней не проявление дружеского участия к их творчеству, а некий намеренно недружелюбный акт! Нужно учиться трезво, по-большевистски воспринимать критику товарищей и извлекать из нее правильные творческие выводы. И обижаться нужно не на критику, как это часто бывает, а скорее на отсутствие критики, на неискренние поверхностные похвалы, на равнодушие и незаинтересованность товарищей, встречающиеся еще порой в нашей музыкальной среде.

Было бы неверно утверждать, что за годы, прошедшие после Постановления ЦК ВКП(б) о музыке, в композиторских организациях не изменилось отношение к критике и самокритике. Несомненно, в большинстве союзов композиторов удалось ликвидировать былую обстановку затхлости и застоя, резко осужденную Постановлением. На обсуждениях и творческих смотрах можно нередко услышать прямые и справедливые критические замечания по поводу неудавшихся произведений и конкретные предложения, направленные к совершенствованию формы, к более полному художественному за-

вершению отдельных творческих замыслов. Можно назвать примеры действительности наших критических выступлений, когда ряд произведений был доработан авторами в результате принципиальной товарищеской критики, прозвучавшей на обсуждениях в союзах. Так были улучшены и доведены до более совершенного художественного уровня такие произведения, как симфоническая поэма «Азов-гора» А. Муравлева, «Гуцульская рапсодия» Г. Майбороды, оперы «Семья Тараса» Д. Кабалевского, «Молодая гвардия» Ю. Мейтуса. Учтя ряд предложений, высказанных на собрании хоровой секции Союза композиторов, существенно доработал свой новый цикл («Десять поэм для хора») Д. Шостакович. На основе критических замечаний, выслушанных на обсуждении в Большом театре, дорабатывает сейчас свою оперу «Декабристы» Ю. Шапорин. Число подобных примеров можно было бы умножить. Они говорят о возросшей созидательной роли критики в нашей творческой жизни, о созревающем в нашей среде чувстве коллективной ответственности за подлинный, большой успех талантливых советских композиторов.

И все же уровень и направленность критики и самокритики в союзах композиторов далеко еще не соответствуют тем высоким принципам, которые провозглашены нашей большевистской партией. В редакционных статьях «Правды» за последнее время не раз справедливо указывалось на недопустимо слабое развертывание творческой дискуссии в композиторских организациях. В нашей печати были резко осуждены ошибочные выступления отдельных критиков, пытавшихся дезориентировать читателей незаслуженными похвалами по адресу примитивной и фальшивой оперы «От всего сердца». Вместо того, чтобы прямо сказать о крайне низком идейно-художественном уровне этой оперы, искажающей облик советских колхозников, критики пытались во что бы то ни стало найти в ней несуществующие достоинства, восторженно оценить самый факт обращения авторов к современной теме. Такие же непринципиальные восторженно-рекламные выступления отдельных критиков имели место в связи с постановками опер «Богатая невеста» Б. Трошина и В. Энке, «Героиня» А. Степаняна, оперетты «Сын клоуна» И. Дунаевского и т. п.

Подобные восхваления идейно неполноценных, слабых произведений идут вразрез с мнением советской общественности, ведут к недопустимому снижению требований, наносят непоправимый вред развитию нашего искусства.

«Всякое ложное произведение, восхваленное критиками, есть дверь, в которую тотчас же врываются лицемеры искусства», – говорил когда-то Л.Н. Толстой. И действительно, мы очень часто на-

блюдаем, как либеральное отношение критики к недостаткам и порокам отдельных музыкальных произведений рождает новые творческие неудачи, содействуя общему снижению критериев.

Следует признать, что в нашей музыкальной среде все еще не изжита критика приятельская, рекламно-захваливающая, всепрощающе мягкая и нетребовательная. В самое последнее время на обсуждении весьма ошибочной симфонии № 3 Б. Лятошинского на 6-м пленуме Правления Союза композиторов Украины некоторые члены ССК (Е. Юцевич, П. Поляков) пытались ослабить критику этого произведения, объявить его чуть ли не великим достижением патриотического искусства, равным... хору «Славься» из оперы Глинки «Иван Сусанин» или песне Александрова «Священная война». С либерально-половинчатой оценкой этой явно формалистической симфонии выступила музыковед М. Крохмаль-Орябинская. В Грузии во время обсуждения новых произведений в октябре текущего года музыковед П. Хучуа расточал чрезмерные похвалы оратории Г. Киладзе «Юность вождя», изобилующей недостатками формы и идейными ошибками.

В настоящем номере журнала публикуются материалы о националистических извращениях в деятельности казахского музыковеда А. Жубанова, чья книга по истории казахской народной музыки пронизана откровенно реакционными, вредными идеями. Такая книга могла появиться только в результате гнилого попустительства местной критики, в атмосфере не критического отношения ко всей деятельности А. Жубанова, занявшего ряд руководящих постов в музыкальных организациях республики и мешавшего росту молодых кадров музыкантов.

Наряду с критикой приятельской, у нас встречается критика безответственная и профессионально не обоснованная, не опирающаяся на данные глубокого и тщательного анализа музыкальных произведений. Подобная критика «с наскоку» – по первому случайному прослушиванию, без предварительного знакомства с нотным материалом – сплошь и рядом ведет к скороспелым и несправедливым выводам о ценности того или иного произведения, дискредитируя высокие принципы критики и самокритики. Примеры такой критики очень часто дает практика наших творческих секций и комиссий.

Недавно в оперной секции ССК в Москве обсуждалась опера А. Спадавеккиа «Хождение по мукам». Ни один из многочисленных ораторов-музыковедов, выступавших на обсуждении, не удосужился предварительно ознакомиться с клавиром оперы (хотя произведение это сравнительно не новое – оно впервые показывалось в

Союзе почти полтора года тому назад). Ни один из композиторов, имеющих опыт работы в оперном жанре, не выступил на обсуждении оперы. Большинство выступлений свелось к весьма общим, малодоказательным суждениям.

Правы многие наши композиторы, которые высказывают свою неудовлетворенность такого рода критикой, тоскуя по критике доказательной, научно обоснованной, способной обогатить и направить по верному руслу творческую мысль.

Примером поверхностных и бездоказательных суждений о советской музыке является статья Ю. Кремлева «На подъеме к реализму», опубликованная в восьмом номере ленинградского журнала «Звезда» за 1951 год. Автор статьи ухитрился на протяжении восьми страниц оценить и прокомментировать свыше 150 произведений советских композиторов, созданных за три года. В ряде случаев эти оценки поражают своей поверхностностью и безапелляционностью. Что могут, например, дать композитору и рядовому читателю журнала такие наспех приклеенные ярлыки-характеристики: «В скрипичном концерте А. Бабаджаняна слишком много внешних технических эффектов и риторики. Сух и невыразителен (за исключением певучих фрагментов второй части) фортепианный концерт А. Кереселидзе. Вял, однообразен и аморфен виолончельный концерт Р. Габичвадзе. Музыке популярного скрипичного концерта Д. Кабалевского (посвященного образу советской молодежи) подчас не хватает интонационного прямотушия и задушевности» и т. д., и т. п. Такой же стремительный галоп проделывает автор, обозревая новые симфонии, квартеты, сюиты и другие произведения. Самое же неприятное и опасное в статье заключается в утере пропорций: Ю. Кремлев раздает одинаковое количество скупых похвал и столь же скупых порицаний произведениям самой различной идейно-художественной значимости – 27-й симфонии Мясковского и фортепианным транскрипциям С. Кагана, «Кантате о Родине» Арутюняна и слабой кантате И. Финкельштейна. В результате такой критики действительные достижения советской музыки, большие идейные завоевания нашего искусства смешиваются с третьестепенными, незначительными явлениями. Получается, что «все кошки серы». Возникает ложная, обедненная картина нашей творческой жизни, в которой все, и хорошее и плохое, выглядит одинаково бесцветным при одинаково бесстрастной регистрации достоинств и пороков. Подлинная художественная критика, требующая гневного осуждения недостатков и страстной поддержки всего ценного и прогрессивного, подменена здесь равнодушным брюзжанием, способным лишь подорвать у широкого слушателя интерес к современной советской музыке.

Данная статья Ю. Кремлева типична своим крайне поверхностным и неразборчивым применением величайшего оружия критики в области искусства. Оружие это, пущенное в ход без достаточно продуманной и принципиально обоснованной идейной целеустремленности, может дать самые нежелательные результаты, принести вместо пользы существенный вред.

Не изжиты у нас и примеры критики разносной, уничтожающей, подменяющей доказательный анализ ошибок композитора оскорбительными, обидными для художника щелчками. Необходимая резкость и прямота подменяются в такого рода критике ненужной злостью и недоброжелательством. Так, на прослушивании нового балета в дирекции Большого театра один из участвовавших в обсуждении композиторов публично заявил, что музыка балета напоминает ему... «сопровождение к комическим фильмам Глупышкина». Московский музыковед К. Розеншильд, выступая на обсуждении новых произведений 1950 года, обнаружил в сюите Н. Богословского «Василий Теркин» изображение «банно-прачечного комбината», а героев «Польской сюиты» М. Вайнберга объявил «куклами в польских костюмах». Слов нет, оба эти произведения нуждались в критической оценке, но для доказательства их художественных недочетов необходимы были точные, профессионально обоснованные аргументы и аналитические данные, а не сомнительные фельетонные остроты.

Наши критики мало и редко общаются с композиторами, не спорят с ними по принципиальным творческим вопросам, не считают нужным встречаться с авторами анализируемых произведений, чтобы предварительно выяснить их замыслы и намерения. Из двадцати критиков, выступивших в печати по поводу оперы Д. Кабалевского «Семья Тараса», ни один не счел нужным предварительно побеседовать с композитором; в результате некоторые статьи оказались неточными, ошибочно характеризующими те или иные конкретные детали произведения.

Крайне редко и несистематично выступают в качестве критиков наши крупнейшие мастера-композиторы. Чаще всего они при этом отговариваются неумением писать о музыке. Между тем, длинный советский художник не может не быть мыслителем, четко осознающим свои художественные принципы, не имеет права замыкаться только в кругу своих личных творческих интересов. Опыт Шапорина и Кабалевского, Хренникова и Шостаковича и некоторых других наших композиторов, успешно выступающих на поприще музыкальной критики, должен быть умножен. Именно композитор может с особой убедительностью раскрыть перед музыкальной мо-

лодежью, перед многочисленными читателями наших журналов и газет многие существеннейшие вопросы формы и мастерства, поделиться живым опытом своего творчества, имеющим исключительно важное общественное значение.

Нельзя не пожалеть и о том, что многие наши композиторы редко участвуют в дискуссиях и обсуждениях, устраиваемых в Союзе, и в частности, игнорируют специальные творческие собрания, посвященные актуальным вопросам советской музыки. Задача Секретариата Союза и руководителей секций – устранить эту крайне досадную оторванность композиторов от творческой дискуссии и не на словах, а на деле активизировать развертывание критики и самокритики в композиторской организации.

Без умной и требовательной, принципиальной и дружелюбной музыкальной критики, без непрестанно развивающейся, глубокой научно-эстетической мысли советская музыка не может успешно двигаться вперед. Об этом вновь следует напомнить нашим композиторским организациям. Пора изменить формы обсуждения музыки в творческих комиссиях и секциях, отказаться от обезличенно-конвейерного метода показа новых произведений; если руководители секций сумеют выдвинуть для широкой дискуссии наиболее интересные, принципиально важные сочинения, если такого рода прослушивания будут предваряться серьезным изучением музыкального материала и специально подготовленными сообщениями, пользы от дискуссий будет значительно больше.

Пора повысить ответственность наших критиков за каждое сказанное ими слово, решительно осудив как приятельское либеральное похваливание, так и огульную бездоказательную «долбежку». Необходимы более систематическая и строгая «критика критиков», более требовательные и частые обсуждения всей продукции наших музыковедов с участием широкой музыкальной общественности.

Нужны более тесная и принципиальная творческая дружба и взаимопомощь критиков и композиторов. Только на основе высокой взаимной требовательности и постоянной тесной взаимосвязи между теоретической мыслью и данными творческой практики, только при условии непрерывного идейного и профессионального совершенствования нашего музыкознания требование партии о развертывании подлинно большевистской творческой дискуссии в Союзе композиторов будет, наконец, осуществлено на благо всей советской музыкальной культуре.

Выкорчевать до конца остатки буржуазного национализма

В Союзе советских композиторов Казахской ССР состоялось двухдневное совещание, на котором был обсужден ряд статей в газетах «Советское искусство», «Казахстанская правда», «Социалистический Казахстан» и «Ленинская смена», подвергших резкой критике неудовлетворительное состояние музыковедения в Казахстане.

Совещание состоялось вскоре после пленума ЦК КП(б) Казахстана, на котором обсуждался вопрос о состоянии и мерах улучшения идеологической работы в республике и, в частности, о борьбе с буржуазно-националистическими извращениями в области искусства.

«За последние годы, – сказал в своем докладе на пленуме секретарь ЦК КП (б) Казахстана Ж. Шаяхметов, – писатели и работники искусств республики создали ряд интересных литературно-художественных и музыкальных произведений на современные и исторические темы».

Вместе с тем докладчик вскрыл грубейшие извращения буржуазно-националистического характера, допущенные в исторической науке и литературе: «На протяжении длительного времени буржуазные националисты всячески восхваляли реакционное феодально-монархическое движение 20-х–40-х годов XIX века султана Кенесары Касымова, направленное на возрождение патриархально-феодальных порядков и отторжение Казахстана от России. Они изображали его как прогрессивное национально-освободительное движение. При этом замалчивалось и искажалось прогрессивное значение добровольного присоединения Казахстана к России. Враждебная концепция нашла наиболее яркое свое выражение в «трудах» ныне разоблаченного буржуазного националиста Е. Бекмаханова.

Некоторые писатели и литературоведы (Е. Исмаилов, Х. Джумалиев, М. Ауэзов, Г. Мусрепов, С. Муқанов, Х. Бекхожин и другие) в своих произведениях возвеличивали палача и душителя казахского народа Кенесары, ханов, султанов, баев, а также придворных реакционных акынов, выдавая их творчество за народный эпос. Некоторые из писателей чрезмерно увлекались описанием древней старины и феодально-байского быта».

Совещание в Союзе композиторов Казахстана со всей очевидностью подтвердило, что грубые извращения буржуазно-националистического характера были допущены и в области музыкального искусства, в частности, в музыковедении. На совещании были вскрыты факты неудовлетворительной работы республиканского Союза советских композиторов и его музыковедческой секции, возглавлявшейся А. Жубановым.

Выкорчевать до конца остатки буржуазного национализма

В Союзе советских композиторов Казахской ССР состоялось двухдневное совещание, на котором был обсужден ряд статей в газетах «Советское искусство», «Казахстанская правда», «Социалистический Казахстан» и «Ленинская смена», подвергших резкой критике неудовлетворительное состояние музыковедения в Казахстане.

Совещание состоялось вскоре после пленума ЦК КП(б) Казахстана, на котором обсуждался вопрос о состоянии и мерах улучшения идеологической работы в республике и, в частности, о борьбе с буржуазно-националистическими извращениями в области искусства.

«За последние годы,— сказал в своем докладе на пленуме секретарь ЦК КП(б) Казахстана Ж. Шаяхметов,— писатели и работники искусств республики создали ряд интересных литературно-художественных и музыкальных произведений на современные и исторические темы»¹.

Вместе с тем докладчик вскрыл грубейшие извращения буржуазно-националистического характера, допущенные в исторической науке и литературе:

«На протяжении длительного времени буржуазные националисты всячески восхваляли реакционное феодально-монархическое движение 20-х—40-х годов XIX века султана Кенесары Касымова, направленное на возрождение патриархально-феодальных порядков и отторжение Казахстана от России. Они изображали его как прогрессивное национально-освободительное движение. При этом замалчивалось и искажалось прогрессивное значение добровольного присоединения Казахстана к России. Враждебная

концепция нашла наиболее яркое свое выражение в «трудах» ныне разоблаченного буржуазного националиста Е. Бекмаханова.

Некоторые писатели и литературоведы (Е. Исмаилов, Х. Джумалиев, М. Ауэзов, Г. Мусрепов, С. Муқанов, Х. Бекхожин и другие) в своих произведениях возвеличивали палача и душителя казахского народа Кенесары, ханов, султанов, баев, а также придворных реакционных акынов, выдавая их творчество за народный эпос. Некоторые из писателей чрезмерно увлекались описанием древней старины и феодально-байского быта»².

Совещание в Союзе композиторов Казахстана со всей очевидностью подтвердило, что грубые извращения буржуазно-националистического характера были допущены и в области музыкального искусства, в частности в музыковедении. На совещании были вскрыты факты неудовлетворительной работы республиканского Союза советских композиторов и его музыковедческой секции, возглавлявшейся А. Жубановым.

В центре внимания всех выступавших на совещании была книга А. Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов», которая в течение почти десяти лет считалась в Казахстане компетентным «научным трудом» по истории казахской народной музыки и вообще была единственным в республике печатным изданием по истории музыкального искусства. Учащуюся молодежь из года в год заставляли усваивать сотни страниц этой вредной книги, насквозь пропитанной ядом буржуазного национализма! До последнего времени книга была известна лишь на казахском языке, перевод на

¹ «Правда» от 20 октября 1951 года.

² Там же.

В центре внимания всех выступавших на совещании была книга А. Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов», которая в течение почти десяти лет считалась в Казахстане компетентным научным трудом по истории казахской народной музыки и вообще была единственным в республике печатным изданием по истории музыкального искусства. Учащуюся молодежь из года в год заставляли усваивать сотни страниц этой вредной книги, насквозь пропитанной ядом буржуазного национализма. До последнего времени книга была известна лишь на казахском языке, перевод на русский язык достать было невозможно – таким образом, для русского читателя она была засекречена.

Книга представляет собой серию очерков об отдельных казахских народных музыкантах прошлого, написанных в бойкой, развязной манере. Научная, профессиональная ценность этих очерков не выдерживает никакой критики. Вся книга от первой до последней страницы пронизана реакционной националистической идеологией, направлена ко всяческой идеализации феодальной старины и дикого кочевого быта, к возвеличению султанов, баев – заклятых врагов казахского и русского народов.

Жубанов для «красного словца» любит обращаться к прекрасным белоснежным горам Ала-Тау: «Много видел на своем веку седоголовый Ала-Тау! Очень много. Если бы можно было заставить его говорить, многое рассказал бы старый Ала-Тау. Он повел бы плавную речь, далеко уводя слушающего вглубь истории. Он рассказал бы не только о казахе, но и о многих других народах. Ала-Тау сказал бы, что видел татаро-монголов, видел самого Шингиса (Чингисхана), Аксак Темира (хромого Тамерлана). При этом немного похвалился бы недоступностью и непроходимостью своих вершин и непременно упомянул бы о том, что ни Аблай, ни Кенесары и Наурызбай не смогли преодолеть их. Затем он показал бы свои перевалы и долины, каждая из которых полна прошедших событий. Наконец, он рассказал бы о выросших у его подножий героях, о печальных эпохах, об акынах и певцах. Если бы Ала-Тау мог рассказать...»

Но, как известно, горы неразговорчивы. За них говорит с позиций буржуазного национализма Жубанов, и если бы горы действительно могли говорить, они обрушили бы свой справедливый гнев против реакционных высказываний Жубанова. Жубанова привлекают далекие глубины древней истории. На протяжении всей книги он смакует образы прошлого, восхищаясь отсталостью старой казахской культуры, смешивая в единый поток и прогрессивное, и реакционное. Грубо попирая истину, он утверждает, будто казахский народ воспел в своих песнях душегубов-завоевателей Тамерлана и

Александра Македонского (Жубанов пишет: «казахские домбристы подняли их на щит») и возвеличил заклятых врагов казахского и русского народов, султанов Кенесары и Наурызбая Касымовых.

Говоря о панисламистских реакционных восстаниях и их вожаках из среды феодальной казахской знати, Жубанов доходит до чудовищного извращения истины, утверждая, будто бы «яркие, героические образы вождей этого восстания (Кенесары и Наурызбая), отображенные в кюйях, навсегда сохраняются в сознании народа». Эту клевету разоблачает в своей статье казахский композитор Муқан Тулебаев:

«В своей книге, – пишет Тулебаев¹, – А. Жубанов извращает историю казахского народа. Он отрицает прогрессивное значение присоединения Казахстана к России, не считается с тем, что в то время существовало две России – Россия царя и помещиков и Россия русского народа, что передовая культура русского народа оказала огромное прогрессивное влияние на казахский народ.

Автор книги всячески идеализирует феодальное прошлое Казахстана. Тоскуя по «былому кочевому простору» и якобы утраченной народом свободе, А. Жубанов называет период добровольного и мирного присоединения Казахстана к России (при хане Абулхаире) «трагической и мрачной эпохой» в истории казахского народа, а самого Абулхаира обрисовывает как изменника и предателя. Зато действительных изменников и предателей родного народа А. Жубанов возвеличивает. Так, к числу «легендарных героев», чьи образы якобы вдохновляли казахский народ на борьбу за лучшее будущее и навеки запечатлены в памяти народной, он относит известных своей жестокостью врагов казахского и русского народов султанов Кенесары и Наурызбая Касымовых и даже монгольского завоевателя Тамерлана.

Известно, что казахский народ ненавидел и проклинал Кенесары и Наурызбая Касымовых, пытавшихся оторвать его от великого русского народа, в общении с которым был единственный путь национального самосохранения и возрождения казахского народа...

Борьбу реакционных элементов казахского общества XVIII и XIX веков против России автор квалифицирует как борьбу за свободу и независимость казахского народа. Грубо искажая исторические факты, он утверждает, что казахский народ посадил на коней и направил против России своих преданных батыров.

Не следует думать, что подобные высказывания случайны и объясняются лишь незнанием подлинной истории казахского народа. Вся книга «Казахские народные композиторы» от первых до послед-

¹ Муқан Тулебаев «О неправильном направлении в музыковедении Казахстана» // «Казахстанская правда» от 28 сентября 1951 года.

них страниц выдержана в буржуазно-националистическом духе» (М. Тулебаев).

Сейчас, когда вредоносная сущность книги разоблачена общественностью Казахстана, сам Жубанов вынужден признать правильность предъявленных ему обвинений. На совещании в ССК ему пришлось раскрыть «метод», с помощью которого он фальсифицировал облик казахского народного творчества, приписывая ему несуществующие реакционные черты: «Найдя два-три примера среди 6000 записей казахских песен и кюйев, я привел их как голос народа, обращенный к Кенесары и Наурызбаю, тем самым извращая действительность доказательствами, не имеющими отношения к исторической правде. При глубоком анализе оказывается, что в целом море песен казахского народа нет ни одной песни, сложенной в честь Кенесары и Наурызбая (примеры, приведенные мною, – только кюйи)».

В перечислении того, что мог бы рассказать «седоголовый Ала-Тау», конечно, нет даже упоминания о совместной освободительной борьбе русского и казахского народов, приведшей к счастливой и свободной жизни трудящихся Казахстана, зато глухо и туманно сказано о каких-то «печальных эпохах».

Из всей книги ясно определяется, что «печальные эпохи», о которых горюет Жубанов, – это период исторического закрепления дружбы русского и казахского народов.

Он сознательно искажает историю, подбирая факты таким образом, чтобы вызывать недоброжелательство по отношению к русской культуре. Так, например, он смакует цитату из песни реакционных акынов – байских прихлебателей, в которой говорится о русском городе Оренбурге: «Он из камня, русский город Мунанай, его гибели не скоро ожидай».

Предателей родины Жубанов рисует как «преданных батыров», а казахских народных музыкантов показывает «тоскующими по утраченной народом свободе» и «стремящимися ободрить упавший духом народ образами его легендарных героев».

Какие это «герои», мы уже знаем – имена их повторяются Жубановым неоднократно. Он прославляет в своей книге даже малоизвестных акынов, если только их поступки соответствуют основной направленности книжки. Он называет «сыном народа» вора и бездельника Имам-Жусуна лишь за то, что он был врагом русских, возводит в «геройство» угон скота у русских крестьян акыном Балуан Шалаком и т. д. Одно из произведений явно националистического содержания он называет «воззванием к народу, сочиненным сознательным художником».

Жубанов настолько фетишизирует старинную казахскую народную музыку, что пытается приписать отдельным народным музыкантам качества чуть ли не «сверхгениев». Он кичливо противопоставляет искусство акынов величайшим достижениям мирового музыкального искусства. Так, оценивая творчество народных музыкантов Курмангазы и Биржана, он утверждает: «Оба они по эмоциональной силе и глубине народности заслуживают т а к о й ж е о ц е н к и (разрядка наша – *Ред.*) какую Ромен Роллан дал Бетховену, назвав его сверхчеловеком». Еще один пример подобных кичливых аналогий: «Ыхлас стремится создать программную музыку. Разумеется, это стремление рождено в нем главным образом его огромной музыкальной интуицией, чутьем, а не теоретическим осознанным намерением, как это было, например, у французского композитора Берлиоза, известного своей программной музыкой. Ыхлас не знал музыкальной науки. Зато он отлично знал свой инструмент и твердо верил в его возможности выразительного звучания».

Прогрессивные казахские музыканты, чье творчество испытывало на себе благотворное воздействие великой русской культуры, получают в книге Жубанова ложные, искаженные характеристики.

«Подгоняя под лживую историческую концепцию музыкальную культуру казахского народа, А. Жубанов фальсифицирует ее, изображает с тех же буржуазно-националистических позиций, – пишет в упомянутой выше статье М. Тулебаев. – В книге грубо искажены роль и значение творчества Абая, Жаяу Мусы и других выдающихся представителей казахской музыки. Так, Абай, создавший ряд замечательных мелодий, любимых народом, по уверению автора, лишен самостоятельности своего творчества. Он лишь «подражает» Европе.

Но о какой Европе идет речь? Абай хорошо знал русскую культуру, долго жил среди русских и, естественно, был знаком с русскими песнями. Все это не могло не наложить своего отпечатка на его песенное творчество. И не потому ли А. Жубанов вычеркивает Абая из числа выдающихся казахских народных композиторов, оставивших крупное наследие?

Как известно, одним из самых выдающихся прогрессивных композиторов Казахстана является Жаяу Муса.

Его творчество представляет собой крупный этап в развитии казахского народного песенного искусства. Будучи активным борцом за дело народа, Жаяу Муса, как и великан казахской поэзии Джамбул, выражал передовые настроения своего народа. Жаяу Муса был страстным певцом-трибуном, певцом-сатириком, он подвергал острейшему бичеванию пороки современного ему казахского феодального общества. Творчество Жаяу Мусы сложилось и разви-

валось под плодотворным влиянием русской музыкальной культуры, с которой он был хорошо знаком. Доказательством этому служат его песни «Ак-Сица», «Кызыл-Сица», «Гаухаркыз», «Хаулау», «Кулбай-бай». Творчество этого выдающегося прогрессивного композитора А. Жубанов безответственно объявляет «легковесным», «танцевальным».

А. Жубанов упорно старается умолчать о положительном влиянии русской музыкальной культуры на творчество казахских композиторов и певцов. Он ничего не говорит даже тогда, когда пишет, например, о казахском композиторе Сармебае, на чьем творчестве это влияние сказалось особенно ярко и сильно. Более того, он обходит полным молчанием влияние русской культуры на творчество народного акына Кенена, живущего и творящего в нашу советскую эпоху.

Воскрешая порочный метод вульгарной социологии рапмовского толка, Жубанов объявляет антинародным творчество любимого народом казахского музыканта Давлеткерей только из-за его аристократического происхождения: «Вышедший из такой (аристократической) среды, Давлеткерей не мог отразить в своем творчестве стремлений и чаяний своего народа».

Однако в той же книге несколькими страницами ниже говорится о том, что Давлеткерей, сочинив свой кюй «Жигер», «вложил в него всю силу своего протеста против окружающей несправедливости и мечту о борьбе с ней...»

Книга «Жизнь и творчество казахских композиторов» изобилует безграмотными, невежественными рассуждениями, ничего общего не имеющими с музыкальной наукой. Вот несколько характерных изречений Жубанова, взятых из различных глав его книги:

«Как почетный путник не бывает без сопровождающего, так и история не бывает без сопутствующих ей явлений природы».

«Если в прошлые времена в Германии Лютер, «сменяв авторитет религии», этим самым «поднял авторитет религии», то разъезжавший в районе Атырау, владевший всего лишь одним конем акын, оперев на религию домбру, возвысил ее авторитет».

«Кругом слышались бляение овец, верблюжий рев, звонкие удары молочных струй в днище ведер, в которые хозяйки выдаивали коров и овец, ржание коней и мычание коров, равномерное постукивание кожаного ведра то о сруб колодца, то о корыто для водопоя. Все это сливалось в один беспорядочный оркестр, казавшийся нестройным аккомпанементом домбры. Все же любители кюя среди всей массы этих звуков различали домбру так же, как знатоки музыки Вагнера различают лейтмотив его трилогии, исполняемой большим оркестром в большом концертном зале».

«Одна из характерных особенностей песен Биржана заключается в том, что в них везде подчеркивается слово «я». Это слово слышится в любой его песне, хотя бы в двух-трех нотках. Но это «я» каким-то образом получается к лицу мужественным песням Биржана, так же, как это встречается у некоторых великих поэтов, художников и музыкантов Пушкина, Чайковского, Репина, Бетховена».

«Ахан вместе с народом переживает его страдания. Но и в это время в нем сохраняются лирические настроения. В его душе снова загорается огонь; в нем растет стремление к теплой земной жизни, к любви. Когда Ахану минуло 50 лет, он влюбился сразу в трех девушек-красавиц».

Подобная галиматья в изобилии представлена на страницах книги.

Совершенно смехотворны «научно-теоретические» анализы казахских песен и кюйев, приведенные в книге Жубанова. В большинстве случаев он ограничивается примитивнейшими аналитическими данными в пределах элементарной теории музыки: «Начало кюйя «Адай» обычное. Размер его 4/4 лишь в нескольких местах меняется на 2/4. Построение кюйя четырехчастное. Темп быстрый». В других случаях, когда автор пытается сочетать формальный анализ с эстетическим, получаются следующие перлы: «Размер «Бул-бул» непостоянный, тональность минорная, темп, как сказано выше, тоже непостоянный. Непостоянство ритма и темпа объясняется, по-видимому, стремлением автора к наибольшему приближению к натуре в подражании соловью, что является вполне законным».

Явная невежественность обнаружена автором и в области исторических изысканий и аналогий.

Так, например, рассказывая о выступлении акына на ярмарочной площади Оренбурга, Жубанов сравнивает подлинно народное искусство акынов с искусством представителей замковой, рыцарской культуры – трубадуров и труверов во Франции и миннезингеров в Германии.

А ведь все эти дилетантские суждения принадлежат человеку, носящему высокое звание профессора, доктора искусствоведческих наук, действительного члена Академии наук Казахской ССР!

Таково содержание книжки Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов», о которой сам автор в своей преждевременной покаянной статье в газете «Социалистический Казахстан» самодовольно пишет, опять-таки клеветца и перевирая факты, что она «была встречена общественностью Казахстана с распростертыми объятиями».

Книга Жубанова вышла из печати в 1942 году, когда все народы Советского Союза, как никогда, сплотились в едином патриотическом стремлении отстаивать свободу и независимость многонационального

социалистического государства, когда великий русский народ, проявивший, по определению товарища Сталина, «ясный ум, стойкий характер и терпение», возглавил победоносную борьбу всех братских народов СССР против фашистских захватчиков. Именно в этот знаменательный период Жубанов счел возможным выпустить труд, воскрешающий худшие проявления враждебной советскому народу феодально-буржуазной националистической идеологии.

После 1942 года взгляды Жубанова ничуть не изменились. Спустя четыре года, в 1946 году, он «выступил с так называемым научным докладом «Музыкальная культура Казахстана», опубликованным в трудах первой сессии Академии наук Казахской ССР. Идеализируя прошлое, он относит все достижения музыкальной культуры казахского народа к дореволюционному периоду, снова восхваляет султана Кенесары Касымова. В 1950 году в «Известиях» Академии наук Казахской ССР появилась новая работа А. Жубанова – «Музыкальное искусство Центрального Казахстана». Эта работа не что иное, как несколько обновленный и сокращенный вариант книги «Казахские народные композиторы».

Многообразная деятельность А. Жубанова далеко не ограничивалась его «музыковедческими» опытами. В руках этого человека, занимающего крайне реакционные позиции в искусстве, было сосредоточено руководство многими музыкальными учреждениями Казахстана. Являясь директором Казахской Государственной консерватории, он объявил себя также заведующим кафедрой истории музыки. Немудрено, что дело преподавания музыкально-исторических и теоретических предметов в Казахской консерватории поставлено из рук вон плохо. Талантливые композиторы К. Кушамбаров и Л. Афанасьев, успешно закончившие высшее музыкальное образование в г. Алма-Ата, не могли быть приняты в аспирантуру Московской консерватории, ввиду недостаточного уровня знаний. Одна аспирантка Института истории искусств Академии наук Казахской ССР, объявившая себя ученицей Жубанова, на экзамене в Институте истории искусств Академии наук СССР обнаружила отсутствие элементарных знаний (ей, например, было неизвестно, что в опере «Иван Сусанин» есть увертюра).

Таковы плоды педагогической деятельности Жубанова. Будучи только способным мелодистом, Жубанов считался автором крупных оперных сочинений, хотя, по свидетельству знающих его музыкантов, он не в состоянии грамотно написать самый простой аккомпанемент к своим мелодиям. Таким образом, в течение многих лет он беззастенчиво присваивал себе труды своих «соавторов», пользуясь своим высоким административным положением. Руково-

дители Казахского Государственного театра оперы и балета имени Абая, зная о «возможностях» Жубанова как оперного композитора, закрывали глаза на эти недостойные методы «соавторства», рекламировали Жубанова в качестве автора оперных произведений.

Жубанов ухитрялся также занимать пост председателя музыкаловедческой секции Союза советских композиторов Казахстана. Поэтому вместе с руководством республиканского ССК он несет ответственность за слабый рост молодых музыкаловедческих кадров в Казахстане, за неверное, идеологически извращенное воспитание молодежи. Как единственный музыкант – действительный член Академии наук Казахской ССР он влиял на все направления весьма скудной деятельности сектора искусствознания Академии наук Казахской ССР, создавая там, так же, как в консерватории и Союзе композиторов, атмосферу подхалимства, чиновничества, зажима критики и самокритики. Помимо этого, он представлял еще во многих учреждениях, везде сеял яд своих реакционных «концепций», везде создавая ту же атмосферу чиновничества и зажима критики. Нарождение такой атмосферы вполне логично – там, где практика исходит из ложных и фальшивых идейных позиций, сама практика тоже становится фальшивой, а фальшь, ложь приходится скрывать, маскировать. Там же, где начинается такая маскировка, немедленно выявляются все атрибуты неправильного руководства: и бюрократизм, и зажим самокритики, и методы запугивания.

Даже на совещании в казахстанском ССК, посвященном обсуждению разоблачительных статей советской печати, в выступлениях отдельных ораторов сказывалась эта атмосфера запуганности и подхалимства. Собравшимся было стыдно слушать подхалимскую речь композитора Л. Хамиди, которого Жубанов нещадно эксплуатировал в качестве «соавтора» ряда музыкальных произведений. Л. Хамиди сообщил о своей «творческой дружбе» с Жубановым и заверил аудиторию в том, что эту дружбу ничто не разобьет. Вместо критики реакционных теорий и вредных практических деяний Жубанова Хамиди пытался представить положение в ССК Казахстана в розовом свете.

Тов. Гировский, заместитель директора Казахской консерватории по научной и учебной части, несущий ответственность за плохую постановку музыкально-теоретического образования в консерватории, не нашел в своем выступлении должных слов самокритики и больше всего волновался о том, чтобы на совещание не попали студенты консерватории и не услышали горькой истины о своих педагогах. Однако вопреки его желанию молодежь все же услышала истину.

Причины чрезмерной почтительности к Жубанову пытался объяснить в своем выступлении председатель Союза композиторов Казахской ССР тов. Брусиловский:

«...Мы знали давно о всех пороках этой книги, но не могли говорить о них вслух ни в Союзе, ни в консерватории. О чем это говорит? Раньше всего о грубейшем зажиме критики и в Союзе, которым я руковожу, и в консерватории, которой руководит А. К. Жубанов. Даже теперь многие товарищи, сидящие здесь, гадают на кофейной гуще, как быть. Выступить хочется, правду сказать хочется, ну, выступишь, а потом что будет? Критика у нас не в почете, ее боятся, ее различными путями и методами сдерживают или вовсе глушат».

Однако, призывая участников совещания к смелым выступлениям, сам Брусиловский не проявил этой смелости. Линия общественной деятельности самого тов. Брусиловского, к сожалению, не отличается необходимой твердостью и последовательностью. Еще в 1947 году он совместно с В. Мессманом выступил на страницах «Казахстанской правды» с резкой критикой деятельности Жубанова. В этой статье, озаглавленной «Лженаучные упражнения», говорилось: «По мнению А. Жубанова, казахская музыкальная культура – вся в прошлом... А. Жубанов не вскрывает влияния социальных противоречий в жизни дореволюционного аула на развитие казахской народной музыки. Все старания Жубанова направлены на идеализацию прошлого». В статье вскрывался буржуазно-националистический характер деятельности Жубанова, рассказывалось о его невежестве и клеветнических измышлениях, о вреде, принесенном им казахскому музыкальному искусству. Статья заканчивалась призывом «решительно вести борьбу со всевозможными антинаучными реакционными теориями, тормозящими поступательное движение казахской советской национальной культуры».

Однако вскоре под нажимом Жубанова и его покровителей Е. Брусиловский публично отрекся от этой правильной статьи.

В 1949 году в журнале «Советская музыка» № 1 была опубликована статья «Необходим решительный перелом». Статья эта, подписанная пятью видными композиторами – А. Малдыбаевым, З. Шахиди, М. Тулебаевым, А. Кулиевым и М. Бурхановым, ставила вопрос об отставании музыкального искусства среднеазиатских республик от требований жизни.

Вместо того, чтобы принять с благодарностью критику, Брусиловский, к этому времени окончательно объединившийся с Жубановым, обрушил громы и молнии на осмелившегося подписать эту статью своего бывшего ученика – М. Тулебаева. В ответе, посланном в журнал от имени Правления ССК Казахстана (фактически состря-

панном Жубановым и Брусиловским), позиция Тулебаева объявлялась «ложной и вредной для развития нашего искусства».

На вторую статью редакции «Против зажима самокритики» (№ 10 за 1949 год) уже совершенно не последовало ответа. Даже и теперь, выступив на совещании в ССК, Брусиловский, только что воспевавший хвалу смелости, объявил несостоятельной свою статью 1947 года «Лженаучные упражнения», так как в ней якобы был серьезный недостаток, заключающийся в «вызывающем тоне, в недоброжелательном характере критики».

Полемичность и верная направленность в теперешнем представлении Брусиловского именуется «вызывающим тоном», разоблачение крупнейших политических ошибок – «недоброжелательным характером критики».

Вот к какой оппортунистической позиции приводят половинчатость и непринципиальность. Роль Е. Брусиловского в становлении профессиональной музыкальной культуры Казахстана и создании казахского оперного искусства весьма значительна. В частности, будучи талантливым педагогом, он сумел воспитать целую плеяду молодых казахстанских композиторов. Однако в музыкально-общественной жизни последовательным он не был. Вместо того, чтобы руководить Жубановым по праву человека, владеющего настоящей культурой, и направлять его по верному пути, Брусиловский сам попал под тлетворное влияние Жубанова. Такое положение неминуемо отразилось и на плохом состоянии композиторской организации Казахстана, по существу лишенной твердого организационного и идейного руководства, и на музыкальном творчестве самого Брусиловского, который стал создавать песенки сомнительного вкуса, держаться за устарелые нормы прошлых достижений, не развивая прогрессивные стороны своего оперного творчества.

К совещанию в Союзе композиторов Казахстана, сыгравшему большую оздоровительную роль для казахского музыкального искусства, не было проявлено должного внимания со стороны местных организаций; результаты его не нашли широкого освещения в прессе.

Газетой «Социалистический Казахстан» была напечатана «саморазоблачительная» статья Жубанова (на казахском языке) в день (!) выхода в свет статьи Тулебаева в «Казахстанской правде» (на русском языке). Никакой пользы для дискуссии эта поспешная вылазка Жубанова не принесла, а действия редакции газеты «Социалистический Казахстан» были правильно охарактеризованы как своеобразная попытка зажима критики, как желание оградить Жубанова от излишней критики. Видимо, и теперь имеется стремление замол-

чать истинный характер буржуазно-националистической деятельности Жубанова, как это уже имело место в 1947 году, после статьи «Лженаучные упражнения». Однако свежий ветер большевистской критики ворвался в гнилостную атмосферу казахстанского «музыковедения», и продолжение прежней политики поддержки вредных ошибок уже невозможно.

Несмотря на все отмеченные выше трудности и идейные противоречия, казахское музыкальное искусство под руководством партии продолжает уверенно двигаться вперед. За 34 года Советской власти оно сделало сказочные успехи. В Казахстане развиваются национальное оперное искусство, балет, симфоническая и хоровая музыка; девять композиторов и исполнителей удостоены высокого звания лауреата Сталинской премии, четверо получили звания лауреатов международных конкурсов. Расцветает массовая музыкальная самодеятельность, бурный рост которой свидетельствует о колоссально возросшей культуре казахского народа. В широких масштабах приумножаются славные традиции казахских народных музыкантов. Чудесная народная музыка Казахстана ждет больших, глубоких исследований, авторитетных музыковедческих трудов, основанных на принципах марксистско-ленинской эстетики.

Прошедший после совещания смотр творчества композиторов Казахстана показал их значительные успехи.

Во всех исполненных крупных произведениях – в «Симфонической поэме» В. Великанова, в симфонической поэме «В родном колхозе» Г. Сулейманова, в концерте для скрипки Л. Афанасьева, в симфоническом танце из оперы «Назугум» К. Кужамьярова, в симфонической поэме К. Мусина «На джайлау» – много привлекательной музыки, говорящей о талантливости казахстанских композиторов, об их стремлении овладеть важнейшими темами современности. Очень радует то, что молодые композиторы-мелодисты А. Еспаев, С. Мухамеджанов и другие успешно учатся в консерватории, приобщаясь к высокой музыкальной культуре.

Большое впечатление на участников совещания и смотра произвело выступление оркестра казахских народных инструментов имени Курмангазы (художественный руководитель – заслуженный деятель искусств КазССР Л. М. Шаргородский, дирижер Ш. Кажгалиев). Оркестр в основном располагает только двумя видами народных инструментов – домбрами и смычковыми кобызами (хотя и очень звонкими в результате удачной их реконструкции), но эта тембровая ограниченность вполне компенсируется виртуозным искусством оркестрантов. Каждый из них – подлинный виртуоз; отсюда особая выразительность исполнения всего коллектива. Очень интересен

репертуар, создаваемый для оркестра казахстанскими композиторами. Своеобразна по форме и ярка по содержанию программная поэма Брусиловского «Отыз жыл», посвященная 30-летию Казахстана и написанная на основе соединения интонаций советской песни с творческим развитием инструментальной народной музыки – кюйев. Чудесно и волнующе звучит в исполнении казахского оркестра «Камаринская» Глинки (переложение С. Шабельского и Л. Шаргородского), получившая особую прелесть благодаря новому, своеобразному тембровому колориту.

Большое впечатление остается от знакомства с творчеством Мукана Тулебаева. Его опера «Биржан и Сара», заслуженно отмеченная Сталинской премией, пользуется неизменным успехом. В его кантате «Огни коммунизма» много смелого и новаторского для казахской музыки. М. Тулебаев, несомненно, является представителем прогрессивного лагеря в музыкальном искусстве Казахстана. У него есть и серьезность творческих замыслов, и понимание необходимости критики.

Молодым композиторам Казахстана нужно всемерно развивать те здоровые ростки народности и реализма, которые появились уже в лучших их произведениях. Они должны проникнуться сознанием ответственности за свое искусство перед всем советским народом; задача же перед ними стоит огромная – создание казахской музыкальной классики.

Есть в Казахстане и музыковедческая молодежь: историко-теоретический факультет консерватории довольно многочисленный, среди учащихся есть талантливые люди. Их инициатива была заглушена атмосферой зажима критики, их рост был задержан буржуазно-националистическими писаниями и деяниями Жубанова.

Отбросив прочь вредные проявления пережитков феодального прошлого, казахская советская музыка будет развиваться еще быстрее, расцветет еще краше. Нужно только скорее и до конца выкорчевать все остатки вредоносной, реакционной деятельности Жубанова, сделать все решительные выводы из серьезных уроков жубановской «эпопеи». Прошло уже довольно много времени после совещания, а Жубанов все еще сидит в директорском кресле консерватории, ведает кафедрой истории музыки, носит незаслуженно полученные им звания действительного члена Академии наук Казахской ССР, доктора искусствоведческих наук и профессора.

Следует вновь подчеркнуть необходимость держать порох сухим против любых проявлений буржуазного национализма в нашем музыкальном искусстве. «Пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области, – писала «Правда» в своей редакционной статье

«Против идеологических извращений в литературе». – Они более живучи, так как имеют возможность маскироваться в национальном костюме». «Правда» вновь напомнила всем деятелям советского искусства об опасности национализма, существо которого «состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы национальностей СССР, а видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга».

Появление вредной книги Жубанова показывает, что опаснейшие рецидивы национализма имеют еще место и в музыкальной области. Всем нашим композиторским организациям в РСФСР и в братских союзных республиках необходимо извлечь уроки из всего, что произошло в казахстанской организации ССК, усилить борьбу против всех и всяческих националистических извращений, за торжество в нашем музыкальном искусстве идей советского патриотизма, пролетарского интернационализма, за нерушимую сталинскую дружбу народов, строящих коммунизм.

Редакционная Статья из журнала «Советская музыка», №12, 1951 г.

ГЛАВА 3

СТЕНОГРАММА

обсуждения статей от 18-19 октября 1951 г.

Обсуждения статей г. Омарова И.О. «За дальнейший подъем музыкальной культуры Казахстана» («Советское искусство» от 15 октября 1951 г.), г.ТУЛЕБАЕВА М.Т. «О неправильном направлении в музыковедении Казахстана» («Казахстанская правда» от 28-го сентября 1951 г.), г. Жубанова «Мои грубейшие ошибки в области казахстанского музыковедения» («Социалистік Қазақстан» от 28 сентября 1951 г.).

Обсуждение статей было организовано Союзом советских композиторов Казахстана, сектором искусствознания АН КазССР, Управлением по делам искусств при Совете Министров КазССР и Алма-Атинской государственной консерваторией.

Обсуждение состоялось 18 и 19 октября 1951 г. в помещении концертного зала Консерватория. Присутствовало около 200 человек.

18 ОКТЯБРЯ 1951 ГОДА

Заседание первое

БРУСИЛОВСКИЙ Е.Г.: Товарищи!

Начинаем собрание, посвященное обсуждению статей о музыкальном искусстве Казахстана. Для ведения собрания необходимо избрать президиум. Слово для оглашения предлагаемого состава Президиума имеет тов. ИВАНОВ-СОКОЛЬСКИЙ М.М.

ИВАНОВ-СОКОЛЬСКИЙ: Я предлагаю следующий состав Президиума:

КОВАЛЬ М.В.	– секретарь ССК СССР
ЛИТИНСКИЙ Г.И.	– профессор, председатель секретариата ССК СССР
ВИНОГРАДОВ В.С.	– председатель Союза композиторов СССР, музыковед
ПОКРОВСКИЙ С.П.	– академик, профессор, председатель отделения гуманитарных наук Академии наук КазССР
ЖАРЫЛГАПОВ И.Ж.	– зам.зав. отделом ЦК КП/б/К
АХМЕТОВ С.А.	– нач. управления по делам искусств
БРУСИЛОВСКИЙ Е.Г.	– председатель ССК КазССР
ИВАНОВ-СОКОЛЬСКИЙ М.М.	– секретарь парторганизации Союза композиторов КазССР
ЖУБАНОВ А.К.	– профессор, директор консерватории
ЕРЗАКОВИЧ Б.Г.	– зав. сектором искусствоведения АН КазССР
ГИРОВСКИЙ Е.Ф.	– зам. директора консерватории
ЛЕБЕДЕВ Б.В.	– секретарь парторганизации консерватории
ТУЛЕБАЕВ М.Т.	– член правления ССК КазССР

Председатель:

АХМЕТОВ С.А.

АХМЕТОВ С.А.: Слово для доклада «О буржуазно-националистических извращениях в музыковедении Казахстана» представляется музыковеду, тов. АРАВИНУ

АРАВИН П.В.

Товарищи! Партийная организация Союза Советских композиторов Казахстана поручила мне разобраться в методологических, теоретических и политических ошибках профессора А.К. Жубанова, в трудах которого наиболее полно выразились реакционное, антимарксистское направление в нашей музыкально-исторической науке.

Разобраться в этих сложных вопросах нам необходимо потому, что в последней статье «Мои грубейшие ошибки в исследовании казахской музыки» А.К. Жубанов полностью признал свои ошибки и

извращения истории казахской музыки, однако, не дает им марксистского анализа и политической оценки.

Профессор А.К. Жубанов не хочет или не может разоблачать свою порочную музыковедческую концепцию, не совместимую с принципами большевистской партийности и марксистско-ленинского понимания искусства.

Наша задача заключается в том, чтобы до конца разоблачить буржуазный национализм в музыковедении Казахстана, идейно разгромить это вредное направление в нашей исторической науке.

Буржуазный национализм есть идеология капиталистического общества. Он в корне враждебен советскому патриотизму – идеологии подлинного интернационализма и дружбы народов нашей Великой Социалистической Родины.

«Сила советского патриотизма состоит в том, – говорит товарищ СТАЛИН, – что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей Советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и все более крепнущей дружбы народов Советского Союза».

В противоположность этому, буржуазный национализм идеализирует расовые и националистические предрассудки, не сплачивает, а разъединяет все нации и народы, не укрепляет, а разрушает братское содружество народов нашей страны. В этом заключается политическая сущность буржуазного национализма, который на деле очень родственно уживается с таким же реакционным буржуазным космополитизмом и беспринципностью в вопросах политики, науки и художественного творчества. Буржуазный национализм фальсифицирует историю народов, извращает процессы развития национальной культуры, идеализирует патриархально-феодалные отношения и, тем самым, подрывает морально-политическое единство Советского народа, тормозит построение коммунизма в нашей стране.

Вот почему Центральный Комитет Коммунистической партии большевиков Казахстана призывает нас до конца разоблачить и идейно разгромить буржуазный национализм в исторической науке, литературоведении, музыковедении и в художественном творчестве для того, чтобы культура и искусство Советского Казахстана еще увереннее двигались по пути коммунизма и активно содействовали этому прогрессивному движению вперед.

В свете всех этих положений мы должны признать, что книга проф. А.К. Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов» страдает серьезными идейно-политическими, теоретическими и методологическими ошибками.

Она от начала до конца выдержана в реакционном, буржуазно-националистическом духе, извращает историю казахского народа, отрицает прогрессивное значение присоединения Казахстана к России, идеализирует феодальное прошлое, возвеличивает врагов казахского и русского народов-султанов Кенесары и Наурызбая Касымовых, извращает творческий облик народных композиторов Казахстана.

Выпуск такой книги в 1942 году, когда над нашей Родиной повисла серьезная опасность фашистского порабощения и когда требовалась мобилизация всех сил народа на разгром врага, явился серьезной политической ошибкой автора, нанесшей большой вред делу сплочения народа и его дальнейшего движения по пути к коммунизму.

В.И. Ленин в своей «Лекции о государстве» специально указывал: «Самое надежное в вопросе общественной науки... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь».

Проф. А.К. Жубанов, отрицая прогрессивное значение присоединения Казахстана к России, называет этот период «Трагической и мрачной эпохой» в истории казахского народа и тем самым подрывает основы исторически сложившейся дружбы казахского и русского народов, сеет национальную рознь и вражду между братскими народами, отравляет сознание читателей ядом буржуазного национализма и разобщенности народов.

Своими вульгарно-социологическими и буржуазно-националистическими извращениями истории казахского народа проф. А.К. Жубанов наносит тяжелый вред развитию культуры и искусства советского Казахстана, засоряет советское музыковедение реакционными, идеалистическими теориями, давно осужденными нашей партией в период разгрома антиленинских позиций «школы» Переверзева и Покровского, и, тем самым, тянет музыковедение Казахстана назад, к худшим временам РАПП,а и РАППМ,а.

Товарищ Сталин учит нас, что историю нельзя ни ухудшать, ни улучшать. Главная задача советских историков в отношении культуры прошлого заключается в том, чтобы раскрыть ее прогрессивные стороны, выявить ее освободительные и демократические элементы, не забывая при этом о необходимости разоблачения и критики всего косного, отсталого, реакционного, независимо от того, было ли

оно вызвано сознательным отстаиванием интересов господствующих классов или непониманием путей борьбы за освобождение народа.

Основная методологическая ошибка А.К. Жубанова состоит в том, что он забыл об этом главном требовании марксизма-ленинизма в отношении всякой общественной науки, в том числе и советского музыковедения, и потому стал пропагандистом реакционных идей буржуазного национализма.

Товарищ Сталин учит нас, что «пережитки капитализма в сознания людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме».

Музыковедческая деятельность А.К. Жубанова и является маскировкой антимарксистских взглядов и убеждений в «национальном костюме», рассчитанной на то, чтобы скрыть подлинную реакционную сущность этих буржуазных взглядов и убеждений.

Исторический метод А.К. Жубанова

В трудах А.К. Жубанова нас не может удовлетворить, прежде всего, сам метод исследования казахской музыки. Для нас совершенно очевидно, что основной чертой исторического метода А.К. Жубанова является вульгарный социологизм, который в сочетании с буржуазным объективизмом и беспринципностью приводит автора к искажению и извращению исторических фактов и явлений прошлого.

Профессор А.К. Жубанов твердо держится того убеждения, что материальные условия жизни народа находят свое непосредственное отражение в художественном творчестве, забывая при этом о том, что в условиях классового общества такой непосредственной связи между базисом и надстройкой не было и быть не могло. Проф. А.К. Жубанов, по-видимому, не знаком с основными положениями марксизма-ленинизма о роли сознания и мышления в процессе общественного развития, иначе он не утверждал бы, что «условия жизни» композитора, его социальное происхождение и бытовое окружение полностью определяет собою содержание и характер музыкального творчества.

Так на странице 65 русского перевода книги А.К. Жубанова торжество Курмангазы и Даулеткерей характеризуется совсем по методу вульгарной социологии: «Различие в их творчестве было велико, оно коренилось в условиях жизни обоих композиторов».

Исходя из этого глубоко порочного тезиса, А.К. Жубанов определяет творчество Даулеткерей как аристократическое, а его эстетиче-

ские взгляды объявляет прямо противоположными народному искусству бедняка Курмангазы / стр.53,59,62-65,68-70/. Высшего предела вульгаризации автор достигает на странице 63, где о Даулеткерее мы читаем буквально следующее: «Живший в сытости и довольстве, слабо связанный с народными массами, не знавший жизни своего народа, Даулеткерей как музыкант-кюйши остается представителем небольшой богатой аристократической верхушки. Его произведения остаются в стороне от общественной жизни и борьбы».

Если верить этим досужим домыслам автора, то окажется, что, например, творчество Бальзака следует выбросить за борт, ибо Бальзак был легитимистом, а творчество графа Л.Н. Толстого нужно объявить запрещенным, так как граф Толстой был представителем умирающего дворянства, что совершенно противоречит оценке Бальзака Энгельсом и знаменитой ленинской оценке Толстого как зеркала русской революции.

Ложные взгляды А.К. Жубанова совершенно очевидны, и они его заводят в такие противоречия, из которых он не может выбраться в течение всей своей книги. Так, например, объявив Даулеткерее композитором-аристократом, он никак не может свести концы с концами, путает и петляет, как старая лисица, уходя от охотника. С одной стороны, по словам Жубанова, «Вышедший из такой (аристократической) среды, Даулеткерей не мог отразить в своем музыкальном творчестве стремлений и чаяний своего народа». А с другой стороны, по словам того же Жубанова, Даулеткерей, создав знаменитый кюй «Жигер», «...вложил (в него) всю силу своего протеста против окружающей несправедливости и мечту о борьбе с ней, мечту, которую он не в силах осуществить».

Тут, что ни слово, то противоречие, совершенная бессмыслица: в начале говорится, что в кюе «Жигер» воплощен протест, и тут же добавляется, что это собственно не протест, а только мечта о борьбе. Однако, и на этом дело не останавливается, ибо мечту о борьбе Даулеткерей не в силах был осуществить. Что же остается народного, да и вообще содержательного в кюе «Жигер»?

Вот до каких столпов бессмыслицы и беспринципности может довести человека неверный взгляд на искусство. Во всяком случае читателю так и остается неясным: почему же Даулеткерей своими «аристократическими кюями», лишенными, якобы, народного содержания, стал «великаном казахской музыки», и почему, например, Мухит, тоже выходец из аристократической среды, не создавал аристократических песен?

Кстати, о Мухите. Личность эта не менее сложная, чем Даулеткерей, и о Мухите в книге Жубанова говорится также противоречиво,

как и о Даулеткерее. Творчество Мухита автор относит к «ренессансным» явлениям в Казахской степи, хотя, в чем выражаются ренессансные черты Мухита в книге, так и не выясняется, может быть потому, что само понятие Ренессанса в истории искусства во многом еще не ясно Жубанову.

На странице 175 автор приводит песню акына Оске, а на следующей странице ее комментирует: «Мухит исполнял эту песню. Пропев ее, он говорил: «У всех бедняков такое же положение. Но надо уметь сохранить свое достоинство, как это делал Оске. Богатство, чины не вечно с тобой ходят. Овладей песней, ибо она такое богатство, которое переживает своего владельца»».

Что это – «ренессансное» утверждение жизни, выражение полноты и красоты человеческих стремлений, или же, напротив, призыв к смирению, уходу от жизни, пусть даже через песни, в сторону от социальной борьбы? Разве это не выражение глубоких противоречий мировоззрения Мухита, противоречий, которых так и не заметил А.К. Жубанов, увлекаясь ренессансами в казахской степи.

В очерке о Мухите мы встречаемся так же, как и во многих других местах книги, с целым рядом исторических парадоксов и несообразностей.

Акын Мухит выступает на ярмарочной площади Оренбурга. По этому поводу А.К. Жубанов пишет: «Описанный эпизод с певцом характеризует определенный период в истории музыкального искусства, находящегося на ранней ступени развития, то есть на такой ступени, когда мастера пения и музыки несут свое искусство на площадь, на улицу, на ярмарку и базар, не имея иного пути для творческого общения с народом. Такое явление можно наблюдать у каждого народа. К примеру, укажем хотя бы на труверов и трубадуров во Франции, мейстерзингеров и минезингеров – в Германии, минстрелей – в Англии, в XIII – XIV в. и, наконец, скоморохов – в России в XVIII веке. Все они, в большей или меньшей степени, были искусными мастерами, вносящими в народ образцы своего творчества, когда музыкальная культура этих народов находилась еще на ранней стадии развития».

Как можно было писать такие невежественные вещи в 1942 году, когда каждому, даже буржуазному историку музыки, известно, что трубадуры и труверы во Франции, минезингеры в Германии в период позднего средневековья были представителями замковой, рыцарской культуры и они не имели никакого отношения к народу, кроме отношений эксплуататоров-феодалов. Этому феодальному аристократическому искусству противопоставлялось демократическое искусство народных музыкантов: жонглеров и менестрелей во Франции и Англии, шпильманов в Германии и скомо-

рохов в России. Смешивать же все в одну кучу – значит, ничего не понять в развитии мировой культуры, в борьбе демократических и феодально-аристократических течений внутри искусства периода средневековья.

Из всех этих наблюдений можно сделать вывод, что вульгарный социализм только одна из сторон исторического метода А.К. Жубанова. Другая, не менее отрицательная черта его метода, – это буржуазный объективизм, преклонение перед антимарксистской «теорией единого потока» в культурном развитии народа.

Сущность этой теории сводится к тому, что каждая национальная культура рассматривается как нечто единое, замкнутое в себе и однородное по своей социально-классовой природе. В противоположность этой объективистской теории, свойственной буржуазной историографии, советская историческая наука стремится вскрыть внутренние социальные противоречия внутри каждой национальной культуры, отделить прогрессивное от реакционного, демократическое от эксплуататорского, взять из культуры прошлого все, что есть в ней передового, отбрасывая консервативное.

В.И. ЛЕНИН специально указывал: «Мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и социалистические элементы, берем только их и, безусловно, в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации».

Между тем, как рассматривает казахскую культуру А.К. Жубанов в своей книге? Он рассматривает ее как единую национальную культуру без четкой социально-исторической дифференциации различных фактов этой культуры. Там же, где он делает робкие попытки дать социальные характеристики, как, например, в очерке о Даулеткерее, – он неминуемо впадает в самые кричащие противоречия.

Основной тезис А.К. Жубанова в этом вопросе выражен в следующей формулировке: «Песни и кюи – это достоверные свидетельства истории казахского народа».

Историк-интернационалист ни в коем случае не может согласиться с этим утверждением, ибо песни и кюи отражают в себе не только историю народа, но и историю господствующих эксплуататорских классов. В песнях и кюях отражаются не только демократические, свободолюбивые – «чаяния и ожидания народные», но и реакционные, феодально-байские идеи мировоззрения прошлого времени.

Если бы А.К. Жубанов, следуя принципам большевистской партийности, рассматривал казахскую музыку исторически, то он не смог бы дойти до такого чудовищного извращения и прямой клеветы на казахский народ, приписав ему сочинение кюев, прославляющих Кенесары и Наурызбая Косымовых.

Между тем, на стр. 6 русского перевода он без всякого стеснения, забыв о своей политической ответственности советского историка, пишет:

«Яркие, героические образы вождей этого восстания (Кенесары и Наурызбая), отображенные в кюях, навсегда сохраняются в сознании народа».

О каком народе говорит здесь проф. А.К. Жубанов? Вернее было бы сказать о баях и султанах, реакционную идеологию которых старается возродить А.К. Жубанов своими лженаучными писаниями?

Правда, А.К. Жубанов не отрицает исторического развития казахской музыки, но как при этом он понимает саморазвитие казахской музыки? Об этом мы узнаем на страницах 15-16, где автор пишет: «Соответственно времени возникновения этих песен, их язык бывает то ясный, то туманный, замысловатый».

И это все, что можно узнать по поводу идейно-образного содержания казахских песен и кюев. Для другого, более глубокого и исторически правильного понимания процессов развития казахской музыкальной культуры у автора не нашлось ни достаточной эрудиции, ни достаточного идейно-теоретического кругозора.

В связи с затронутыми здесь вопросами, особо следует отметить, что в книге А.К. Жубанова отсутствует четкое социально-историческое определение и разграничение творчества акынов и кюйши. А.К. Жубанов в своей последней статье «Мои грубейшие ошибки в области исследования казахской музыки», опубликованной недавно в газете «Социалистік Қазақстан», признает, что он извратил идейный и творческий облик целого ряда казахских акынов. Но А.К. Жубанов не говорит о том, благодаря чему оказалось возможным такое искажение истории казахской музыки.

Нам кажется, что это произошло потому, что в книге А.К. Жубанова, наряду с ее общими методологическими и теоретическими недостатками, совершенно не затронуты два коренных вопроса: марксистско-ленинской эстетики и советского музыкознания. Это вопросы народности и реализма в художественном творчестве, как выражении прогрессивных, демократических идей в искусстве, и борьбы двух направлений внутри каждой национальной культуры. Без правильного марксистского освещения этих вопросов невозможно полноценное музыкально-историческое исследование.

Вот почему многое из того, что в книге автора называется народным, в сущности, никак не доказывается и не раскрывается в конкретном музыкально-стилевом анализе.

А как понимает А.К. Жубанов народность в казахской музыке, можно судить по его характеристике Курмангазы и Биржана: «Оба они по эмоциональной силе и глубине народности их музыкального

творчества заслуживают такой оценки, какую Ромен Роллан дал Бетховену, назвав его сверхчеловеком». Конечно, такое невежественное и вульгарное понимание народности не имеет никакого отношения ни к творчеству казахских композиторов, лучшие произведения которых, действительно, стали народными, ни к творчеству Бетховена – величайшего композитора демократа в истории мирового искусства прошлых веков.

Вопрос о народности и реализме в казахской музыке и о борьбе двух направлений внутри национальной культуры имеет очень важное идейное значение, ибо лучшие достижения национальной культуры прошлого органически входят в строительство профессиональной музыкальной культуры Советского Казахстана, и нам совершенно не безразлично – какое наследство мы получаем и как мы его используем.

Последней особенностью исторического метода А.К. Жубанова является отсутствие критики слабых, исторически обусловленных сторон прошлого музыкальной культуры Казахстана по сравнению с великими достижениями культурного строительства в наши дни.

А.К. Жубанов не видит или не хочет видеть идейной слабости, противоречивости и отсталости культуры прошлого Казахстана, ибо он идеализирует феодальную старину, «романтику» степи и былого кочевого простора. Автора, зараженного ядом феодально-байской идеологией, увлекают «Образы былых времен и событий и их отражение в народной музыке», как он об этом недвусмысленно пишет в своей книге.

Не случайно поэтому образы степи и подробные описания степного родового быта занимают такое большое место почти во всех очерках, переплетаясь с досужими домыслами, легендами и сказаниями, историческая достоверность которых сомнительна и, в сущности, ничего ценного не вносит в научное понимание творчества народных композиторов.

Классик русской музыкальной критики А.Н. Серов когда-то говорил: «Критика – наука открывать красоты и недостатки в произведениях литературы и искусства».

А.К. Жубанов в своей книге все время говорит о «красотах» и совершенно не замечает недостатков в музыкальных произведениях композиторов прошлого, в результате чего рождается идеализация этой феодальной старины, возведение старинных песен и кюев в эстетический закон и единственную норму казахского национального стиля. Все новое свежее и более разнообразное по выразительности, что вносилось в казахскую музыку в результате ее общения с музыкальной культурой великого русского народа, автор рассма-

тривает как порчу и искажение казахского стиля, вплоть до того, что он вычеркивает из истории казахской музыки многие имена талантливых казахских композиторов, тесно связанных с демократической музыкальной культурой русского народа.

Между тем, мы не идеализируем даже классическое наследие в музыке, так как видим пути дальнейшего восходящего развития нашей советской музыкальной культуры – самой передовой и самой идейной культуры в мире. Недаром товарищ Жданов говорил: «Мы не утверждаем, что классическое наследие есть абсолютная вершина музыкальной культуры. Если бы мы так говорили, это означало бы признание того, что прогресс кончился на классиках».

По мнению же А.К. Жубанова, прогресс в казахской музыке кончился на творчестве композиторов XIX в., ибо более поздние композиторы заражаются «взглядом на Запад» и в их творчестве появляется какая-то «зловредная» и сугубо ненациональная «танцевальность».

Вся книга А.К. Жубанова – это восторженный панегирик казахским композиторам прошлого, мелодии которых, по словам Жубанова (например, песни Мухита) наши композиторы так неумело используют в своих операх.

Не удивительно поэтому, что в кюях Курмангазы автор находит даже «философское обобщение» (стр.30), а на стр. 33 пишет о нем: «Характернейшей чертой творческого облика Курмангазы было его необычно широкое мироощущение, умение быстро схватывать явления жизни, постигать их сущность и отображать их в своем творчестве».

А.К. Жубанов ставит перед Курмангазы такие невыполнимые трудности, которые, конечно, не могли быть по силам этому степному музыканту и которые могут быть решены только методом социалистического реализма.

Такое некритическое отношение к музыкальной культуре старого Казахстана не имеет ничего общего с задачами марксистского исследования культурного наследия в музыке. Объективно, оно ведет к недооценке современного общественного развития, идейно разрушает советских композиторов и музыковедов и не способствует дальнейшему развитию музыкальной культуры советского Казахстана.

Не мешает в связи с этим напомнить А.К. Жубанову замечательные слова критика Серова, который говорил: «Критик окидывает верным взглядом и то, что было, и то, что будет. Антипрогрессист критиком быть не в состоянии».

ВЫВОД: Исторический метод А.К. Жубанова пронизан вульгарным социологизмом по своему буржуазному объективизму, он в корне противоположен марксистско-ленинской методологии, и потому неминуемо приводит автора к грубейшим буржуазно-националистическим извращениям музыкальной культуры казахского народа.

Музыковедческие взгляды и принципы А.К. Жубанова несовместимы с Ленинской теорией отражения и марксистским учением об искусстве как специфической форме общественного мышления в художественных образах. Антипартийные и антимарксистские взгляды А.К. Жубанова нанесли тяжелый вред развитию советского музыкознания в Казахстане, ибо вся «музыковедческая» деятельность А.К. Жубанова опирается на целую систему реакционных, буржуазно-националистических взглядов и убеждений, тормозящих развитие советской исторической науки в Казахстане.

Теоретический метод и философские взгляды А.К. Жубанова

Теоретический метод А.К. Жубанова отличается явным формализмом и безидейностью.

В анализе казахских песен и кюев А.К. Жубанов применяет вульгарный метод постановки своих субъективных впечатлений и переживаний под музыкальный текст.

Во всех трудах А.К. Жубанова не анализируется интонационное мелодическое содержание казахской музыки. Вместо целостного анализа автор занимается поверхностным описанием формальных схем или же совершенно произвольной подтасовкой конкретного содержания по своему произволу и хотению.

Формальные схемы анализов не имеют никакой научной ценности, т.к. они не вскрывают действительного содержания песен и кюев и механически подгоняют их под внешние формальные признаки.

В самом деле, что можно понять о содержании кюя Курмангазы «Адай» из такого, например, анализа на стр. 30: «Начало Кюя «Адай» – обычное. Размер его 4/4, лишь в нескольких местах меняется на 2/4. Построение кюя – четырехчастное. Темп быстрый».

Голая и никому ненужная схема!

Другой пример: на стр. 89, описывая кюй Сейтека «Заман», автор пишет: «Размер кюя трехдольный, тональность минорная, темп медленный».

Совершенно невразумительны и некоторые «обобщающие» выводы автора о ритмической основе казахских кюев, которые автор дает на стр.109. Эти выводы полностью разоблачают формалистиче-

скую основу теоретического метода автора. «Ритмические фигуры казахских кюев имеются в трех видах: в первой части – шестнадцатые доли, во второй – шестнадцатые перемежаются с восьмыми, и в третьей части кюя – триоли. Темп таких кюев – средний, музыкальная тема – одна, регистров – два, финал – отрывочный».

Для того чтобы писать такие «анализы», совершенно не обязательно быть советским музыковедом, для этого достаточно знать элементарную теорию, что мы имеем в данном случае.

Вообще следует заметить, что анализ песен и кюев – самая слабая и беспомощная часть всех «научных» работ А.К. Жубанова, наглядно свидетельствующая об отсутствии у автора необходимой профессионально-теоретической подготовки.

Идя по ложному пути механической подтасовки конкретного содержания под музыкальный текст, автор приходит к вульгарному и организованному пониманию самого музыкального содержания казахской музыки.

Приведу, к примеру, «научный анализ» кюя Сармалая «Бул-бул» на стр. 118: «Размер «Бул-бул» – непостоянный, тональность минорная, темп, как сказано выше, – тоже непостоянный. Непостоянство ритма и темпа объясняется, по-видимому, стремлением автора к наибольшему приближению к натуре в подражании соловью, что является вполне законным».

Не менее беспомощны и анализы песен. Что стоит, например, такое замечание об одной песне Биржана: «он начинает петь протяжную мелодию, доходит до паузы, после которой ведет мелодию вверх и под конец возвращается к первоначальной плавной протяжной мелодии».

И это все, что можно узнать о процессах песенного творчества Биржана и народных истоках его поразительного песенного мастерства.

ВЫВОД: Теоретический метод А.К. Жубанова отличается формализмом и бездейностью, и он неминуемо приводит его к вульгарному и искаженному пониманию казахской народной музыки.

Методологические ошибки профессора А.К. Жубанова неслучайны – они являются выражением его общих идеалистических взглядов на процессы познания мира и его отражение в формах искусства.

1. Марксистский философский материализм установил, что искусство есть форма общественного сознания, отражающая бытие, идеологическая надстройка, оказывающая, в свою очередь, активное воздействие на материальную основу; специфическая форма познания мира и одно из орудий его переделки.

Развитие искусства и всех эстетических теорий отражает в себе развитие общественного сознания, борьбу партий, борьбу передовых и реакционных классов. Следовательно, искусство, как и идеология, партийно и классово, и в своем историческом развитии оно целиком подчиняется развитию общественной идеологии своего времени.

Искусство – это выраженное в художественных образах мышление людей, имеющее целью познание и изменение мира. Так учит нас марксизм-ленинизм. Художественное мышление не является только чувственным восприятием мира. Оно гораздо глубже, ибо искусство не копирует жизнь, не пассивно отражает действительность, а стремится проникнуть во внутренние законы развития природы и общества, отобразить их в типичных и обобщенных образах.

В.И. Ленин указывал: «Уже самое простое обобщение означает познание человеком все более и более глубокой объективной связи мира».

Следовательно, художественное мышление, так же, как и мышление вообще, является опосредованным мышлением, формой познания мира, которая включает в себя не только непосредственное чувственное восприятие, но и обобщение, типизацию образов, т.е. абстракцию мысли, сознания.

2. Идеалистические философские системы рассматривают искусство как непосредственную давность бытия, как форму чувственного восприятия мира и потому принижают значение искусства, отрицают его познавательные возможности, не признают за ним активной общественно-преобразующей роли.

Такие теории проповедают стихийность развития искусства, неосознанность процессов творчества, ибо они идеализируют непосредственное чувственное восприятие и, в сущности, отрицают познание мира, так как само чувственное восприятие без абстракции, без участия мышления не способно проникнуть в законы развития природы и общества.

Идеалистические теории, проповедующие истинность непосредственного восприятия, рассматривают искусство как форму непосредственного отражения действительности в субъективном восприятии художника. Они отрицают роль мышления, общественного сознания в процессе художественного творчества, уводят искусство от общественной борьбы и столкновения классовых интересов в обществе, проповедают классовый мир и благополучие на земле.

Такие идеалистические теории не имеют ничего общего с действительной историей мира и правильных научно понимаемых процессов художественного творчества.

Не трудно понять, что идеалистическое понимание искусства как формы непосредственного отражения действительности является философской базой «методологии» проф. А.К. Жубанова.

На самом деле, как понимает А.К. Жубанов искусство?

Он понимает его идеалистически: во-первых, как форму непосредственного отражения мира в субъективном восприятии художника. В противоположность ленинской теории отражения и материалистическому учению об искусстве, как выраженному в художественных образах мышлению, имеющему целью познание и изменение мира, А.К. Жубанов проповедует стихийность и неосознанность художественного творчества, его незаинтересованность в объективном познании и изменении мира.

Во-вторых, А.К. Жубанов утверждает, что искусство непосредственно отражает условия материальной жизни и быта народа, вопреки учению марксизма о том, что искусство есть обобщение, типизация явлений, действительности в художественных образах, отражающих мир более глубоко и правильно, чем непосредственное чувственное восприятие, которое всегда скользит по поверхности явлений, не будучи способным подняться до абстракции, до понимания законов всеобщности и необходимости.

В-третьих, опираясь на идеалистическую теорию истинности чувственного восприятия как единственной формы познания мира, А.К. Жубанов исключает из искусства момент опосредования – активного вмешательства сознания, мышления художника, поэтому он не вскрывает социально исторической обусловленности развития искусства, выражающейся в борьбе демократических реакционных элементов в истории национальной культуры феодального Казахстана.

Наконец, в-четвертых, та же самая идеалистическая теория приводит А.К. Жубанова к непониманию народного и реалистического содержания в искусстве, ибо реализм требует сознательного отбора характерного, существенного, типичного в людях, в явлениях и в событиях, чтобы индивидуальное, единичное было проявлением всеобщего, а случайное – формой проявления единичного.

Это и есть типизация, которая составляет самую сущность, философскую сердцевину реалистического метода в искусстве.

«На мой взгляд, – говорит Энгельс, – реализм подразумевает, кроме правдивости деталей, верность передачи типичных характеров типичных обстоятельствах».

В конечном итоге, идеалистическое понимание искусства как формы непосредственного отражения действительности приводит А.К. Жубанова к отрицанию реалистических принципов художественного творчества, ибо одно чувственное восприятие мира не

способно создавать художественное обобщение – «типичные характеры в типичных обстоятельствах».

ВЫВОД: философские взгляды А.К. Жубанова отличаются явным идеализмом, несовместимым с ленинской теорией отражения и марксистским пониманием искусства как специфической формы общественного мышления в художественных образах.

Итак: Идеализм философии, вульгарный социологизм и формализм в музыковедении и буржуазный национализм в политике – таков облик профессора А.К. Жубанова, возглавляющего антимарксистское направление в музыковедении Казахстана.

Вся научная и музыковедческая работа в Казахстане отдана на откуп А.К. Жубанову. Он ревниво оберегает свой дутый «научный авторитет», настойчиво скрывая свои «труды» от критического осуждения со стороны музыкальной общественности.

Он создал нетерпимый «аракчеевский режим», атмосферу подхалимства, чинопочитания, зажим критики и самокритики в Консерватории, в Союзе Композиторов и в Секторе искусствоведения Академии наук Казахской ССР.

В надежных ли руках находятся судьбы казахского музыковедения – об этом можно судить по опубликованным статьям о профессоре А.К. Жубанове в Центральной и Республиканской прессе, а также и по настоящему докладу.

Дальше такое положение продолжаться не может. Нужно решительно очистить Казахское музыковедение от проникновения антимарксистских идей буржуазного национализма, широко раскрыть двери для большевистской критики и самокритики, поднять историческую науку в Казахстане на уровень передовой марксистской теории и передового искусства советского народа.

К этому призывает нас Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Казахстана.

К этой непримиримой борьбе против всего косного и реакционного в науке и общественном развитии призывает нас величайший ученый нашего времени – И.В. СТАЛИН.

АХМЕТОВ. Объявляется перерыв на 15 минут. Желающих выступить прошу записаться (перерыв).

АХМЕТОВ. Слово предоставляется тов. ЕРЗАКОВИЧУ.

ЕРЗАКОВИЧ Б.Г.:

В течение многих столетий в казахском народе создавалась и развивалась самобытная национальная музыкальная культура. Она, в известной мере, отражала и социальное, и экономическое положение кочевого народа и являлась одной из выражений его духовной

культуры. Неоценимые сокровища устной казахской национальной музыки, целые века лежавшие под спудом и запретом и постепенно безвозвратно исчезающие из памяти народа, были возрождены только благодаря Великой Октябрьской Социалистической революции.

С братской помощью великого русского народа, творческими усилиями советских композиторов и этнографов впервые в истории казахской музыки было записано около 6.000 народных песен и кюев (инструментальных произведений), являющихся плодородной почвой, на интонационной основе которой возникла и развивается музыкальная культура социалистического Казахстана.

Музыкальная культура дореволюционного Казахстана по своему идейному содержанию не являлась единым органическим целым. В ней, как и в других проявлениях духовной жизни народа, постоянно происходила ожесточенная борьба между демократическим и реакционным по содержанию искусством. Демократическое искусство отражало истинное положение народных масс, их прогрессивное стремление к свободе и независимости, к сближению с культурой великого русского народа.

Эксплуататорские классы казахского народа – ханы и султаны, баи и бии, прекрасно понимая значение музыкального искусства для сознания народных масс, направляли творчество и исполнительское мастерство своих приближенных поэтов, певцов и музыкантов на воспевание феодально- байского уклада жизни, на разжигание межродовых распри и вражды ко всему немусульманскому, на смирение перед Аллахом, на восхваление «доброты» и «могущества» баев.

Образно об этом пел великан народной поэзии Джамбул:

«Бай обещает полсотни баранов,
Двух иноходцев и море айрана,
Новый халат в серебре и парче,
И чаю душистого в сто кирпичей,
И третью жену он свою отдает,
Тому, кто его доброту воспевает,
И верность собаки его воспевает,
И жыр о богатстве несметном составит,
И кюями байскую силу прославит...»

При работе над записью народного творчества советские этнографы проявили понятную заинтересованность и к авторам записываемых произведений. В результате кропотливых изыскательских работ стали широко известны имена многих представителей музыкальной культуры, отдавших свой талант на служение народу. Их имена возрождены из безвозвратно ушедшего темного прошлого. И совершенно не случайно создателями наиболее по-

пулярных, социально заостренных произведений, сохранившихся в течение длительного времени в памяти народа, как правило, оказывались люди из беднейших слоев населения, сами испившие полную чашу горечи мук и страданий, выпадавших на долю подавляющего большинства народа. Наши современники с большой гордостью произносят имена, слушают и изучают произведения своих талантливых предков, которые в жесточайших условиях до-революционной жизни создавали немеркнущие сокровища национальной культуры.

Неоспоримый приоритет в области собирания и исследования творчества народных композиторов Казахстана принадлежит народному артисту Казахской ССР Александру Викторовичу Затаевичу.

В примечаниях к своим сборникам казахских народных песен и кюев А.В. Затаевич приводит интересные сведения о жизни и деятельности некоторых народных композиторов. Однако в этих комментариях им были допущены грубейшие ошибки в оценке исторической и художественной значимости упоминаемых им деятелей народного творчества. К сожалению, до настоящего времени работы А.В. Затаевича не получили настоящей критической оценки. Следует, однако, учесть, что А.В. Затаевич вел свои записи между 20 и 30 годами, когда остатки байства и националистических элементов еще не были выкорчеваны из культурной и общественной жизни республики. Зачастую информаторами А.В. Затаевича, не владевшего казахским языком, были «сообщители» и «переводчики», лично заинтересованные в своих классовых интересах в очернении, а то просто в клевете на того или иного негодного им народного певца, домбриста или композитора. Это привело к тому, что А.В. Затаевич, приводя некоторые весьма ценные заключения по вопросам интонационного строя и структуры казахской народной музыки, сделанные им путем самостоятельного научного анализа колоссального количества музыкального материала (правда, некоторые его выводы нами оспариваются), в вопросах уже исторических явно оказался не на должном научном уровне, а явился лишь фиксатором услышанных им сообщений, некритически воспринимая все, что ему удавалось разузнать. Здесь не излишне напомнить, что главными информаторами А.В. Затаевича по историческим вопросам были небезизвестные буржуазные националисты и алашординцы.

Следующей большой работой в области казахского музыковедения явилась книга А.К. Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов» на казахском языке, вышедшая в свет в 1942 году. Книга А.К. Жубанова привлекла внимание широких кругов работ-

ников науки, искусства и литературы Казахстана. В книге, написанной в виде художественно-публицистских очерков о жизни и деятельности народных композиторов прошлого – Курмангазы, Даулеткерей, Казангапа, Биржана и др., вошли очерки и о композиторах, доживших до выполнения своих заветных мечтаний о свободе и независимости народа – Сейтеке, Жаяу Мусе, Копене и др.

Таким образом, тов. Жубанов имел намерение показать неразрывную связь и преемственность между народной музыкой дореволюционного Казахстана и народной музыкой советского, социалистического Казахстана. Как известно, эта книга получила исключительно высокую оценку как в казахстанской печати, так и от видных советских ученых, писателей, композиторов и музыкантов. В своих работах я тоже, не зная подлинного содержания, писал о книге тов. Жубанова как о большой научной фундаментальной работе, посвященной творчеству народных композиторов Казахстана.

Имея неоспоримые преимущества перед А.В. Затаевичем, тов. Жубанов совершенно самостоятельно, без каких-либо переводчиков собирал и накапливал материалы и как специалист, получивший образование в советском ВУЗе, действительно должен был бы сделать глубокие научно-обоснованные выводы. Работа тов. Жубанова, изданная только на казахском языке, всегда возбуждала большой интерес композиторов и музыкантов, не владеющих казахским языком.

Идя навстречу этим пожеланиям, Союз композиторов выкроил из своего тощего бюджета необходимую сумму и заказал перевод книги на русский язык.

Теперь, после статьи «Правды», «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана», после Постановления ЦК КП/б/К от 10 апреля 1951 года «О грубых политических ошибках в освещении истории и литературы Казахстана», стало совершенно ясно, что в музыковедческих работах тов. Жубанова имеются серьезные ошибки.

В книге «Жизнь и творчество казахских композиторов», в изданном докладе «Музыкальная культура Казахстана», как и в других работах, тов. Жубанов извратил прогрессивное значение присоединения Казахстана к России, идеализировал дореволюционный быт казахского народа, возвеличил ярых врагов казахского и русского народа, руководителей феодально-монархических движений – ханов Аблая, Кенесары и Наурызбая.

Работы тов. Жубанова проникнуты преклонением перед Западной Европой, игнорированием прогрессивного влияния русской демократической культуры на казахскую музыку. Исследования тов. Жубанова проникнуты буржуазной теорией «единого потока»,

в угоду которой он всех народных композиторов, певцов и музыкантов, несмотря на их различную классовую принадлежность, признавал «значительными», «выдающимися» и т.д., якобы выражающими все целиком, без исключения, чаяния и стремления народных масс. Сплошная панегирика всем упоминаемым певцам и композиторам, любование и идеализация быта дореволюционного аула, возведение уголовных преступлений и разбоя в геройство. Описание любовных походов, анекдоты и разные пустые небывлицы, заполнили значительную часть книги, оттесняя на задний план даже некоторые интересные и важные в познавательном отношении факты и сведения.

Однако обстановка, созданная тов. Жубановым в руководимой им секции музыковедения в Союзе Композиторов и на кафедре истории консерватории, то почтительное благодушие и почитание, с которым относятся к тов. Жубанову все его окружающие, его влияние и авторитет в вышестоящих организациях не создавали необходимую здоровую обстановку для критического отношения к его научной работе. Надо отдать должное мужественному выступлению композитора Тулебаева, который смело и решительно выступил на страницах «Казахстанской правды» со статьей «О неправильном направлении музыковедения в Казахстане». Товарищ Тулебаев совершенно обоснованно вскрыл многие антинаучные, антиисторические положения тов. Жубанова, столь откровенно изложенные им в своей книге.

Нельзя не согласиться с мнением самого тов. Жубанова, высказанным им в статье «Мои грубейшие ошибки в области казахского музыковедения» о том, что такие ошибки ведут прямо на дорогу космополитизма, что они приводят к буржуазному национализму.

На мой взгляд, статьи тов. Тулебаева и Жубанова еще недостаточно полно вскрыли все серьезнейшие ошибки, которые имеются в книге «Жизнь и творчество казахских композиторов».

Сегодня я хочу остановиться на двух порочных концепциях, которые весьма характерны для всего научного метода и исследовательской работы тов. Жубанова и особенно ярко выражены в его книге «Жизнь и творчество казахских композиторов». Эти порочные концепции нам необходимо разоблачить потому, что они могут в дальнейшем приводить к серьезным ошибкам других, будущих казахстанских музыковедов.

Первое – это имеющая большое хождение среди казахстанских музыкантов аксиома о так называемой «исторической достоверности народных песен и кюев». На базе такого исторического обоснования в нашей консерватории изучается история музыкальной

культуры казахского народа, делаются определенные исторические выводы, выявляются идеи, стремления и чаяния казахского народа, пишутся дипломные работы.

Тов. Жубанов в своей книге пишет, что «не ошибемся, если скажем, что песни и кюи – это достоверные свидетельства истории казахского народа». Несомненно, это порочная концепция. Марксистско-ленинская эстетика учит нас тому, что народное творчество по своему идейному содержанию неоднородно, что в народном творчестве происходила непрерывная борьба между реакционным по содержанию искусством, отражающая идеологию феодалов, баев, биев, и демократическим, отражающим истинные прогрессивные стремления народа, трудящихся.

Поэтому среди записанных нескольких тысяч народных песен и кюев, несомненно, есть много таких произведений, которые выражали идеологию эксплуататорских классов казахского дореволюционного общества и содержание которых ничуть не было проявлением «голоса народа» или «поющей историей». Не советскими ли исследователями, работающими в области истории казахской музыки, нужно уметь отбирать среди целого моря песен и кюев те, что выражают действительные стремления и чаяния народа.

Выражением марксистско-ленинской эстетики является и мнение тов. Омарова, высказанное им в статье «О задачах исторической науки в Казахстане» о том, что «мы имеем очень мало письменных памятников, что обуславливается в прошлом почти поголовной неграмотностью населения. У нас также мало памятников материальной культуры, что объясняется отсутствием в прошлом городов. Мы даже не имеем простых летописей, столь характерных для истории многих народов. Богатейший же казахский фольклор, составляющий золотой фонд народного творчества, является недостаточным для истории, требующей достоверных документов».

Разве утверждение об исторической достоверности смыслового содержания, передаваемого перед исполнением кюев некоторыми домбристами, не является широкой лазейкой для всякого рода популистской и буржуазно-националистической пропаганды. Что может быть удобнее такого, когда, например, перед исполнением какого-либо самого пессимистического кюя, сочиненного по случаю личного горя или утраты, подсунуть к этому кюю содержание общественного настроения многомиллионного народа.

Разве не было известно тов. Жубанову, что именно такую тактику в своей агитационной работе применяют некоторые музыканты, находящиеся на службе у феодалов и баев, у националистов и алашординцев. Кто лучше всех, как не сам тов. Жубанов, мог бы

свободно разобраться в этих коварных приемах прислужников эксплуататоров. Прекрасно зная язык, быт и нравы своего народа, тов. Жубанов первым должен был бы разоблачить несостоятельность формулы об «исторической достоверности» кюев и разобраться, что действительно достоверное и народное, а что является выражением феодально-байской идеологии. Но получилось так, что сам тов. Жубанов попал в плен собственной ложной концепции, чтобы ее оправдать и придать ей научный характер, он пошел по пути подтасовывания фактов и искажения исторической действительности в угоду заранее предвзятого утверждения о том, что ханы и баи «продали» казахский народ царю.

Не в угоду ли этой псевдонаучной формуле «об исторической достоверности песен и кюев» привел в своей книге тов. Жубанов реакционно-националистические бредни о якобы счастливой жизни казахского народа во времена Тамерлана и Александра Македонского, или возвеличил Аблая, Кенесары и Наурызбая как национальных героев казахского народа. Не ясно ли, что собственная формула тов. Жубанова «Об исторической достоверности песен и кюев», в угоду которой он сам сочинял и подтасовывал в историю казахского народа разные небывлицы и клевету, завела тов. Жубанова в грязное националистическое болото.

В свете этих фактов несомненно и то, что тов. Жубанов относится к тому числу критиков, о которых говорил в своем выступлении Андрей Александрович Жданов на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП/б/ в 1948 году. Тов. Жданов говорил: «Народилась целая новая профессия истолкователей музыкальных произведений из среды приятелей-критиков, которые стараются по личным догадкам расшифровать задним числом содержание уже обнаруженных музыкальных произведений, тайный смысл которых, как говорят, бывает не совсем ясен даже для авторов».

Второе – это проводимая красной нитью через всю эту книгу давно разоблаченная советской наукой буржуазная теория «единого потока». Почти все упоминаемые в книге тов. Жубанова композиторы и певцы, по его утверждению, являются «выдающимися личностями», «крупными общественными деятелями», которые своим творчеством и личными поступками способствовали прогрессивным стремлениям казахского народа.

Пытаясь доказать свое положение о «едином потоке», тов. Жубанов даже явно уголовные преступления, как разбой и воровство, натравливание на русское трудовое крестьянство казахского населения, стремление некоторых реакционных по своей идеологии музыкантов, повернуть казахский народ вспять к феодализму, выдает за

прогрессивное деяние. Что может быть ошибочнее и вреднее таких доказательств.

Вопреки исторической правде, тов. Жубанов полностью игнорировал прогрессивное влияние русской музыкальной культуры на развитие казахской музыки, в том числе и на народную музыку.

То, что тов. Жубанов не сумел научно обосновать коренное различие между идейным содержанием и общественной деятельностью таких композиторов, как, с одной стороны, Курмангазы, Даулеткерей и Жаяу Муса, и с другой – Ахансеры, Иман-Жусуп и Сейтен, – является его серьезнейшей идеологической ошибкой, порожденной применением на практике порочной теорией «единого потока».

Несомненно, сегодняшнее обсуждение не ограничивается только книгой «Жизнь и творчество казахских композиторов». Эта книга нанесла серьезнейший вред делу воспитания и работе молодых научных кадров музыкального искусства и направила молодую искусствоведческую науку по ложному пути. Сегодня должна быть со своей большевистской прямоотой сурово осуждена и деятельность тов. Жубанова как научного руководителя сектора искусствования, как председателя секции критики и музыковедения Союза Композиторов, как руководителя кафедры истории музыки консерватории. На всех этих служебных и общественных постах тов. Жубанов, несмотря на все имеющиеся у него возможности, не проявляет необходимого честного отношения к делу. В своей деятельности тов. Жубанов умеет создавать такую обстановку, при которой критика заглушалась и преследовалась.

Перед казахстанскими музыковедами стоит исключительно важная и ответственная задача – создание марксистско-ленинской истории казахской музыки. Нужно прямо и со всей ответственностью заявить, что такая работа будет нам не под силу, пока мы серьезно и решительно не перестроим свою работу, пока мы будем работать врозь, в одиночку. Такая работа нам будет не по плечу до тех пор, пока казахстанские музыковеды серьезно и творчески не овладеют учением марксистско-ленинской эстетики, пока они серьезно не изучат классические произведения товарища Сталина, пока они не научатся применять на практике в своей научной работе марксистско-ленинскую методологию, пока они не изучат произведения классиков русской музыкальной критики.

Создание такого всеобъемлющего труда, как «История казахской музыки», может быть выполнена только в том случае, если мы с помощью партийных организаций разовьем прямую и честную критику и самокритику в наших творческих и научных организациях и в учебных заведениях, будем проводить широкие, свободные дис-

куссии и обсуждение самых важнейших вопросов казахского музыковедения. Пора, давно пора покончить в нашей среде с преклонением и воскурением фимиама перед отдельными даже уважаемыми и авторитетными товарищами.

Казахское музыковедение переживает тяжелое время. Оно явно не отвечает вопросам развития музыкальной культуры Казахстана. Решающее значение для исправления создавшегося положения имеют кадры. До настоящего времени сектор искусствоведения не укомплектован в достаточной мере квалифицированными научными работниками. Достаточно сказать, что Сектор искусствоведения, который существует с 1945 года, из-за отсутствия соответствующих кадров состоит всего из 4 человек, из которых только один в 1951 году защитил диссертацию, а остальные еще совсем молодые научные работники, окончившие ВУЗы в 1950-1951 гг. Дальнейший рост искусствоведения в Казахстане в настоящее время целиком зависит от подготовки научных работников через аспирантуру Академии наук КазССР. Сектор искусствоведения имел полную возможность ежегодно принимать по несколько аспирантов. Однако набор в аспирантуру чрезвычайно затруднен ввиду крайне ограниченного контингента лиц с высшим образованием по истории и теории музыки. Как известно, в Алма-Атинской консерватории было всего 3 выпуска и то, главным образом, исполнителей. Выпускники – теоретики и историки в своем большинстве оставлены для педагогической работы в музыкальном училище и консерватории, два человека работают в секторе и двое учатся в аспирантуре.

По имеющимся у нас сведениям, в центральных художественных музыкальных и театральных ВУЗах, на теоретических и исторических отделениях в настоящее время не учится ни один студент-казах.

Сектор искусствоведения все свои надежды возлагает на Алма-Атинскую консерваторию и надеется, что педагогический персонал и лучшие выпускники будут направляться в аспирантуру Академии наук. Крупные специалисты Советского Союза дали свои официальные, письменные согласия руководить подготовкой аспирантов, в том числе такие ученые, как профессор Б.М. Беляев (музыковедение, Москва), И.В. Гинабург (изобразительное искусство, Ленинград), Ю.С. Слонимский (хореография, Ленинград), Н.И. Львов (театроведение, Москва).

Несмотря на свои слабые научные кадры, Сектор искусствоведения продолжает исследовательскую работу в области музыковедения путем создания монографических работ о творчестве композиторов дореволюционного и советского Казахстана, теоретических исследований о структуре казахского мелоса в инструментальной музыке, об

особенностях казахской полифонии, о влиянии русской классической, народной и советской музыки на музыкальное искусство Казахстана.

Серьезную научную работу в области казахского музыковедения может проводить кафедра истории музыки и теории композиции Алма-Атинской консерватории.

Товарищи!

Неограниченные возможности представили работникам музыкальной культуры партия, правительство и народ. Надо оправдать это высокое доверие, надо сплотить свои ряды и неустанно повышать свои знания в вопросах марксистско-ленинской эстетики и профессионального мастерства, развивать большевистскую критику и самокритику, регулярно проводить дискуссии и обсуждения во всех учреждениях и творческих организациях музыкального искусства Казахстана.

Председатель: Слово предоставляется тов. ЖАМАНБАЕВУ.

ЖАМАНБАЕВ К.Б.:

Партия большевиков и лично товарищ Сталин обращают исключительное внимание на развитие передовой советской науки. Особо важное значение в развитии советской науки имеет борьба нашей партии за чистоту марксистско-ленинской теории, последовательное разоблачение буржуазной идеологии.

В послевоенные годы ЦК ВКП(б) принял ряд исторических решений по идеологическим вопросам. Также были проведены дискуссии по вопросам философии, биологии и языкознания. После дискуссии по вопросам языкознания вышел в свет гениальный труд И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», являющийся путеводной звездой в исследовательской деятельности ученых всех отраслей науки.

Важнейшее значение имеет для работников музыкального фронта проведенное совещание в ЦК ВКП(б) в 1948 году деятелей советской музыки. Историческое Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» явилось программой дальнейшего развития советской музыки.

ЦК КП(б) К оказал большую помощь представителям общественных наук, нашим кадрам в марксистско-ленинском освещении истории и литературы казахского народа, приняв в 1947 году решение «О грубых политических ошибках в работе института языка и литературы Академии Наук Казахской ССР». В 1949 году ЦК КП(б) К принял постановление «О состоянии и задачах дальнейшего развития театрального искусства республики».

Большое значение имеет разоблачение враждебной нам идеологии в статье газеты «Правда» от 26 декабря 1950 года «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана». Эта статья разоблачает буржуазно-националистические позиции Бекмаханова. 10 апреля 1951 года бюро ЦК КП(б)К приняло специальное решение об этой статье в газете «Правда». Порочные взгляды Бекмаханова на движении Кенесары Касымова нашли свое отражение в учебниках по истории СССР, по истории Казахстана, по истории литературы, а также по истории казахской музыки. Как и во всех высших и средних учебных заведениях, научно-исследовательских учреждениях нашей республики, так и в консерватории на открытом собрании партийной организации коммунисты и беспартийные товарищи, обсуждая статью газеты «Правда» «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» и Постановление ЦК КП(б)К по этому вопросу, подвергли серьезной критике книгу профессора Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов», вышедшую в свет в 1942 году.

Тов. Жданов на совещании деятелей советской музыки перед композиторами поставил очередную задачу: «У советских композиторов две в высшей степени ответственные задачи, – говорит тов. Жданов, главная задача – развивать и совершенствовать советскую музыку. Другая задача состоит в том, чтобы отстаивать советскую музыку от проникновения в нее элементов буржуазного распада».

15-го сентября с.г. в газете «Советское искусство» была напечатана статья секретаря ЦК КП(б)К тов. Омарова «За дальнейший подъем музыкальной культуры Казахстана». В этой статье тов. Омаровым дана полная характеристика работе композиторов и музыкантов Казахстана в деле дальнейшего развития музыкальной культуры Казахстана, борьбы с буржуазной идеологией в музыковедении Казахстана.

После исторического постановления ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» Мурадели» композиторы Казахстана добились значительных успехов. О бурном росте музыкального искусства свидетельствуют многие произведения казахских композиторов, произведения глубокого содержания, ценных художественных качеств. К ним, в частности, можно отнести симфонию «Сары Арка» и кантату «Советский Казахстан» Е. Брусиловского, симфоническую поэму «Рызвангуль» молодого композитора К. Куманьярова. «Удачей казахского искусства, пишет тов. Омаров, можно считать оперы «Биржан и Сара» композитора Тулебаева и «Абай» Жубанова и Л. Хамиди».

Как у всех народов Советского Союза, так и у казахского народа музыкальная культура значительно поднялась. Поэтому большинство созданных за последнее время в Казахстане музыкальных про-

изведений оперного и песенного жанров, безусловно, не могут удовлетворить возросшие духовные запросы народа.

Редакционные статьи газеты «Правда» об операх «От всего сердца» и «Богдан Хмельницкий» выдвинули серьезные задачи, стоящие перед работниками музыкального искусства. В этих статьях дан глубокий и всесторонний анализ ошибок в творчестве советских композиторов, работающих в оперном жанре. Все эти замечания целиком и полностью относятся и к работникам музыкального искусства Казахстана. В своей статье в газете «Советское искусство» тов. Омаров делает ряд замечаний об операх «Амангельды», «Тулеген Тохтаров», «Гвардия вперед», «Золотое зерно», «Биржан и Сара». Указывая на отдельные недостатки этих опер, тов. Омаров пишет, что: «... даже в наиболее удачных казахских операх иногда идеализируется феодальное прошлое Казахстана, неверно изображаются отдельные исторические события и деятельность исторических личностей, т.е. наблюдаются именно те недостатки, которые отметила в работах некоторых казахских историков «Правда» в своей статье «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана».

Далее т. Омаров указывает, что композиторы Казахстана мало работают над созданием подлинно массовой хоровой песни. При обработке народных песен они нарушают структуру национальной мелодии, иногда популяризуют старинные обрядные песни, хотя самые обряды давно уже изжиты.

В музыкальном искусстве Казахстана одним из самых отстающих всесторонне неразработанным участком является история казахской музыки. После статьи тов. Омарова в газете «Советское искусство» «За дальнейший подъем музыкальной культуры Казахстана» 28 сентября с.г. в газете «Казахстанская Правда» напечатана статья М. Тулебаева «О неправильном направлении в музыковедении Казахстана» и одновременно, в тот же день в «Социалистік Қазақстан» напечатана статья профессора Жубанова «Мои грубые ошибки в исследовании отрасли казахского музыковедения». Во всех этих статьях правильно вскрыты политические и методологические ошибки, допущенные А. Жубановым в его работе «Жизнь и творчество казахских композиторов», в освещении истории казахского народа, в анализе связей его культуры с культурой русского народа. В чем существо грубых ошибок в книге Жубанова? Во-первых, во введении к своей книге Жубанов отрицает прогрессивное значение присоединения Казахстана и России, идеализирует феодальное прошлое Казахстана, тем самым искажает историческую действительность.

А. Жубанов хана младшего жуза Абулхаира называет «изменником» и «предателем казахского народа», т.к. он отстоял добровольное присоединение казахского народа к России, а действительных

изменников и предателей родного народа – султана Кенесары и Наурызбая Касымовых и даже монгольского завоевателя Темирлана – восхваляет. На самом же деле присоединение Казахстана к России ликвидировало опасность его политического расчленения, способствовало ломке феодальной замкнутости, развитию торгово-денежных отношений городов, переходу казахов к оседлости и земледелию, усилению влияния передовой русской культуры в Казахстане и укреплению дружбы между казахскими и русскими народами. Присоединение Казахстана к России было, в основном, завершено в начале 60-х годов XIX века. В результате присоединения Казахстана к России ликвидировалась опасность порабощения казахского народа отсталыми феодальными государствами Востока – Китаем, Хивой, Кокандом.

Во-вторых, профессор Жубанов в своей книге «Жизнь и творчество казахских композиторов» неправильно и ошибочно трактует вопросы о национальных движениях. Всякое национальное движение, в том числе Кенесары Касымова в его книге показано как национально-освободительное, революционное.

Ленинизм учит, что не всякое национальное движение является прогрессивным и национально-освободительным. Известен случай, когда англо-американские и другие империалисты в своих захватнических целях организовывали и поддерживали различные движения, используя национальные и религиозные мотивы и лозунги. Попытки приукрасить реакционные национальные движения и их руководителей служили и служат только на руку врагам марксизма-ленинизма, врагам советской страны. В действительности, движение Кенесары (1837-1847 г.) не было ни прогрессивным, ни революционным. Это было типичное феодально-монархическое реакционное движение, которое тянуло казахский народ назад. Кенесары стремился восстановить ханскую власть, культивировать патриархально-феодальные устои, помешать его сближению с великим русским народом.

Кенесары был душителем и палачом казахского народа. Он разгромил казахские аулы, которые стояли за дружественные отношения с Россией, поощряя грабежи, набеги. Его придворные войска грабили аулы, убивали безвинных кочевников-крестьян.

Жестокость и грабежи Кенесары вызывали всеобщее недовольство населения. Казахи нередко открыто выступали против Кенесары. Вопреки исторической истине, в своей книге Жубанов утверждает, что якобы казахский народ сочинил ряд песен и кюев о Кенесары, где воспевали его. Исторические действительные факты опровергают неправильные доводы Жубанова. В своей статье в газете «Социалистік Қазақстан» сам Жубанов пишет, что до сегод-

няшнего дня из записанных более 600 казахских песен и кюев он встречал только 2-3 песни и кюя, воспевающие Кенесары. На самом деле, эти 2-3 песни и кюя никоим образом не являются отражением подлинных настроений народа. Эти песни и кюи о Кенесары принадлежат врагам казахского народа. Таким образом, в своей книге Жубанов искажает историю казахской музыкальной культуры.

Мукан Тулебаев в своей статье пишет, что: «подгоняя под лживую историческую концепцию музыкальной культуры казахского народа, А. Жубанов фальсифицирует ее, изображает с тех же буржуазно-националистических позиций».

В статьях Тулебаева и Жубанова сказано, что грубые ошибки книги заключаются в неправильном, ошибочном толковании жизни и творческой деятельности казахских композиторов. В освещении жизни и творческой деятельности выдающихся представителей казахской музыки Абая, Жаяу Мусы, Даулеткерей, Курмангазы А. Жубанов отошел от позиций марксизма-ленинизма, поддавшись влиянию буржуазного объективизма.

Творческую деятельность этих композиторов А. Жубанов отрывает от социально-экономических условий в казахской степи во второй половине девятнадцатого века. Как известно, в этот период завершилось присоединение Казахстана к России, и в связи с прогрессивными последствиями этого присоединения произошли серьезные сдвиги в политической, экономической и культурной жизни казахского общества. На самом то деле, без учета прогрессивного значения присоединения Казахстана к России, без марксистско-ленинской оценки изменений, происшедших тогда в развитии казахского аула, нельзя правильно осветить всю творческую деятельность великих казахских композиторов Абая, Жаяу Мусы, Даулеткерей и др.

Автор в своей книге не дает всестороннего, правильного анализа творчества этих композиторов. В разделе своей книге «ИХЛАС» А. Жубанов, искажая историческую деятельность от начало до конца, восхваляет противника русского народа националиста Иман Жусупа, показывает его как народного певца и верного сына казахского народа.

Националистическое музыкальное произведение Иман Жусупа «Сары арка» Жубанов считает самым положительным произведением. Кроме того, А. Жубанов в своей книге поощряет воровские и хулиганские поступки Балуан Шолака. Балуан Шолак ненавидел русских крестьян и занимался воровством у русских крестьян. Эти действия А. Жубанов считает геройством.

Автор в таком же духе восхваляет деятельность певца Мади, не разоблачая его отрицательные черты.

Мукан Тулебаев пишет, что в главе, посвященной творчеству Ахана Серы, автор излагает его любовные похождения, но ни одного слова не говорит о том, что Ахан Серы был ярким националистом и призывал казахский народ перейти в турецкое подданство.

Первое свое произведение он посвящает любовной теме. Когда Ахану минуло 50 лет, он влюбился сразу в трех девушек красавиц. И все эти пошлые и досужие мысли выдаются за науку об искусстве.

Одним словом, А. Жубанов к биографии казахских композиторов подходит с неверной, вульгарно-упрощенческой методологией.

А. Жубанов к вопросу о влиянии великой русской музыкальной культуры на мировоззрение и творчество Абая и Курмангазы подходит вульгарно, с ограниченных позиций. Автор утверждает, что творчество Абая и Курмангазы лишь подражает Европе. Между тем, известно, что Абай изучал и знал русский язык, читал произведения Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина и других великих классиков русской литературы, творчески переводил их произведения на казахский язык, был знаком с русскими песнями, сочинял ряд песен и арий по образцу русской мелодии.

В своей статье тов. Омаров пишет, что горячий поборник дружбы казахов с великим русским народом Абай первым поднял голос за приобщение своего народа к прогрессивной русской культуре. Поэт-музыкант, он первый приблизил народную казахскую песню к русской песенной мелодии. Далее, сам А. Жубанов подтверждает, что казахский композитор Курмангазы свои кюи, как, например, «Перовский марш», «Лаушкин», «Кобик шашкан», сочинял, подражая русской музыке. Отсюда мы должны согласиться с правильным выводом Омарова, что казахское советское музыкальное искусство многим обязано русской музыкальной классике. На ее лучших образцах учились наши композиторы, воспитывались наши певцы и музыканты. Казахские композиторы учились только у великих русских композиторов.

В разделе своей книги, где рассказывается о творчестве Мухита и Дины Нурпеисовой, А. Жубанов проповедует и восхваляет музыкальную культуру Западной Европы с позиций космополитизма. В своей статье А. Жубанов пишет, что приезды Дины в Алма-Ату напоминают приезды балерины Европы Марии Тальоны в Москву.

Далее в статье М. Тулебаева написано: «... Со времени написания этой книги прошло уже около 10 лет. Однако А. Жубанов нисколько не изменил своих взглядов и концепций. Он не отрекся от политических и музыковедческих ошибок».

В 1946 году А. Жубанов выступил с так называемым научным докладом «Музыкальная культура Казахстана», опубликованным в

трудах первой сессии Академии наук Казахской ССР. Идеализируя прошлое, он все достижения музыкальной культуры казахского народа относит к дореволюционному периоду, снова восхваляет султана Кенесары Касымова.

В 1950 году в «Известиях Академии наук Казахской ССР» появилась новая работа А. Жубанова «Музыкальное искусство Центрального Казахстана». Эта работа не что иное, как несколько обновленный и сокращенный вариант книги «Казахские народные композиторы».

Мы не останавливаемся на многих других ошибках, указанных в статье М. Тулебаева о книге А. Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов». Думается, что и те, которые мы отметили, достаточны для того, чтобы прийти к выводу, что статья секретаря ЦК КП(б) Казахстана т. Омарова, напечатанная 15-го сентября 1951 г. в газете «Советское искусство», «За дальнейший подъем музыкальной культуры Казахстана», М. Тулебаева в газете «Казахстанская правда» от 28.10.1951 г. «О неправильном направлении в музыковедении Казахстана» и самокритичное выступление А. Жубанова на страницах газеты «Социалистік Қазақстан» являются совершенно правильными.

А. Жубанов пошел по порочному пути, допустил грубые политические ошибки и методологические ошибки в освещении истории казахского народа, извратил, очернил биографии казахских композиторов. Несомненно, что книга А. Жубанова порочная, вредная, извращающая историческую правду. Понятно поэтому, что такая работа не может служить пособием для изучения истории казахской музыки.

Выступая с самокритикой, А. Жубанов целиком и полностью присоединяется к этим предложениям и обещает заново написать полноценную работу по истории казахской музыки.

Мы, конечно, вовсе не отрицаем заслуги тов. Жубанова перед музыкальной общественностью Казахстана в деле развития казахской музыкальной культуры. То, что он сделал, это еще совершенно недостаточно.

Тов. Жданов говорит: «Если вам дорого высокое звание советского композитора, Вы должны доказать, что Вы способны лучше служить своему народу, чем Вы это делали до настоящего времени». Эти слова тов. Жданова непосредственно относятся к тов. Жубанову.

Отсюда Вам, тов. Жубанов, предстоит сдать серьезный экзамен – написать высокоидейную работу о казахской музыке.

Председатель: Слово предоставляется тов. ТУЛЕБАЕВУ

ТУЛЕБАЕВ М.Т.:

Мое выступление, как вам известно, уже состоялось: оно напечатано в газете. Сейчас я хотел бы сказать несколько слов о том, почему я выступил в газете, что именно меня побудило вынести всю правду этого дела на суд широкой общественности. Я руководствовался, прежде всего, интересами нашего народа, нашей культуры.

Музыковедение является одним из ее серьезных и очень важных участков. Перед нашими музыковедами стоят глубокие проблемы, от правильного решения которых, в значительной мере, зависит будущее всей музыкальной культуры Республики. Первостепенное значение имеет глубокое изучение народного музыкального творчества на основе марксистско-ленинской теории, на основе трудов товарища Сталина. Подлинно научная теоретическая система в этих исследованиях народной культуры раскроет перед нами творческие ценности огромного значения.

Не меньшее, а, пожалуй, еще большее значение имеет объективная, трезвая, научная оценка всего накопленного опыта профессиональной творческой работы композиторов нашей республики, научно-теоретический анализ наших произведений, их идейно-тематического содержания, верности и глубины художественных образов, уровня и качества техники композиторского мастерства.

Нас, композиторов, глубоко волнует мнение слушателей, мнение народа, мнение критики. У нас имеются не только творческие достижения, но и серьезные творческие ошибки. И здесь критическая мысль и должна во время, на основе научного анализа, подсказать и указать нам – каков же верный путь, в чем наши недостатки и промахи? Партия учит нас, что без критики нет и не может быть движения вперед.

Что же мы видим на фронте музыкальной науки? Помогает ли она нашим творческим успехам? Выявляет ли прогрессивные элементы в наследии народного творчества? Анализирует и обобщает ли явления в современном музыкальном творчестве наших композиторов. Освещает ли нам путь вперед, к новым творческим достижениям? На все эти вопросы приходится, к сожалению, ответить совершенно отрицательно.

В нашем музыковедении мы видим полный застой, полное отставание. Наше музыковедение своей антинаучностью, своими грубыми политическими, методологическими и музыкально-теоретическими ошибками стало тормозом развития музыкальной культуры Казахстана, оно стало тормозить воспитание наших молодых национальных музыкальных кадров. Результаты сейчас всем очевидны.

Сопоставляя томящееся развитию музыкальной культуре нашей республики и продумав все то, что мешает росту наших мо-

лодых творческих и научных кадров и нормальному ходу исторического развития музыкальной культуры Казахстана, я окончательно пришел к твердому убеждению, что не могу далее молчать, что обязан выполнить свой долг перед родной культурой республики.

О том, что я не ошибся в оценке товарища Жубанова, говорит его собственная саморазоблачительная статья в газете «Социалистік Қазақстан», но о какой искренности здесь может идти речь? И если даже считать, что его статья явилась результатом искреннего признания своих глубейших ошибок, то я сомневаюсь, в состоянии ли он исправить свои ошибки на деле.

Я уверен, не в состоянии.

Я обращаюсь к Вам, Ахмет Куанович! Я уже сказал, меня побудил выступить с критической статьей весь исторический ход развития нашей музыкальной культуры. Сейчас требование музыкальной общественности к музыковедам огромное, справедливое и исторически необходимое.

Причиной отставания казахского музыковедения являетесь Вы. Я не игнорирую Ваши организаторские способности, Вашу работу, имевшую некоторое значение в свое время. Но это был первоначальный этап, когда формировалась наше молодая музыкальная культура.

Теперь мы с Вами переживаем другое время. Наше профессиональное искусство стало широко известно, вышло на всесоюзную арену, выросли профессиональные кадры, требование народа стало более высоким. Вот здесь, на данном этапе нам, композиторам, крайне необходимо музыковедение.

Ибо музыковедение – это оружие, направляющее, воспитывающее, преобразующее, оно способно сплотить вокруг себя творческих работников воедино, направляет по прогрессивному пути, убеждая от идейно творческих заблуждений и индивидуалистических взглядов.

Поэтому, Ахмет Куанович, нам некого обманывать. Интересы у нас должны быть общие – интересы народа, интересы развития нашей национальной, советской музыкальной культуры. Я думаю, что вам нет больше смысла вводить в заблуждение себя самого и советскую общественность. Вы должны откровенно признаться, и в этом нет ничего дурного – что у вас нет необходимых музыкальных знаний для серьезной музыковедческой научной работы.

Вы знаете хорошо, Ахмет Куанович, что Николай Андреевич Римский-Корсаков, уже будучи профессором Петербургской консерватории, сел вместе со своими учениками на студенческую скамью и восполнил недостающие знания, пройдя полностью 3-летнее обучение. И как этим восторгался Петр Ильич Чайковский!

В результате упорной, настойчивой учебы Николай Андреевич, овладев техникой мастерства, написал такие замечательные произведения, как «Снегурочка», «Майская ночь», «Садко», «Шехеразада» и многие другие.

Мне кажется, Ахмет Куанович, Вам надо было бы встать на такой же честный путь! Учиться, ведь, никогда не зазорно. Без необходимых серьезных знаний писать научные книги и создавать музыкальные произведения, конечно, невозможно. Но я хотел бы поставить вопрос несколько шире: ведь вы, Ахмет Куанович, действительный член Академии наук Казахской ССР, директор и профессор Алма-Атинской Госконсерватории. Что это означает? Это означает то, что Вы руководите работами в области казахского музыковедения, что Вы воспитываете нашу молодежь.

Это означает и то, что к Вам предъявляются самые высокие требования как к ученому, профессору, композитору и дирижеру.

Отвечаете ли Вы этим огромным требованиям? Несомненно, нет.

Я думаю, что сегодня Вы найдете в себе мужество сказать, что дальше так продолжать нельзя, что нетерпимо больше быть тормозом в развитии музыкальной культуры Казахстана. Теперь весь вопрос в решительном оздоровлении, в очищении музыковедения от ошибочных и чужих взглядов, от вредного делячества, вернуть дело на путь истинной, передовой науки, на путь дальнейшего культурного расцвета.

Я уверен в том, что под руководством и непосредственной помощи партии и правительства работники музыкальной культуры Казахстана приложат все усилия для дальнейшего развития казахстанского искусства, отвечающего высоким требованиям советского народа.

Председатель: Слово предоставляется тов. БРУСИЛОВСКОМУ

БРУСИЛОВСКИЙ Е. Г.:

Статья товарища Омарова «За дальнейший подъем музыкальной культуры Казахстана», опубликованная в газете «Советское искусство» от 15-го сентября с. г., статья А.К. Жубанова «Мои грубейшие ошибки в области казахского музыковедения», опубликованная 28-го сентября с.г. в газете «Социалистік Қазақстан», статья М. Тулебаева «О неправильном направлении в музыковедении Казахстана», напечатанная в газете «Казахстанская правда» от 28-го сентября с.г. и, наконец, насыщенная глубоким содержанием передовая статья «Правды» «Оживить работу творческих организаций», опубликованная 9-го октября с.г., ставят перед нами, и раньше всего, перед

Союзом композиторов Казахстана целый ряд серьезных вопросов, требующих глубокого изучения и правильного всестороннего решения этих вопросов.

Наиболее назревшим и наиболее крупным вопросом является борьба с буржуазно-националистическими извращениями в музыкальном искусстве Казахстана и, в частности, в музыковедении.

Дело в том, что буржуазно-националистические ошибки в освещении истории Казахстана, вскрытые 26.XII.50 г. «Правдой» в статье «За марксистско-ленинское освещение истории Казахстана», нашли свое отражение и в нашем музыкальном искусстве, и в нашем музыковедении. Вряд ли в настоящее время это положение может нуждаться в каких-либо еще доказательствах. Однако до недавнего времени говорить об этом вслух не решались. Отдельные сигналы, появившиеся за последние годы в печати, как правило, замалчивались и не подвергались никакому обсуждению, как будто бы этих сигналов и не было. Поэтому говорить открыто об идеологических недостатках в строительстве советской казахской музыкальной культуры считалось «плохим тоном» и, во всяком случае, рискованным предприятием, которое пользы для дела не даст, а неприятности может навлечь.

В результате этого в среде музыкальных деятелей Казахстана создалась спертая атмосфера почти полного отсутствия какой-либо открытой, нелицеприятной критики, спертая атмосфера, которая порождалась, с одной стороны, властным окриком, запугиванием, а с другой стороны, беспринципной обходительностью, аполитичностью, тенденцией «моя хата с краю – ничего не знаю». Естественно, что в этой обстановке нашему Союзу композиторов крайне трудно работать, крайне трудно разворачивать какие-либо творческие дискуссии, без которых, как известно, работа всякого творческого союза невозможна.

Впрочем, нашему Союзу вообще очень трудно работать. Совершенно необходимо хотя бы вкратце остановиться на условиях работы ССК Казахстана, так как они, эти условия, многое определяют в нашей работе.

Союз советских композиторов Казахстана существует 12 лет, но, тем не менее, он фактически все же не существует. У Союза нет самых элементарных условий для работы. У Союза нет адреса. Он нигде не помещается. У него нет помещения, нет самого необходимого штата.

Я сам, председатель Правления ССК Казахстана, 12 лет являюсь внештатным работником этой организации. В телефонной книжке наш Союз не значится – у него нет телефона. По делам Союза звонят

ко мне домой или к тов. Ерзакович по нашим частным телефонам. У Союза нет ни машинистки, ни пишущей машинки. Для того чтобы напечатать что-либо (а всякому творческому союзу, если он хотя бы в какой-то мере работает, приходится очень много печатать), ответственному секретарю нашего Союза Т. Ерзакович приходится искать возможности напечатать необходимое в других учреждениях. Такое убогое, нищенское существование нашего Союза вместо доверия вызывает, наоборот, ироническое отношение к нему, порождает бесконечные насмешки и недоверие к его силам, что, в целом, губительно подрывает его авторитет. Информирова о бедственном положении Союза, мы обращались за помощью во все организации, ко всем руководителям республики и нашему непосредственному руководству – секретариату ССК СССР. Однако действительной помощи до сих пор не удалось получить. Требования к Союзу с каждым годом возрастают, а помощи по-прежнему нет никакой.

Наш Союз композиторов Казахстана напоминает мне громоотвод. В солнечные дни о нем все забывают, а в грозу его используют для притягивания всех молний. О нашем Союзе вспоминают только тогда, когда где-то возникает какая-либо катастрофа, вспоминают только для того, чтобы сказать, что он плохо работает. Неужели не ясно, что Союз и дальше не сможет развернуть свою деятельность, если ему не будут созданы хотя бы элементарные условия?

Тов. Шаяхметовым за последние 12 лет, т.е. за все время существования нашего Союза, я был принят один раз. Но, к сожалению, ни один из вопросов, которые я ставил на приеме у тов. Шаяхметова по поручению Правления ССК, до сих пор не решен. Не состоялась и встреча советских композиторов Казахстана с тов. Шаяхметовым, на результаты от которой мы возлагали много надежд. Тов. Омаров предпринял ряд действенных и решительных попыток улучшить успех. Секретариат ССК СССР ничем практически нам пока не помог в этих организационных вопросах.

Таким образом, не получая за все время существования Союза необходимой поддержки, не имея самого необходимого для работы, Союз существует на полусамодетельной основе. У Союза нет плана его работы, творческие дискуссии в нем не проводятся, следовательно, в Союзе нет живой творческой и критической атмосферы. Конечно, никакие ссылки на недостаточные условия работы не могут снять ответственности с Правления ССК и, прежде всего, с меня как с председателя Правления, ответственности за плохую работу Союза. Не уклоняясь от этой ответственности, я все же считаю необходимым с этой трибуны еще раз осветить положение о нашем Союзе, тем более, что оно имеет прямое отношение к обсуждаемому нами вопросу. Я считаю, что именно невнимание к Союзу компо-

зителей, недооценка его роли в музыкальной культуре Казахстана и породили во многом те серьезные идеологические срывы, которыми страдает сейчас наше музыкознание и другие участки музыкальной культуры в Казахстане.

Исправление допущенных серьезных ошибок, мне думается, невозможно без укрепления роли и авторитета Союза композиторов, как центра музыкально-творческой мысли, очага советской музыкальной культуры Казахстана. В этом отношении следует сказать, что только игнорированием ведущей роли Союза композиторов, только искусственным принижением его авторитета можно объяснить тот факт, что книга А.К. Жубанова о деятелях казахского народного музыкального творчества, обсуждаемая сегодня, никогда не была предметом обсуждения у нас в Союзе.

Содержание этой книги мне самому и другим немногим товарищам стало известно только два года назад, после перевода ее на русский язык. Большинству же членов Союза она неизвестна до сих пор. Таким образом, книга была не только апробирована и издана без какого-либо обсуждения в Союзе, но и после ее издания она не обсуждалась. Это обстоятельство красноречиво иллюстрирует положение у нас в Союзе с критикой и музыковедением. Интересно отметить, что и в Москве, в ССК СССР хорошо знают о существовании книги А.К. Жубанова, знают о ее недостатках, но ни разу даже не сделали попытки обсудить ее в музыковедческой секции ССК СССР, в Москве. В нашей республиканской печати книга это также критически не рецензировалась, так же, как и не обсуждалась в Академии наук КазССР и других руководящих наукой или искусством организациях. Этим «дипломатически неприкосновенным» путем книга эта получила высокое признание и была, так сказать, канонизирована. Об ее недостатках мы решались говорить не иначе как в секретном порядке, и при том драматически и полупшепотом. По этой книге, в основном, многие годы преподавалась и преподается история казахской музыкальной культуры, по этой книге идеологически воспитывались казахские музыкальные кадры. У нас, в Консерватории эта книга также, конечно, была принята как догма и, естественно, никакому, хотя бы малейшему обсуждению, не подвергалась. Критиковать ее явные буржуазно-националистические извращения, ее крайне низкий научный уровень никто не решался. Вряд ли можно найти в Консерватории какие-либо программы и планы по истории казахской музыкальной культуры и вряд ли когда-либо этот предмет обсуждался на исторической кафедре, возглавляемой А.К. Жубановым. Вся наука сводилась опять-таки к знанию на память, в основном, этой же сакраментальной

книжки, посвященной, главным образом, народным музыкальным деятелям девятнадцатого века.

Правда, насколько мне известно, А.К. Жубанов значительное место в своих лекциях уделял и музыкальной культуре Советского Казахстана, пользуясь для этого своими неизданными материалами. Работа А.К. Жубанова о советской казахской музыке в Союзе и в Консерватории не обсуждалась и в печать еще не вышла. Поэтому мне не совсем понятно, по каким программам и планам преподается в Консерватории история музыкальной культуры Советского Казахстана и кем они должны утверждаться. Дело это принципиально очень важное и трудное, а контроля, мне кажется, никакого нет. Не принесло ли это бесконтрольное «единоначалие» А.К. Жубанова в области периодизации и оценок советской музыки Казахстана еще больших бед – о чем говорится в этих лекциях?

Но все же единственным печатным учебным пособием пока что остается книга очерков А.К. Жубанова, которую студенты должны были знать от начала до конца. И студенты заучивали, зазубривали на память всю националистическую ересь и другой вредный вздор, которым насыщена эта книжка. Беда заключается в том, что студенты музыкального ВУЗа – народ грамотный, и им самим были совершенно ясны все ошибки этой книги. Но учить эти явные ошибки они все же должны были. И если они на экзаменах не умели толково изложить националистические заблуждения А.К. Жубанова, – они получали неудовлетворительную оценку. А мы, педагоги, вкуче с кафедрой марксизма-ленинизма и партийной организацией Консерватории знаем и знали о недостатках этой книги, но предпочитали молчать и не вмешиваться в этот мрачный, непонятный заколдованный круг. Поэтому мы считаем глубоко правильным выступление тов. Омарова на страницах газеты «Советское искусство» и, в частности, его указание на то, что больше, наконец, этой глубоко порочной книгой как учебным пособием пользоваться в Консерватории нельзя. Поэтому мы горячо приветствуем критическое выступление Мукана Тулебаева в «Казахстанской правде» и резко самокритическое саморазоблачение А.К. Жубанова. Правда, я считаю, что эти статьи на несколько лет запоздали. Но лучше поздно, чем никогда. «Кто скрывает свою болезнь, тот умирает» – говорит казахская народная пословица. А.К. Жубанов правильно сделал, вскрыв свои грубейшие националистические ошибки самостоятельно, не имея возможности дальше молчать о них. Однако эти статьи ничего нового нам не открыли – мы знали, давно знали о всех пороках этой книги, но не могли говорить о них вслух ни в Союзе, ни в Консерватории. О чем это говорит? Раньше всего о грубейшем зажиме критики в

Союзе, которым я руковожу, и в Консерватории, которой руководит А.К. Жубанов. Это говорит еще и о том, что педагоги Консерватории, композиторы и музыковеды, коммунисты и беспартийные, запутаны и больше всего боятся правдивого, критического слова.

Даже теперь многие товарищи, сидящие здесь, гадают на кофейной гуще – как быть? Выступить хочется, правду сказать, хочется, ну, выступлю, а потом что будет? Критика у нас не в почете, ее боятся, к ней различными путями и методами не всегда прислушиваются, не всегда обращают внимание на сигналы снизу. В 1947 г. я вместе с В.Л. Мессманом выступил в «Казахстанской правде» с критикой доклада А.К. Жубанова на первой сессии Академии наук КазССР. В этой статье критиковались Кенесары, критиковался низкий научный уровень доклада. Правда у этой статьи был серьезный недостаток, заключавшийся в вызывающем тоне статьи, в недоброжелательном характере этой критики. Этот недостаток намного снизил полезное действие этого, в основном, по смыслу своему, правильного, тогда, своевременного выступления. Критика наша должна быть доброжелательной, но принципиальной и суровой, она должна помогать выжигать огнем критики заблуждения и ошибки, но она не должна стараться уничтожить, дискредитировать критикуемого. Но все же вместе с недостатками формы эта статья содержала правильные критические высказывания.

Это в настоящее время признает и сам А.К. Жубанов. Однако эта статья была предана забвению, ее окружили заговором молчания и никто никаких заметных выводов из нее не сделал. Следовательно, она только доставила отдельным товарищам некоторое количество неприятностей, но пользы никакой не дала. Ни одного обсуждения где-либо этой статьи не было проведено. Это явилось весьма плохим стимулом для дальнейшего развития критики и самокритики в нашей среде. Таким образом, эта статья принесла даже вред, потому что прямое критическое слово не получило необходимой и должной поддержки.

А.К. Жубанов признает в настоящее время, что в этой статье были правильные критические высказывания, но какие выводы сделал он из этой критики? Стал ли он больше и глубже работать над собой, исправил ли он в связи с этим работу, изменил ли он свою, вплоть до 1951 г., порочную политическую ориентацию на искусственное возвеличение и воспевание Кенесары? Нет. А.К. Жубанов ничего не изменял и вообще ничего не делал. Во всяком случае в печати не появилось ничего, вплоть до 28-го сентября 1951 г., что говорило бы об идейно-политической перестройке научных взглядов А.К. Жубанова. Высокомерное отношение к критике, нежелание считаться

с ней, предвзятое, заранее все отрицающее отношение ко всякой критике по своему адресу, – все это является одним из коренных, главных недостатков А.К. Жубанова, который очень мешает ему в его творческом и идейном росте.

Критические замечания он неизбежно воспринимает как нападение на его авторитет, на его самолюбие. Отсюда А.К. Жубанову очень трудно помогать усваивать его ошибки. Товарищ, добровольно взявший на себя эту благородную задачу, уподобляется, в моем понимании, легендарному домбристу, отважившемуся сыграть кюй «Аксак кулан» некоему сердитому хану, который обещал влить расплавленного олова тому, кто сообщит ему о гибели его сына. Но в наше советское время таких смелых домбристов найдется очень много, и мы, конечно, находили и дальше будем находить в себе храбрость открыто критиковать ошибки А.К. Жубанова, если он и в дальнейшем будет их делать. И я уверен, что дельная, доброжелательная, принципиальная критика не повредит авторитету А.К. Жубанова, а, наоборот, поможет ему. Меня тов. Тулебаев в своей статье обвиняет в том, что я раздувал авторитет Жубанова. Можно сказать, с гораздо большим основанием, что я раздувал авторитет М. Тулебаева – это будет значительно ближе к истине.

В отношении же Жубанова меня значительно уместней было бы упрекнуть в том, что я за многие годы нашей совместной работы в Казахстане очень мало помогал ему, мало практически содействовал его творческому росту. Это действительно моя вина, мое упущение. Пусть это мое заявление никто не сочтет зазнайством с моей стороны. Мне все же кажется, что я скромный доцент Алма-Атинской консерватории, мог бы многим содействовать творческому росту А.К. Жубанова.

Националистические ошибки А.К. Жубанова проистекают, раньше всего, из-за длительного отчуждения, отстранения от русских квалифицированных музыкантов, работающих в Казахстане. Мне кажется, что националистические ошибки А.К. Жубанова проистекают из его замкнутого поведения, сознательного уединения.

Ведь одной из самых вредных тенденций буржуазного национализма является стремление замкнуться в своей узконациональной скорлупе, уйти в идеализацию старины, смакуя и любовно переживая навсегда ушедшие пережитки прошлого. Такого рода тенденции ясно видны и в репертуарной практике нашего оперного театра, где упорно удерживаются в репертуаре только сказочные оперы или оперы о феодальном Казахстане, написанные с очень нечетких идейно-политических позиций.

Оперы мало-мальски прогрессивного содержания, как правило, в репертуаре нашего оперного театра не долго задерживаются, и

театр никогда серьезно не боролся за закрепление их на сцене, не предпринимал никаких мер к тому, чтобы улучшить их количество, исправить и доработать их недостатки: все сделать для того, чтобы поднять и закрепить в репертуаре театра советскую или хотя бы историко-революционную тематику. Крайне слабо ведется в Алма-Ате пропаганда русской музыкальной классики. Филармония и Радиокomiteeт всю свою работу строят, главным образом, на казахской народной музыке и массовой советской песне.

Русской же классике, особенно симфонической, радиокomiteeт не посвящает музыкально-образовательных передач и даже не пытается найти какие-нибудь другие формы популяризации русской классической музыки.

Филармония занимается преимущественно эстрадой и вообще абсолютно никакого отношения к пропаганде русской классической музыки не имеет, если не считать двух произведений М.И. Глинки в репертуаре Госоркестра им. Курмангазы.

Концертная работа нашей Консерватории почти совсем заглохла. За год в столице Советского Казахстана бывает примерно один симфонический концерт, да и этого одного концерта приходится добиваться с огромными трудностями. Русский оперный театр с каждым годом работает все хуже и хуже, художественно-музыкальное качество его спектаклей неуклонно снижается... Так обстоит дело с пропагандой русской музыкальной классики у нас в Алма-Ате. О чем это говорит? Это говорит не только о застое, но и о вредной тенденции отстранения от передовой, ведущей русской музыкальной культуры, о нежелании учиться у нее и пропагандировать ее. Ведь одним из типичных приемов буржуазно-националистической реакции является стремление всячески принизить ведущую и глубоко прогрессивную роль великой русской музыкальной культуры в создании, формировании и развитии казахской музыки.

Для того, чтобы обосновать эти вреднейшие националистические идеи, разводятся реакционные теории о том, что казахская музыка в результате воздействия русской музыкальной культуры должна будет ассимилироваться, потерять свою национальную форму, что настоящая казахская музыка была чуть ли не в 18-м веке, а сейчас, де мол, это уже не казахская музыка, что советские композиторы могут успешно заниматься только обработкой казахской старой народной музыки, ничего нового, хорошего, казахского, сочинить не смогут, что профессиональное композиторское мастерство не нужно, ибо оно, якобы, только усложняет, загромождает музыку, мешает простоте и красоте казахской музыки, что постановка голоса также не нужна казахскому певцу, так как при постановке голоса якобы на-

рушается национальное своеобразие, в результате чего певец теряет свои национальные черты и многое, многое другое измышляется противниками русской музыкальной культуры в Казахстане.

Эти националистические тенденции оторвать казахскую музыку от прогрессивного воздействия русской музыкальной культуры выпирают также и из книги А.К. Жубанова от начала до конца, где предпринимаются попытки к искусственному возвеличению многих второстепенных деятелей казахского народного творчества, в том числе и заведомо реакционно-националистических. За всем этим скрывается тенденция доказать, что в Казахстане еще в девятнадцатом веке существовала самостоятельно развивающаяся (так сказать «вещь в себе») национальная музыкальная культура, которая по уровню своему уже тогда ничем не уступала передовой русской музыкальной культуре. Получается так, что казахским музыкантам нечему и незачем учиться у русской музыкальной культуры. Это, конечно, не новая мысль. М.О. Ауэзов еще в 1838 г., выступая в газете «Социалистическая Алма-Ата», доказывал, что если у русского народа есть Глинка, Бородин, Римский-Корсаков, Чайковский, то у казахского народа есть Курмангазы, Биржан сал, Ахан сере и Мухит. М.О. Ауэзов, высказывая эту лженаучную, националистическую вредную мысль, явно не хотел понять, что гениальные творения классиков русской музыки обогатили и определили расцвет не только русской, но и мировой музыкальной культуры, что гениальными творениями Глинки, Бородина, Римского-Корсакова и Чайковского гордится прогрессивное человечество всего мира, а кюи и песни выдающихся деятелей казахского народного творчества стали известны в самом Казахстане только благодаря завоеваниям Великой Октябрьской революции, благодаря огромной работе неутомимого собирателя казахской народной музыки А.В. Затаевича и других советских музыкантов. Дистанция получается поистине огромного размера. Подобного рода «теории» М.О. Ауэзова, бурно и открыто пропангандируемые им в 1838 г. (меня, в частности, тогда Ауэзов называл не иначе как вором казахской народной музыки), оказали сильное и решающее влияние на идейно-политические и исторические взгляды А.К. Жубанова, тогда совсем молодого научного работника, исследователя казахской народной музыки, работавшего над книгой, которая сегодня является предметом обсуждения. Эта связь и ее влияние совершенно бесспорны. Поэтому я считаю, что большую часть ответственности за националистические извращения в книге А.К. Жубанова должен нести М.О. Ауэзов, являющийся духовным, идейным отцом этой книги, которая была написана в 1939-40-х годах.

До сих пор, несмотря на многократные обещания, А.К. Жубанов не опубликовал ни одной новой крупной работы, которая говорила бы о его научном росте и идейной перестройке. Крайне печально, что, кроме этой книги, в области казахского музыковедения ничего не опубликовано. Ни одна работа Б.Г. Ерзаковича не издана. Кандидатская же диссертация Ерзаковича (руководитель А.К. Жубанов) ничего нового, на мой взгляд, кроме путаницы в вопросе о жанрах в казахской народной музыке, не вносит в казахское музыковедение.

Тов. Арсланов: Это совершенно правильно.

– Серьезный теоретический, научный анализ форм и ладово-интонационной структуры казахской народной песни в ней отсутствует. Диссертация Б.Г. Ерзаковича построена, в основном, на прописных истинах и давно уже известных фактологических данных. Между тем, Б.Г. Ерзакович работает в области казахского музыковедения, и в частности этнографии, около 20 лет. У Ерзаковича накопился огромный этнографический материал, который может и должен явиться прочной основой для очень интересной и ценной работы. Надо лишь суметь разобраться в собранном материале, суметь сделать его научный анализ, суметь сделать правильные обобщения и выводы.

Однако научно-методической помощи Б.Г. Ерзакович почти не получает, он представлен самому себе и ему очень трудно самому освоить весь накопленный ценный материал. Готовые же работы Ерзаковича, например, о творчестве Кенена Азербераева, длительное время задерживаются в печати. Как известно, Казлитиздат занимает крайне своеобразную позицию в вопросе издания музыкальной литературы и предпочитает под любыми предложениями ничего не издавать. Таким путем Казлитиздат, видимо, надеется избежать лишних ошибок и отгородиться китайской стеной от нужд и требований музыкальной общественности.

В секторе искусствознания Академии наук работали и работают длительное время молодые музыковеды, которые пока что не подаются, как говорится, никаких признаков жизни.

Способностей к самостоятельной работе они пока не проявили. Кроме дипломных работ, написанных при помощи и под руководством педагогов в Консерватории, они пока ничего не сделали. Таким образом, положение с подготовкой молодых музыковедческих кадров является весьма неблагоприятным.

Конечно, музыковедение в Казахстане еще молодая наука. Впереди у нее большое, богатое будущее. Богатейшая сокровищница казахской народной музыки является бездонным кладом для всякого рода исследовательских и научных работ. Современная, советская,

казахская музыка также давно уже ждет своего исследователя, критика, публициста. Задача заключается в том, чтобы суметь подойти к этому делу с серьезных научных и высоких идейно-политических позиций, путем нелицеприятной, принципиальной критики, борясь за высокое содержание и качество нашего музыковедения. А это у нас получается так, что в обстановке благодушия и беспечности, вдали от споров, критики и творческих дискуссий наше молодое музыковедение со дня своего рождения успела уже и ошибки сделать, не успев еще заняться всерьез наукой, не добиваясь еще достаточных научных и творческих результатов.

Цель настоящего собрания заключается не только в том, чтобы выявить и обсудить националистические ошибки в книге А.К. Жубанова, а главным образом в том, на мой взгляд, чтобы правильно наметить необходимые конкретные, практические мероприятия по ликвидации этих ошибок, их причин и последствий, по организации дальнейшего успешного развития нашего музыковедения. Я думаю, что по этому вопросу мы на совещании должны принять продуманное и развернутое решение.

Под руководством партии, при помощи великой русской музыкальной культуры, неустанно работая над повышением своего идейно-политического и научного уровня, наше казахское музыковедение сможет преодолеть все ошибки и трудности и выйти на широкую дорогу своего идейного и научного расцвета.

Председатель: объявляется перерыв на 10 минут.

(Перерыв)

После перерыва

Председатель: Слово предоставляется тов. КРУГЛЫХИНУ.

КРУГЛЫХИН У.З.:

Вышедшая в свет в 1942 г. книга проф. Жубанова «Казахские народные композиторы», за которую ему было присвоено звание доктора искусствоведческих наук, по признанию самого автора содержит в себе ряд грубейших ошибок.

Считаю, сейчас излишним заниматься пересказом всех тех ошибок, которые имеются в книге Ахмета Куановича Жубанова, так как они подробно были освещены в докладе и в целом ряде выступлений, а также те основные ошибки, которые имеются в книге, были опубликованы на страницах газет «Советское искусство», «Казахстанская правда», «Ленинская смена» и подтверждены самим автором в своей статье, напечатанной в «Социалистик Қазақстан».

Следует признать, что основная вина тов. Жубанова заключается в том, что, будучи советским ученым и коммунистом, он не сумел

воспринять указания нашей партии в процессе своей деятельности – историческое постановление нашей партии об опере Мурадели «Великая дружба», а также ряд исторических решений партии по идеологическим вопросам и, наконец, напечатанная в газете «Правда» статья «За марксистско-ленинское освещение истории Казахстана».

Все это являлось достаточным поводом для того, чтобы он самокритично, по большевистски подошел к пересмотру своего труда, который является порочным. Тов. Жубанов должен был учесть, что с момента напечатания его книги прошло около 10 лет, и многое изменилось за этот период в области развития советской науки и искусства. Наша партия предъявляет все больше требований, особенно к работникам идеологического фронта, по-большевистски вскрывая их недостатки и указывая на пути их развития.

Все это необходимо было учесть тов. Жубанову, а не усугублять свое положение, продолжая пользоваться явно порочным материалом для своей педагогической работы по чтению курса казахской музыки, проповедуя буржуазно-националистические взгляды, идеализируя прошлое Казахстана, возвеличивая злейших врагов казахского народа. Естественно, что такой труд, извращающий историю казахского народа, не мог являться учебным пособием для изучения казахской музыки.

Зная это, он все же продолжал читать историю казахской музыки, пользуясь своей книгой как учебным пособием, и тем самым наносил идейный вред делу воспитания советского студенчества.

Анализируя данный вопрос, следует признать, что в этом повинен не один тов. Жубанов, но и Союз композиторов, а также Сектор искусствоведения Академии наук, которые знали и в тоже время не сумели указать тов. Жубанову на допущенные ошибки в его работе, не потребовали от него пересмотра своего труда, тем более, что тов. Жубанов очень близко стоит как к Союзу композиторов, так и к сектору искусствоведения Академии наук.

Отсюда вывод, что авторитет тов. Жубанова как ученого и единственного казахского музыковеда и директора Консерватории явился, вероятно, причиной того, что Союз композиторов и сектор искусствоведения Академии наук не нашли достаточного мужества, невзирая на лица, вскрыть допущенные тов. Жубановым грубейшие ошибки, которые признал сам автор.

Все это говорит о том, что критика и самокритика в Союзе композиторов находятся не на должной высоте. Нахожу не лишним напомнить, что руководителем сектора является тов. Жубанов.

Товарищи, вполне естественно, что наше сегодняшнее собрание, его решения должны найти свое отражение в дальнейшей работе нашей

Консерватории, так как, говоря о тов. Жубанове, мы не можем отделять его от Консерватории, так как он является его руководителем.

Несмотря на то, что тов. Жубанов как директор Консерватории многое сделал для укрепления и дальнейшего развития Консерватории, все же следует признать, что некоторые факты, указанные в газете «Ленинская смена», действительно имеются в работе нашей консерватории. Не однажды были сигналы как на заседании Ученого совета Консерватории, так и на общестуденческих собраниях о неблагополучии в преподавании исторических и музыкально-теоретических дисциплин.

Однако тов. Жубанов, являясь директором Консерватории и заведующим кафедрой истории музыки, не принял серьезных мер по столь важному вопросу, как преподавание курса истории музыки и цикла музыкально-теоретических дисциплин.

Достаточно привести один факт, имевший место на экзаменах этого года, когда лучшие студенты-выпускники консерватории Ку-жамьяров, Афанасьев показали свою полную беспомощность в теории и истории музыки.

Все это говорит о том, что тов. Жубанов, являясь зав. кафедрой истории музыки, не присутствует на лекциях, не ведет систематического контроля за подготовкой преподавателей к лекциям, а также не проводит обсуждение лекций на заседаниях кафедры.

Как, например, можно привести хотя бы стенограмму лекции по курсу всеобщей истории музыки – «Симфонизм Бетховена», прочитанную старым преподавателем Консерватории Петром Васильевичем Аравиным, которая страдает очень большими погрешностями (Реплика. Например?).

– Я сейчас не буду цитировать, стенограмма есть, можете зайти посмотреть.

(Реплика. Мы можем разобраться на Ученом совете.)

– Имеющиеся неполадки в работе консерватории происходят, прежде всего, по причине того, что критика и самокритика у нас в консерватории так же не в большом почете. Как правило, на всех заседаниях Ученого совета и заседаниях педагогического Совета тов. Жубанов высказывает свободно свои критические замечания, в то время как преподаватели консерватории почти всегда отмалчивались, не говоря о том, чтобы критиковать действия директора, боясь, вероятно, неприятных для себя последствий.

Все это говорит о том, что тов. Жубанов как руководитель далек от коллектива, в то время как он как директор должен быть ближе к коллективу, более доступным, отзывчивым ко всем нуждам работникам, особенно к нуждам студенчества.

Товарищи, заканчивая свое краткое выступление, так как с этой трибуны уже очень многое сказали, а заниматься повторением, я считаю, излишним, я хотел бы выразить уверенность в том, что, преодолев существующие политические и музыковедческие ошибки, оздоровив обстановку в Союзе композиторов и консерватории, мы тем самым добьемся дальнейших успехов в области развития музыкальной культуры в нашей республике.

(Аплодисменты)

Председатель: Слово предоставляется тов. ИВАНОВУ-СОКОЛЬСКОМУ

ИВАНОВ-СОКОЛЬСКИЙ М.М.:

Товарищи, прежде, чем говорить о существовании вопроса, обсуждаемого на данном массовом собрании, я считаю необходимым выразить некоторое удивление содержанию речи нашего председателя Союза тов. Брусиловского. Обращает внимание половинчатость речи т. Брусиловского.

Характеризуя книгу, в одном месте он говорит, что книга была известна ему, в другом месте говорит – не известна.

Где тут истина, я не понял.

Я думаю, что и те, кто слушал, не поняли. По-настоящему ясного ответа он, конечно, не дал. Говорил о колоссальных буржуазно-националистических ошибках, а в результате все свел на половину. И решить по настоящему вопрос, как нужно было решить ему как руководителю Союза композиторов, он не смог.

Был брошен ему упрек в раздувании авторитета Жубанова. А он говорит, что выступал с тов. Мессманом с критикой А.К. Жубанова, и поэтому его не могут упрекать, что, скорее, «Я раздувал М. Тулебаева».

Это верно, что Евгений Григорьевич Брусиловский выступал вместе на страницах «Казахстанская правда» в статье «Лженаучные упражнения». Но бывают такие положения, когда растерявшаяся утка ныряет хвостом. Когда этот вопрос разбирался на съезде композиторов, тов. Брусиловский отмежевался от этой статьи.

Он, конечно, понимал, что доклад тов. Жубанова на сессии Академии наук был порочным докладом, он видел буржуазно-националистические извращения, но тут он отмежевался. Когда вопрос шел о космополитизме, когда эта статья была вменена как главная вина Жубанова, тов. Брусиловский, зная, что в этой статье были космополитические идеи, и здесь отмежевался. Когда же там прямо поставили вопрос: «Тов. Брусиловский, говорите, ведь вы писали эту статью». На это он отвечает: «Нет, нет, – писал Мессман, а я только

подписал». Хорошо, что он поумнел и понял все буржуазно-националистические ошибки Жубанова и сегодня выступил. Но я считаю, что эта речь председателя Союза композиторов должна была бы быть более самокритичной, должны были быть сделаны соответствующие выводы, по-настоящему, ибо, я повторяю, тов. Брусиловский всеми уважаемый товарищ, творческий и идейный руководитель Союза композиторов.

Далее, товарищи, я буду касаться анализа методологических ошибок. Я хочу сказать о том, как формировалась личность тов. Жубанова, в каких условиях. Хочется отдать себе отчет на общем собрании – как получилось, что сегодня мы обсуждаем такой вопрос.

Партия и правительство Советского Союза и Казахстана оказывают очень большое содействие, заботу, окружают вниманием людей науки, окружают славой, когда дела достойны этой славы. Я хочу попробовать поговорить о том, как развивалась эта слава, которая окружала тов. Жубанова в эти годы.

В эти годы становления и начала развития науки, литературы и искусства в Казахстане, благодаря неправильному в то время принципу подбора кадров, в научные учреждения Казахстана протравились контрреволюционные, враждебные советскому обществу строю буржуазно-националистические элементы – баи, муллы, алашордынцы и т.д. Поддерживаемые родственными связями и приятельскими отношениями, эти элементы, среди которых были подчас неграмотные люди, создали в научных учреждениях Казахстана, в Казахском филиале Академии наук атмосферу повального подхалимажа, захваливания и явного зажима критики.

В искусстве это не проявлялось с такой яркостью, однако, обстановка в столь высоком учреждении, очевидно, захватила в известной степени идущего в науку и искусство тов. Жубанова.

Среди казахов еще тогда не было музыкальных деятелей с надлежащей профессиональной квалификацией, и лишь фигура тов. Жубанова на фоне отсутствия музыкальных кадров в Казахстане вырисовывалась, как и следовало ожидать, довольно заметным образом.

Партия и правительство Советского Казахстана, естественно, обратили внимание на этого человека. Неустанно заботясь о развитии национальной культуры и искусства, партия и правительство Казахстана создают условия для развития личности тов. Жубанова, наделенной от природы практическим умом и довольно твердым характером.

В 1929 году он направляется в г. Ленинград, где поступает в Ленинградскую государственную консерваторию, куда его принимают без наличия среднего образования. Там я имел возможность быть лично знакомым с тов. Жубановым, вместе учились.

Тов. Жубанов в 1932 году уезжает в Казахстан без документа об окончании им Ленинградской консерватории, и лишь в 1939 году тов. Жубанов получил свидетельство.

(Реплика. В 1937 году).

– Это свидетельство было напечатано на простом консерваторском бланке, где на пишущей машинке написано: »Выдано тов. Жубанову в том, что он учился в Ленинградской Государственной консерватории с 1929 по 1932 год. Приказом дирекции тов. Жубанов считается окончившим историко-теоретическое отделение Ленинградской Государственной консерватории».

Вот таково теоретически свидетельство о научно-теоретическом образовании тов. Жубанова.

Возвратясь в 1932 году, тов. Жубанов собирает народных музыкантов, кобызистов, сыбызгистов и организует национальный оркестр народных казахских инструментов. Это то положительное, в чем тов. Жубанов себя проявил как организатор коллектива, который выступил на декаде казахского искусства в 1936 году, имея успех.

Партия и правительство высоко оценили эту работу тов. Жубанова, наградив его орденом «Знак почета». Указом Совнаркома Казахстана тов. Жубанову было присвоено почетное звание заслуженного артиста Казахской ССР.

Партия и правительство, доверяя, – проверяют. В 1938 году оно направляет в Казахскую Государственную Филармонию комиссию – проверить работу коллектива национального оркестра, заслужившего внимание народа и правительства. Комиссия установила развал работы в Филармонии лжеспециалистами и очковтирателями, о чем общественность узнала из трех статей газеты «Социалистическая Алма-Ата», где имя тов. Жубанова стояло на первом месте.

Общее собрание проходило в обстановке зажима критики, а о самокритике там и думать было нечего, все же осудили деятельность тов. Жубанова, а первичная парторганизация Управления по делам искусств исключила его из партии.

Фрунзенский райком партии отменил решение первичной парторганизации по мотивам, известным райкому партии, но с того момента карьера тов. Жубанова круто взметнулась в гору.

В 1942 году, в тяжелые годы нависшей опасности над нашей Родиной, когда советские поэты и композиторы, будя отвагу и мужество бойцов многонациональной Советской Армии и всего советского народа на борьбу с фашизмом, писали произведения, воспевая мужество и отвагу советских людей, святость Ленинского знамени, тов. Жубанов в этот тревожный для Родины момент издает книгу «Жизнь и творчество казахских композиторов», насквозь пропитанную бур-

жуазно-националистическими идеями и извращениями истории казахского народа, возвеличиванием злейших врагов и душителей казахского народа – ханов Аблая, Кенесары и Наурызбая, написанную в ложно-научном, вульгарно-социологическом стиле. Маскируясь высокой научностью, тов. Жубанов сыграл на руку буржуазно-националистическим элементам, восхвалявшим «научный» труд Жубанова, ввел в заблуждение правительство, и в 1946 году он избирается действительным членом Академии наук и возглавляет сектор искусствоведения. И теперь тов. Жубанов уже с трибуны Академии наук проповедует ложно-научные, буржуазно-националистические и космополитические идеи. Благо, что этому попустительствовало покровительственное руководство Академии наук и слабая бдительность ее партийной организации.

Доклад тов. Жубанова на первой сессии Академии наук подвергся в 1947 г. справедливой, острой критике председателя Правления ССК тов. Брусиловского (впоследствии отказавшегося от этого) в статье «Лженаучные упражнения». Эта статья тогда не была допущена к общественному обсуждению, ее тогда замяли.

В 1950 г. тов. Жубанов издает труд «Музыкальное искусство Центрального Казахстана», который является, по существу, вариантом его книги «Жизнь и творчество казахских композиторов». За этот труд тов. Жубанову без защиты диссертации присуждена ученая степень доктора искусствоведческих наук. А так как в Алма-Атинской Государственной консерватории он возглавил кафедру истории казахской музыки, став профессором Консерватории и читая лекции студентам ряд лет, содержанием коих является буржуазно-националистическая стряпня его вредной книги, тем самым он нанес немалый вред в идеологическом воспитании студенческой молодежи.

Поскольку других специалистов и трудов по музыковедению тогда не было, кроме «трудов» Жубанова, то все внимание партийных органов республики было обращено на эти «научные» труды. Не хватило у партийных и государственно-политических органов бдительности. Тов. Жубанову, действовавшему бесконтрольно, был отдан на откуп один из важнейших идеологических участков – казахское искусствоведение и музыковедение.

Со стороны партии, правительства и лично товарища Сталина проявлено огромное внимание и забота к людям научного труда. Были созданы все условия, чтобы тов. Жубанов отдал все свои силы на пользу советской науки, но Жубанов не оправдал высокого доверия партии и правительства. Он засекречивал от общественной критики свои музыкальные «труды», а к сигналам критики в печати и на собраниях был глух. На критикующих он обрушивал всю тяжесть сво-

его эгоцентрического, индивидуалистического и деспотического характера, преследуя их за любовь к свободному критическому слову.

Тов. Жубанов, будучи хорошо осведомленным о всех постановлениях ЦК ВКП(б) и КП(б)К по идеологическим вопросам, игнорировал в своей практической деятельности эти постановления, не пересматривая критическим оком свои труды. Ему давным-давно как коммунисту, научному деятелю нужно было подвергнуть критике свои произведения, не ожидая когда грянет гром. Разве не понимал доктор искусствоведческих наук, что в его труде антимарксистский метод в искажении истории казахского народа, которую он изображает в отрыве от классовой борьбы, подтасовывая несуществующие в истории казахского народа факты.

Разве коммунист Жубанов не знал о существовании многочисленных архивных документов, где четко и ясно обрисованы феодально-монархические движения XVIII, и особенно XIX в., и добровольное присоединение казахского народа к России. Тов. Жубанов клеветал на свой родной народ, возвеличил его злейших врагов – ханов Аблая, Кенесары, Наурызбая. Он обманул партию и правительство Советского Казахстана. Может быть, он правдиво и исторически справедливо сказал свое искреннее слово советского летописца об истории развития Советской казахской музыкальной культуры, о ее деятелях, созидающих социалистическую культуру и искусство Советского Казахстана? Нет. Он до сих пор не делает этого.

Только в декабре 1950 года, после выхода статьи в газете «Правда» «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» были разоблачены буржуазно-националистические извращения Бекмахановым истории Казахстана. Ошибки тов. Жубанова, как видно из всего, стоят рядом с ошибками Бекмаханова, коль скоро история духовной культуры является идеологической частью всеобщей истории народа.

Райком партии советовал тов. Жубанову выступить на общем собрании интеллигенции города Алма-Аты во время обсуждения постановления ЦК КП(б)К по статье «Правды» «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана». Тов. Жубанов упрямо молчал, сидя на третьем ряду партера в оперном театре.

На закрытом партийном собрании 14 мая 1951 года тов. Жубанову предоставлялась возможность в своей среде, среди коммунистов-композиторов выступить, честно признать свои ошибки.

Тов. Жубанов процедил сквозь зубы, что он должен был острее ставить вопрос присоединения Казахстана к России и, что он «упоминал Кенесары, не относя его ни к какой категории». Больше ничего не сказал, а сказанное ложью пахнет.

Борьба на идеологическом фронте всегда занимала первое место в работе партийных организаций, особенно сейчас, в период перехода от социализма к коммунизму, в период отчаянных попыток американско-английских поджигателей войны доказать превосходство буржуазной идеологии – идеологии изуверства и порабощения народов, борьбы за чистоту советской идеологии, за боеспособную литературу и искусство, воспитывающие в нашем народе животворящий дух советского патриотизма, приобретает первостепенное значение.

Когда англо-американские изуверы Уолстрита ставят ставку на войну, они используют все контрреволюционные и буржуазно-националистические элементы, и потому разоблачение буржуазного национализма наносит удар по поджигателям войны.

Отсюда делается понятным то внимание и забота, которые проявляет наша советская печать к музыкальному искусству Казахстана.

Анализ фактов показывает, что, начиная с 1938 года, общественность столицы нашей республики указывала Ахмету Жубанову пути, какими должен идти советский исследователь и практический музыкальный деятель.

Журнал «Советская музыка» дважды выступал с критикой направления музыкального искусства Казахстана. Тов. Тулебаев впервые выступил честно и правдиво, утверждая, что необходим полный и решительный перелом в казахстанском искусстве.

Тов. Жубанов на собрании стыдил т. Тулебаева за его статью, называя это нахальством.

Когда тов. Тулебаев выступил 28.17.51 г. в «Казахстанской правде», т. Жубанов на партсобрании называет яростно враньем ту часть, где тов. Тулебаев говорит о недостаточной компетентности тов. Жубанова в вопросах музыкальной теории.

Такое поведение тов. Жубанова давно привлекло внимание общественности. Пора покончить с этим.

Я выражаю от имени нашей организации благодарность редакциям газет столицы за своевременную помощь. А мы, в свою очередь, должны помочь ЦК КП(б) Казахстана разобраться в этом деле со всей большевистской непримиримостью.

Надо в порядке самокритики сказать, что мы сами, действительно, не позволительно медленно подходим к этому вопросу, несвоевременно всколыхнули этот вопрос. И вот нам правительственная печать помогла, за что мы ей благодарны, а мы, в свою очередь, должны помочь Центральному комитету КП(б) Казахстана разобраться в этом деле со всей большевистской непримиримостью и выкорчевать бекмахановщину вон из казахского музыкознания на пути стро-

ительства национальной по форме и социалистической по содержанию музыкальной культуры Казахстана. (Аплодисменты).

Председатель: Слово имеет тов. ГИРОВСКИЙ.

ГИРОВСКИЙ Е.Ф.:

Поскольку на повестке сегодняшнего нашего собрания стоит вопрос об обсуждении статей, опубликованных в центральных и республиканских газетах, я позволю себе остановиться как раз на этих статьях и попытаюсь практически разобраться во всем этом. Предыдущие выступавшие товарищи достаточно много говорили о работах тов. Жубанова, я буду останавливаться на том, что указывают газеты, в области научно-педагогической работы, в частности, в Консерватории.

Статьи в газетах вскрывают серьезные и грубейшие ошибки: неудовлетворительность музыковедческой работы в Казахстане и неправильное направление в методе музыкальной исторической науки Казахстана; грубейшие ошибки в области музыковедения в Казахстане; неудовлетворительность подготовки музыковедческих кадров Консерваторией; плохую работу и неудовлетворительное преподавание истории, музыки, вообще, в Консерватории.

Все это нужно признать вполне правильным. Мне кажется, что нам надо постараться вскрыть основные причины такого неудовлетворительного состояния музыковедческой науки и наметить конкретные мероприятия по коренному улучшению работы в области казахского музыкознания и преподавания казахской музыки.

Причина неудовлетворительности музыковедческой работой в Казахстане, по-моему, не относится к молодости научных учреждений Казахстана, причину надо искать в неудовлетворительной работе сектора искусствоведения Академии наук Казахской ССР, музыкальной секции СК КазССР и кафедры истории музыки Алма-Атинской консерватории. Все эти недостатки вытекают, главным образом, из одного основного, а именно отсутствия настоящих глубоких знаний в области марксистско-ленинской и сталинской теории именно у лиц, стоящих и стоявших во главе указанных секций, секторов и т.д.

Обнаружилось это поздно потому, что лицо, возглавлявшее музыковедческую науку в Казахстане, – А.К. Жубанов, считалось незыблемым авторитетом и, по существу, было единственным лицом, на которое опиралось все казахстанское музыковедение.

Надо признать, что такое положение явилось результатом благодушия, беспечности и отсутствия критики и самокритики в этих учреж-

дениях. А ведь налицо грубейшие политические ошибки и «досадные» технологические неточности, недопустимые в научной работе.

Беспечность и благодушие выражались не только в том, что слепо доверялись авторитету одного лица, но и в том, что не сумели видеть того, что Советский Союз, а, следовательно, и советская наука, растет с каждым днем и каждому работнику идеологического фронта нужно повседневно работать над приобретением теоретических познаний и практических навыков.

А ведь в данном случае никто не посчитал возможным заинтересоваться – каким образом ведущие на этом фронте, требующие от других большой работы над собой, повышают свои знания и свою квалификацию. Плохо то, что в музыковедческой работе в Казахстане применен неправильный исторический метод. Это результат – следствие или недостаточной политической оснащенности музыковедческих работников, или нарочитое неприменение советского метода исследования музыкознания. И в том, и в другом случае большую долю вины несут на себе работники Академии, Консерватории и Союза композиторов. Несмотря на то, что тов. Жубанов был одним из руководителей сектора искусствоведения Академии наук и кафедры истории музыки Консерватории, все члены этих организаций должны были проявить достаточно энергии, беспристрастности и, может быть, даже бдительности, чтобы предупредить появление этих грубейших ошибок.

Одной из причин, породивших в Консерватории бесконтрольность и грубейшие ошибки, было и то обстоятельство, что в консерватории кафедра марксизма-ленинизма не была в своей научной деятельности связана с кафедрой истории музыки.

По вопросу подготовки кадров: на страницах газеты «Ленинская смена» этот вопрос правильно поднят. Но мне кажется, нужно принять во внимание то обстоятельство, что Консерватория выпустила недостаточное количество музыковедов-историков. Вообще, она выпустила всего 5 человек и осуществила всего три выпуска.

Газета правильно ставит вопрос с такой точки зрения, что в дальнейшем нужно коренным образом улучшить вопросы подготовки кадров Консерватории.

Нужно признать, что, действительно, кафедра истории музыки Консерватории работала плохо.

Первой причиной плохой работы кафедры надо признать недостаточную оснащенность членов марксистско-ленинско-сталинской теорией, в особенности в области истории, вообще.

Отрицательным также моментом в работе кафедры нашей Консерватории была ее малочисленность. Ведь, по существу, до этого

года в ней находилось три человека, два из них вполне отвечающих требованиям педагога, а один-два еще только заканчивают консерваторию. Причем, один из старших педагогов был одновременно директором Консерватории, зав. кафедрой и единственным специалистом по истории Казахской музыкальной литературы.

В порядке самокритики нужно признать, что я, зам. директора по научной и учебной части, не сумел заставить кафедру, возглавляемую директором Консерватории, работать так, как это положено.

Несмотря на указание на то, что метод дискуссии должен стать основным методом в работе, кафедра этот метод не применяла. Самокритики, за исключением некоторых, может быть, стандартных фраз с признанием своих ошибок, не было. Критике подвергались члены кафедры и другие педагоги, кроме руководителя кафедры.

Ученый совет консерватории, ставя вопросы о работе кафедр, вообще, о методах учебной и научной работы, ни разу не обсуждал работу кафедры истории музыки, в особенности в части преподавания истории казахской музыкальной культуры.

Вопрос о преподавании всеобщей истории музыки и истории русской музыки надо, конечно, ставить; на этом собрании он займет очень много времени, это нужно обсудить дополнительно в ближайшие дни на Ученом совете.

О мероприятиях:

1. Я бы предложил по консерватории следующее: потребовать от всех работников Консерватории серьезные работы по выполнению своего идеологического и профессионального уровня.

2. Потребовать от руководителей кафедр и от руководителя по учебной и научной работе Консерватории провести работу по координации работы кафедр. В частности, добиться того положения, чтобы кафедра марксизма-ленинизма стала ведущей кафедрой консерватории.

3. В работе консерватории и ее кафедр строго придерживаться постановления третьего пленума методического Совета при Министре высшего образования и приказов и постановления о работе кафедр марксизма-ленинизма.

Должен оговориться – эти постановления дают исчерпывающий ответ, как должны работать кафедры. Мы ставили этот вопрос на Ученом совете. К сожалению, кафедры не выполнили те указания, которые имеются в этих постановлениях.

Изъять имеющиеся пособия, содержащие неправильное освещение вопросов музыкальной культуры Казахстана.

Провести серьезную работу по составлению планов и программ по истории Казахской музыкальной культуры.

Курс истории казахской музыкальной культуры проводить согласно имеющимся для всех вузов учебным планам, причем, допускать проведение этого курса только после тщательной проверки подробных конспектов, заранее составленных.

Провести во всех курсах и факультетах Консерватории беседы и лекции о неправильном освещении вопросов истории и грубейших ошибках.

Пересмотреть репертуарные списки на исполнительских факультетах с целью изъятия недоброкачественного репертуара.

Коренным образом пересмотреть план научных работ Консерватории ввиду того, что стрижнем этой работы является история казахской музыкальной культуры. Дело в том, что когда мы представили пятилетний план по требованию Комитета по делам искусств, то этот план получил одобрение, подчеркнуто было, что весь план наших работ построен на том материале, который является самым близким работникам Казахстана. Но ввиду обнаруженных серьезных ошибок все научные работы должны быть пересмотрены.

Коренным образом пересмотреть учебные планы и репертуары отделения казахских народных инструментов с целью подготовки, главным образом, организаторов и руководителей оркестров народных инструментов...

Созвать в ближайшее время Ученый совет с постановкой вопросов о практических мероприятиях по изжитию грубейших ошибок, вскрытых здесь, и наметить конкретные мероприятия по улучшению работы Консерватории по подготовке кадров и по улучшению работы кафедры истории музыки.

Председатель: Слово имеет тов. ДЕРНОВА.

ДЕРНОВА В.П.:

В противоположность всем предыдущим ораторам, у меня не подготовлено заранее выступления, я не имела материала, которого имели выступавшие товарищи, я не знаю книги, о которой шла речь. Правда, видела ее на казахском языке, но никогда не читала ее перевода.

О первых трех статьях говорили здесь уже много, но очень мало говорили о четвертой статье – о работе Консерватории. Лишь тов. Гировский коснулся этой статьи, напечатанной в газете «Ленинская смена».

Как я уже сказала, четвертая статья как раз касается работы нашей Консерватории, и так как Консерватория для нас с вами учреждение родное, как для нас, педагогов, так и для вас, студентов, то давайте о нем поговорим.

Это верно, что кафедра истории музыки не работала совершенно. Мне приходилось присутствовать на заседаниях кафедры истории музыки. За все это время, когда мне случалось там бывать, ни один раз на кафедре истории музыки не ставились вопросы методологические, ни разу не обсуждался рабочий план педагогов, имеющих только косвенное отношение к этой кафедре. Я помню, один раз, правда, обсуждался очень важный вопрос – что из русской музыковедческой литературы следует перевести на казахский язык. Я даже сейчас помню, какие еще вопросы затрагивались, но точно знаю, что ни разу на кафедре истории музыки не шла речь о преподавании истории музыки у нас в Консерватории. Почему это так, я не знаю, я думаю, что Ахмет Куанович охотно признает свою вину, но кафедрой истории он не руководил, и те неудачи тов. Аравина, о которых столько говорили в прошлом году, это неудачи и тов. Жубанова. Потому, что если о неудачах тов. Аравина заговорили студенты, так стоило Ахмету Куановичу прийти на урок тов. Аравина раньше с тем, чтобы разобраться. Вина в неудачах тов. Аравина, прежде всего, тов. Жубанова, хуже того, что об этих неудачах заговорили студенты.

Мы все виновны в том, что Петра Васильевича в прошлом году так много бранили и что имя его в неприятном освещении появилось в газете «Ленинская смена». Потому, что его неудачи – это наши неудачи. Если бы мы раньше сказали ему, он бы этих неудач не допустил.

У нас в Консерватории нет обычая посещать лекции преподавателей. Вот скоро три года как я здесь работаю, и никто из дирекции Консерватории не слышал ни одной моей лекции.

Я провела лекции за это время, наверное, много десятков, но как я их провела, кроме студентов, никто не слышал.

Я думаю, что были у меня лекции более удачные и менее удачные и, может быть, совсем неудачные. Я думаю, что, если бы мне сказали, что это у тебя хорошая, а это никуда не годная лекция, то сослужили бы хорошую службу. Этот вопрос я поднимала на Ученом совете в прошлом году.

Однажды был полукомический случай. Косвенно, со стороны я узнала, что на меня пожаловался один студент о том, что я не подготовила лекцию. Это было неправильно, лекцию я готовила, но, может быть, я плохо читала в этот день или, может быть, я упустила что-нибудь тогда, но я узнала, что он на меня пожаловался. Я тщательно подготовила следующую лекцию, как никогда не готовила,

думала, что теперь-то ко мне придут, но никто не пришел, так и пропала моя прекрасная лекция (смех). Очевидно, нам доверяют. Это очень хорошо. Но знаете, товарищи, мне хотелось бы, чтобы меня контролировали.

В прошлом году я делала выпуск курса – анализа 5 человек. Этот предмет лежит в основе дипломной работы. Я принимала экзамены у моих учеников, находящихся здесь в зале. Я знаю их очень хорошо, я могла бы не устраивать экзамены, могла бы спокойно с чистой совестью поставить им отметки. Но для того чтобы не дезорганизовать студентов, я добросовестно просидела с ними несколько часов, чтобы их проверить.

Я просила Евгения Федоровича прийти, посидеть, но он был занят. Я думаю, что стоило бы прийти посмотреть, причем эти студенты готовили дипломные работы.

Здесь говорили о том, что мало выпустили музыковедов. Но не в этом дело. А дело в том, что мы их не всегда хорошо готовили, например, так: у нас до сих пор проводится порочная политика захваливания студентов. Кроме вреда, молодому специалисту это не приносит ничего. И можно заявить, насколько я могла разобраться в материале, мне незнакомом, о котором шла речь, дело идет о том, что работу тов. Жубанова 10 лет тому назад захвалили и не сказали ни одного слова критики, хотя надо было сказать Жубанову: работа там-то и тем-то слаба, переделай. Но тогда он был поднят на щит и сейчас за это тов. Жубанов жестоко платится.

Надо к критике относиться иначе. Я вот прошу, критики все время и сама неоднократно выступала критически, но критика не всегда у нас в почете. Вот я в прошлом году была рецензентом дипломной работы, которую я считала неправильной и порочной. Я тов. Жубанову сказала, что дипломная работа не отвечает тому, чтобы допустить ее до защиты, что дипломная работа неудовлетворительная. И мы с вами, тов. Жубанов, вместе решили, что эту работу мы покритуем, но при всем этом дадим студенту возможность закончить. Вы тогда согласились со мной. А почему эта работа получила отметку 5. У Вас, тов. Жубанов, нехватило гражданского мужества признаться на государственной экзаменационной комиссии, что работа Вашего ученика неудовлетворительная, у вас не хватило смелости. Нас с Вами одна и та же Ленинградская консерватория обучала, мы с вами пришли к одному мнению, что эта работа неудовлетворительная, почему же потом она получила отличную оценку? Ведь мы причинили страшное зло этому человеку, которого выпустили с пятеркой.

РЕПЛИКА: Это решается большинством голосов и одного Жубанова нельзя винить в этом.

Я поговорю об этом большинстве голосов на Ученом совете, я интересовалась этим вопросом и имею сведения об этом большинстве голосов. Я хочу сказать об одном голосе. Один преподаватель, член Ученого совета, сейчас уже отсутствующий, мне тогда говорил: как же, он ведь талант. Может быть, он талант, но если человеку с 20 лет говорить: ты талант, что значит дать ему с самого начала подножку. Ведь надо бережно растить кадры. Пускай бы мы его покритиковали, пускай ему поставили бы 3 или даже 4, если не хотели обидеть студента, которому в течении 5 лет ставили только пятерки, но это большая оценка за эту дипломную работу, и мы иногда злоупотребляем этими пятерками.

Продолжаю начатую мысль. Хочу сказать еще раз, какое большое зло приносит эта политика захваливания. Сегодня из обсуждения я с удивлением узнала, что работа тов. Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов» нигде не обсуждалась. Кто же ей давал высокую оценку? Оказывается, Союз композиторов не читал ее. Спрашивается, кто ее читал?

Почему же об этой работе я, например, узнала в Ленинграде, и меня там просили достать и выслать туда перевод работы тов. Жубанова. Об этой работе знали во всем Советском Союзе, и только теперь, после статей центральной «Правды» и «Казахстанской правды» стали говорить о том, что эти работы содержат ошибки. Ошибки эти не только тов. Жубанова.

Сегодня я узнала, что Ауэзов 15 лет тому назад говорил примерно то же самое, очевидно, это было достаточно принятые в Казахстане подобные взгляды на историю Казахстана.

Два года тому назад Ахмет Куанович рассказал мне историю создания этой книги, он рассказал, как он работал с оркестром им. Курмангазы. Он хотел написать книжечку, записал сведения, которые давали официальную историю музыки Казахстана и выпустил эту книжечку.

Он мне сказал, что он никогда не думал ни об ученом звании, ни об ученой степени, а просто хотел написать книжечку для участников оркестра им. Курмангазы, а эту книжечку вознесли до небес.

Вот к чему приводит такое легкомысленное отношение к работе начинающего ученого. Ахмет Куанович очень талантливый человек, я три года знаю его близко, я думаю, что он очень много мог бы сделать за 10 лет, если бы ему своевременно указали, что делать и как делать, а не хвалили бы и не превозносили его превыше небес за

маленькую книжечку, написанную им без всякого умысла стать ученым, войти в науку.

Товарищи, когда мы студентов учим, мы должны их многому научить, не только ремеслу музыки и музыковедению, мы должны их научить, как работать над собой и умению строго к себе относиться.

Мне хочется, чтобы мое неподготовленное выступление было понято в таком смысле, товарищи, что мы с вас будем спрашивать строго, и мы все обязаны с вас спрашивать строго. Я думаю, что вы нам, в конце концов, будете за это только благодарны. Не ждите от нас пятерок незаслуженных.

Председатель: Слово предоставляется тов. ЛЕБЕДЕВУ

ЛЕБЕДЕВ В.В.:

Обсуждаемые нами материалы затрагивают коренные вопросы развития музыкальной культуры Советского Казахстана. Причем главное значение имеет вопрос о буржуазно-националистических извращениях в казахском музыковедении.

Партийная организация консерватории однажды уже подвергла резкой критике книгу тов. Жубанова «Казахские композиторы». Это происходило на открытом партийном собрании в связи с постановлением ПК КП(б)К по статье газеты «Правда» «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана». Тогда еще Кадыр Жаманбаевич Жаманбаев выступил и говорил о недостатках книги.

Нужно отдать справедливость, что Ахмет Куанович Жубанов на том открытом партийном собрании заявил о своих ошибках, допущенных в книге «Казахские композиторы», заявляя и признавая свои ошибки, признавая тогда, когда не было еще статьи ни тов. Омарова, ни тов. Тулебаева. Сегодня мы критикуем вторично, уже на расширенном объединенном собрании все допущенные им ошибки. На недостатках книги Жубанова довольно подробно останавливался К.Н. Жаманбаев. Я коротко скажу о работе кафедры истории музыки и остановлюсь на некоторых других вопросах.

Нужно признать, что кафедра истории музыки, руководимая проф. Жубановым, замкнулась в своих внутренних вопросах, не контролировала работу педагогов-историков, проводила свою работу в отрыве от работы кафедры основ марксизма-ленинизма. На кафедре истории музыки не было критики и самокритики, научные труды и лекции педагогов кафедрой не обсуждались.

Если говорить о недостатках в работе консерватории, то большим недостатком в работе всех кафедр является отсутствие разработанных и защищенных диссертаций, правда, за исключением тов. Ерзаковича, который защитил диссертацию и которому присвоили ученое звание кандидата наук.

В порядке критики надо сказать, что зам. директора по научной работе Евгений Федорович Гировский недостаточно контролировал выполнение плана научных работ Консерватории, не принимал решительных мер по отношению к лицам, уклоняющимся от выполнения научно-методических работ.

Вот сейчас Варвара Павловна заявила, что она любит критику. Я хочу ее покритиковать. Когда в прошлом учебном году мы рассматривали на партийном бюро вопрос о работе научного общества, то главным виновником плохой работы и срывщиком работы научного общества оказалась Варвара Павловна, она «палец о палец не ударила» и тормозила всю работу.

Дальше Варвара Павловна вводит в заблуждение такое ответственное собрание, заявляя, что у нее никогда не бывали на лекциях представители дирекции. А вот мне Евгений Федорович заявил как секретарю партбюро, что он бывал на лекциях у Варвары Павловны, и констатировал ее слабые лекции. Не знаю, кому из них верить (смех).

Товарищи, наша сравнительно молодая Консерватория осуществила 3 выпуска, в течение последних 3-х лет Консерваторию окончили 72 человека, на них более 40% казахов. Это я считаю определенным достижением.

Как-то я читал статью в газете, кажется в «Советском искусстве», и там указывалось, что Ташкентская Консерватория имеет из 200 человек только 13 узбеков, может быть, эти данные устарели, но такая статья была. Мы же выпускаем в среднем 40% казахов.

В этом году мы должны выпустить 50% казахов, это определенно достижение, наша консерватория стоит на правильном пути. Окончившие консерваторию наши выпускники успешно работают и в городах Алма-Ата и в областных центрах республики. Мы получаем неплохие сведения о работе наших выпускников. В целом, большинство из них работают хорошо.

Студенты Консерватории хорошо показали себя на смотре в Москве. Нужно отметить, что наша воспитанница Балгаева – наш педагог Консерватории, завоевала вторую премию на Всемирном фестивале в Берлине. Оркестр народных инструментов значительно улучшил свою работу.

У нас оживилась политико-воспитательная работа среди студенчества. Педагоги стали более активны. Сейчас охвачены политучебой все без исключения педагоги.

Наша Консерватория имеет все возможности и основания быть центром музыкальной жизни республики. Тем большая ответственность возлагается на Консерваторию и ее парторганизацию.

Партийная организация в ближайшее время проведет открытое партийное собрание, а дирекция проведет заседание Ученого совета, где будут рассмотрены все вопросы работы консерватории, на таком объединенном собрании сейчас возможно говорить обо всех подробностях.

Мы сейчас намечаем определенные мероприятия и будем их приводить в жизнь.

Наша задача заключается в том, чтобы по-большевистски исправить допущенные ошибки в работе и активно включиться в дальнейшее развитие научной и музыкальной жизни республики (Аплодисменты).

Председатель: Товарищи, есть предложение в связи с тем, что сейчас уже поздно, наше собрание перенести на завтра, на 7 часов вечера. Завтра будут выступать секретарь Союза композиторов СССР тов. Коваль, тов. Жубанов и ряд других товарищей.

ЗАСЕДАНИЕ ВТОРОЕ

19 октября 1951 г., 19.15 час.

Председательствует тов. Ахметов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Товарищи, продолжим наше собрание. Слово для выступления имеет тов. ХАМИДИ.

ХАМИДИ Л.А.:

Товарищи, я с большим вниманием прочел статью тов. Тулебаева в «Казахстанской правде» «О неправильном направлении в музыковедении Казахстана». Статью тов. Тулебаева я считаю совершенно правильной и своевременной. Я не собираюсь эту статью подробно разбирать, т. к. вчера мы слушали подробный доклад и выступления.

Я только хочу остановиться на некоторых моментах по ходу вчерашних выступлений ряда товарищей.

Прежде всего, товарищи, я, одобряя содержание статьи тов. Тулебаева, не согласен с заголовком этой статьи. Тов. Тулебаев озагла-

вил свою статью «О неправильном направлении в казахском музыковедении», я это считаю неправильным. Я считаю, что казахское музыковедение находится на правильном пути. Может быть, у нас музыковедение отстает, потому что у нас мало кадров, мало сделано нами, однако, я бы сказал, что казахское музыковедение на правильном пути. Основанием этому служит целый ряд выступлений товарищей и статьи самого тов. Тулебаева. Все выступавшие товарищи единогласно осудили грубейшие политические, методологические и теоретические ошибки проф. Жубанова. Это доказывает, что у нас музыковедение именно на правильном пути. Надо было статью озаглавить просто: Ошибки проф. Жубанова в музыковедении. Так было бы как раз правильно, ведь речь идет о частном явлении.

Однако этим я не собираюсь сваливать вину только на одного Жубанова. Вина не снимается и с других товарищей, руководящих, ведущих товарищей, связанных с работой Консерватории и Союза композиторов. Тут большая вина не только проф. Жубанова, но и мы тоже здесь повинны.

Я, товарищи, с Ахметом Куановичем знаком уже давно, с ним совместно работаю почти 19 лет, с 1938 г., я с ним сотрудничаю и в области композиции. Совместно мы написал, как вам известно, две оперы: «Абай» и «Тулеген Тохтаров». С 1938 г. у нас завязалась такая творческая дружба. Пожалуй, в Союзе композиторов Казахстана, кроме меня, никто так тесно не сотрудничает с А.К. Жубановым, никто не старался ему помочь искренне.

Товарищи, я и сейчас не отказался от сотрудничества с А.К. Жубановым, думаю и в дальнейшем продолжать наше хорошее дело, наше творческое содружество.

Однако, товарищи, я этим не хочу одобрять его политические и другие ошибки в области музыковедения. Сейчас вопрос заключается не в том, чтобы разоблачать ошибки проф. Жубанова, об этом уже работа начата, и, я думаю, что она будет дальше продолжаться, начал работать Совет Консерватории, Академия наук этим вопросом будет заниматься, кафедра истории музыки будет разбираться в этом деле, сам тов. Жубанов будет заниматься этим. Теперь вопрос в том, чтобы не повторять эти ошибки, чтобы в дальнейшем не было у нас таких печальных явлений в области музыковедения. С этой целью я в дальнейшем чем смогу и чем располагаю буду помогать Ахмету Куановичу и буду с ним сотрудничать.

Теперь я хочу остановиться на выступлении нашего уважаемого председателя Союза композиторов и зав. кафедрой теории композиции тов. Брусиловского. Тов. Брусиловский, признавая

ошибки профессора Жубанова и свою вину, что он не поставил вопрос об этом своевременно и резко, чтобы добиться их обсуждения, все причины свел только к отсутствию помещения, что Союзу композиторов не дают помещения, нам негде собраться и поэтому мы не могли своевременно раскрыть эти ошибки. Далее он обвинял наши руководящие органы, он бросил упрек в адрес ЦК партии и Союза композиторов СССР. Я, товарищи, считаю это неправильным. Конечно, отсутствие помещения мешает нашей работе, однако, не в этом главная причина плохой работы Союза композиторов. Можно ли оправдать отсутствие помещения, что Союз плохо работал и своевременно не мог раскрыть ошибки профессора Жубанова?

Я могу привести ряд примеров того, как ЦК партии Казахстана и наши руководящие работники очень внимательно относятся к Союзу композиторов. Когда я написал оперу «Джамбул», еще не успел закончить первый акт, как ко мне прямо на дачу приехал И. Омаров. Как я был тронут этим вниманием Ильяса Омаровича. Он задал мне очень много вопросов по опере «Джамбул», интересовался ходом работы, сделал целый ряд замечаний. Это, товарищи, была для меня большая помощь.

Кроме того, когда я ощущал нужду в жилищном вопросе, мне предоставили участок, и я имел возможность построить себе домик, я смог обеспечить себя жилым помещением, как будто Союз композиторов в целом не может этого сделать, здесь нет никакой логики. Тов. Брусиловский должен был сказать о том, что мы сами не сумели как следует поставить вопрос о помещении, и если бы мы этот вопрос поставили своевременно и резко, то ЦК партии помог бы нам в отношении помещения, но в этом деле мы виноваты сами.

Я не согласен с тем, что ЦК КП(б)К не помог Союзу композиторов в его работе. Все наши ведущие композиторы обеспечены и в жилищном отношении, и в материальном отношении, и все условия созданы для плодотворной работы композиторов. Нам уделяется большое внимание, и я не знаю о какой помощи еще нужно здесь говорить.

Таким образом, отсутствие помещения и др. моменты не являются главной причиной нашей плохой работы в Союзе композиторов.

Я также могу привести пример большой помощи со стороны Союза СССР. Они у нас часто начали бывать – представители союзного правления, вот на сегодняшнем собрании присутствуют три представителя из Москвы. Каждый год у нас доклады, смотры организуются, и на этих смотрах бывают представители Союза композито-

ров СССР. Начали появляться статьи в центральной печати «Советская музыка», «Советское искусство», это тоже внимание и помощь. Поэтому я не согласен с тов. Брусиловским, что нам не оказывается со стороны Союза композиторов СССР должного внимания. Беда в том, что мы сами не смогли как следует поставить, организовать все эти вопросы.

Я приведу такой пример. Несмотря на то, что у нас нет помещений и других условий, однако, наше правление, руководитель его, тов. Брусиловский, смогли же принять ряд острых мер по отношению к некоторым композиторам. Например, я помню, как мы отчитывали и отчитываем некоторых наших композиторов за то, что они плохо работают. Недавно на правлении было большое обсуждение творческой деятельности М. Тулебаева. Я не успел еще начать работу над оперой «Джамбул», как я уже получил ряд писем с требованием обсудить эти эскизы к опере на правлении СК. Когда же я сумел в свое время представить их на обсуждение, правлением СК был объявлен мне выговор. Значит, были приняты меры в отношении некоторых композиторов, почему же в отношении проф. Жубанова не были приняты такие меры, почему его не вызывали на заседание правления Союза композиторов, не требовали обсуждения, тут дело вовсе не в помещении, а в плохой работе Союза композиторов. Тов. Брусиловскому следовало бы по-большевистски признать свою плохую работу и неумение организовать работу Союза композиторов.

Теперь, товарищи, я хочу остановиться на работе наших кафедр теории композиции и истории музыки. До 1948 года эти кафедры были у нас объединены, так было с самого начала организации Консерватории, а в 1948 году эти кафедры разделились. Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, товарищи, что при малочисленном составе наших кафедр это разделение послужило во вред, на одной кафедре мы имеем 3 человека, а на другой – 4 человека, и этим мы распылили наши музыковедческие и теоретические кадры. Короче говоря, профессор Жубанов отделился от других наших теоретиков, как, например, от зав. кафедрой Брусиловского, Сушкова, Мацуцина. Если бы эти кафедры работали вместе, наши кадры были бы более связаны между собой. По-моему, в дальнейшем нам следует подумать над этим вопросом и эти кафедры объединить, чтобы не распылять работу наших кадров.

Товарищи, я еще раз хочу остановиться на том, с чего я начал свое выступление – у нас композиторский коллектив в общем здоровый, если взять отдельных товарищей, то все они самостоятельно работают, каждый имеет творческую работу, но, однако, у нас очень плохо работает Союз композиторов как организация.

В дальнейшем, товарищи, нам нужно будет более активно работать, почаще нам нужно проводить такие обсуждения и теснее сплотиться вокруг нашего Союза.

Ввиду того, что вчера у нас был очень подробный доклад, после которого товарищи очень подробно выступали, я не счел нужным повторяться и ограничился только небольшими замечаниями.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет тов. МЕССМАН.

МЕССМАН В.Л.:

Товарищи, наше собрание является знаменательным в истории развития казахской музыкальной культуры. Знаменательно и то, что на этом собрании присутствуют дорогие гости – представители музыкальной Москвы по главе с выдающимся советским композитором Марианом Викторовичем Ковалем.

Я не собирался выступать здесь с речью по той простой причине, что 4 года тому назад уже выступал на эту тему. Правда, мой бывший уважаемый соавтор, как многие помнят, нашел возможным заявить публично на съезде композиторов о снятии им своей подписи. Вчера он здесь рассуждал о якобы вызывающем тоне этой статьи. Что касается Брусиловского, то я должен сказать, что он был вполне активным сочинителем этой вполне правильной статьи, звучащей сегодня по-новому и во весь голос, что никто другой, как Брусиловский, лично рассылал экземпляры газеты с этой статьей во все концы – в Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР, в Союз композиторов СССР, в редакцию журнала «Советская музыка».

Говоря о Брусиловском, я не могу не выразить возмущения по поводу его политически безответственного заявления о том, что партия и правительство республики, которые так много и неустанно заботятся о расцвете культуры и искусства, якобы не оказывают Союзу композиторов необходимой помощи. Не к лицу председателю правления Союза композиторов выволакивать на трибуну мелкие, непринципиальные вопросы о пишущей машинке, о телефоне и прочем. Он выступает как заведующий хозяйством, а не солидный руководитель творческой организации.

Конечно, Союзу композиторов должны быть созданы все необходимые условия для работы. Но вопрос должен ставиться правильно.

Меня также возмущает реплика Брусиловского, что он раздувал не авторитет Жубанова, а, видите ли, авторитет Мукана Тулебаева. Извините, Евгений Григорьевич, сейчас ясно каждому, что яркий композиторский талант Мукана Тулебаева не нуждался ни в каких раздуваниях, ни с Вашей, ни с чьей либо другой стороны. Сегодня мы можем сказать без преувеличения, что Мукан Тулебаев по праву,

по таланту, по его растущему мастерству занял место ведущего композитора республики. И вообще, какая тут может быть аналогия между Тулебаевым и Жубановым. Заканчивая эти краткие замечания по адресу т. Брусиловского, я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы заявить, что композитор Брусиловский в последний период явно теряет идейно-творческий курс. Ряд салонных, банальных песенок, созданных композитором в плане псевдоказахской музыки, являются досадными издержками на его большом творческом пути.

Перехожу к вопросу об антинаучных трудах Жубанова. Избегая повторять сказанное в статье тов. Тулебаева и все сказанное вчера с этой трибуны, я хотел бы ограничиться некоторыми цитатами из «трудов» Жубанова. Всю его книгу пронизывает резко выделенная и остро ощутимая антирусская линия.

«Казахский народ, пишет он, был встречен в лоб Россией... Посадив на коней преданных батыров, народ направил их против нового врага... Вооруженные конями, казахские воины не раз наносили удары по врагу, стремясь отстоять независимость народа, его пастбища, полнокровные реки, становища...»

Так, политически фальсифицируя историю, Жубанов изображает борьбу против России, как борьбу за независимость своей родины.

Клеветнически изображается в книге Жубанова существовавшая якобы мечта казахов о... гибели русских городов. Казахские акыны якобы пели:

«Он из камня – русский город Мунапай,
Его гибели не скоро ожидай...»

Далее автор касается строительства в казахской степи городов – Оренбурга, Орска, Троицка, Уральска, Гурьева, Петропавловска, Павлодара, Семипалатинска. Кому же теперь, товарищи, не ясно, что строительство этих новых городов имело для Казахстана огромное экономическое, хозяйственное, политическое значение? Но Жубанов рассматривает их как «форпосты» и «крепости», созданные во вред казахскому народу. Автор так прямо и заявляет: «Казахская земля была взята в окружение». К этому он добавляется, что «народным массам становится тяжело дышать», что «былой кочевой простор становится тесен», что «казахский народ лишился возможности свободного передвижения».

Разрешите привести еще цитату: «Тоскуя по утраченной народом свободе, – пишет Жубанов, – казахские домбристы воспроизводят кюи далекого прошлого, стремясь ободрить упавший духом народ образами его легендарных героев». К этим «легендарным»

героям он снова относит заклятого врага казахского народа – хана Абая, а заодно и небезызвестных завоевателей – Александра Македонского, Тамерлана и других. Так трогательно пишет ослепленный националистическими видениями автор.

Он в то же время мечет громы и молнии по адресу преданных России людей. Казахская степь, как он заявляет, оказалась «недосягаемой», «пока не нашлись шпионы и предатели народа». По Жубанову выходит, что патриоты России из среды казахов – это ... шпионы и предатели!

Так выглядит Жубанов-политик.

О Жубанове-музыковедке говорилось немало. Позвольте представить Вашему вниманию такой, так сказать, научный аттракцион из его трудов. Вот, что сказал Жубанов в своем научном докладе на 1-й Сессии Академии наук Казахской ССР. Цитирую по изданной книге «Труды первой сессии Академии наук Казахской ССР»: «Подобные инструментальные произведения (речь идет о кюях), построенные на очень интересных сюжетах, в казахской народной музыке встречаются очень часто. Все они преследуют одну цель, – достичь того, что невозможно сделать усилиями человека или целого общества».

Бредовый смысл этой «глубокой» мысли не требует доказательств.

Разрешите привести несколько образчиков «музыковедческого» характера на книги Жубанова: «Несмотря на то, что тихий летний вечер был наполнен многочисленными звуками, домбра ясно выделялась на их фоне. Кругом слышалось бляение овец, верблюжий рев, звонкие удары молочных струй в днище ведер, в которые хозяйки выдаивали коров и овец, ржание коней и мычание коров, равномерное постукивание кожанного ведра то о сруб колодца, то о корыто для водопоя. Все это сливалось в один оркестр, звучащий аккомпонементом к звукам домбры».

В «научном» докладе читаем: «Кюя начинается с трагической темы о роке и судьбе на верхней струне домбры. Эта тема сменяется громким участившимся ударом струн, который напоминает топот коней или, в данном случае, куланов. Домбрист, мастерски ведя на нижней струне домбры пицикатто, на верхней дает тему песни Жоши, которую он пел во время стрельбы, забыв, что у него нет больше стрел. Вдруг сильный аккорд после интенсивного тремоло, и кюйши возвращается к первоначальной скорбной теме смерти ханского сына. К этому времени, понявший все, что рассказано в настоящем кюе, хан молча встает и велит заткнуть глотку домбры, налить расплавленное олово в ее отдушину. Так, силою музыки, не

краснея, поучает профессор и академик, спасается жизнь многих людей, которые могли бы быть казнены грозным ханом».

В книге Жубанова мы читаем такие перлы: «Голос ее в конце кюя уже звучит не как частное явление». Или далее: «Большинство исполнителей этой песни часто применяет фермато, являющееся в данном случае неуместной отсебятиной».

На каждой странице повествований А. Жубанова имеется сколько угодно таких отсебятин.

Все это, конечно, было бы невозможно, если бы вокруг Жубанова не был создан ореол мнимой учености, гипнотическое действие которого принесло немало вреда делу развития казахской музыкальной культуры. Являясь способным мелодистом, у него, однако, нет ни композиторской техники, ни необходимого композиторского мастерства.

Жубанов не раз выступал под псевдонимами Хамиди, Шабельский, Иванов-Сокольский. Короче говоря, творческая деятельность Жубанова также требует общественного внимания.

О творческих приемах Жубанова можно судить по такому факту. На съезде композиторов было показано «новое» музыкальное произведение Жубанова под названием «Фантазия». С первой до последней ноты это – попури из оперы «Абай» Жубанова и Хамиди. Сделав этот попуриный фокус, Жубанов удалил с обложки имя своего соавтора и за эту не весьма сложную операцию получил с Казахской государственной филармонии всего навсего 25 тыс.рублей, конечно, не предложив своему соавтору ни одной копейки.

Сейчас, и случайно ли это, после нового разоблачения Жубанова объявлено возобновление на сцене псевдогероической оперы «Тулген Тохтаров» Жубанова и Хамиди, не шедшей в прошлом сезоне ни одного раза.

В этой опере игнорируется русский народ, которого в опере нет. Даже русская девушка Люба и то интонационно обрисована по-казахски. Великий русский народ, стоявший во главе исторической борьбы и героических побед в Великой Отечественной войне, в опере не показан. Опера слаба во всех смыслах.

Не лучше выглядит и Жубанов-дирижер. Всем известно, что всю работу в оркестре имени Курмангазы фактически проводит Шаргородский. А. Жубанов иногда выступает в показном порядке...

Остается сказать несколько слов о Жубанове-гражданине. Посмотрите на него – как он в такой серьезный момент для его жизни улыбается и ухмыляется, сидя в президиуме собрания, для чего у него теперь так мало оснований...

Случайно ли, что на этом собрании молчат педагоги, молчат студенты и что особенно тревожно – молчат студентки. Может быть, все же выйдут на эту трибуну студентки, о которых мне рассказывал бывший педагог Консерватории доцент Коринский? И почему вообще дело Коринского, характеризующее гражданское лицо Жубанова, замято, заглохло, и сам Коринский вынужденно отправился в Ташкент...

Для характеристики Жубанова как человека приведу несколько фактов. После его бурной реакции на статью о нем он вынужден был в камере народного судьи собственноручно написать мне письмо, в котором дословно сказано: «Уважаемый Владимир Львович! Мои выражения по Вашему адресу на комсомольском собрании не выдерживают никакой критики, и я прошу простить меня. А. Жубанов».

После этого, не располагая никакими материалами и высосав их из пальца, Жубанов выступил в роли разоблачителя космополитизма. «Держите вора!» – кричал он в газетах, пользуясь известным воровским методом.

Читая в Москве на Всесоюзном съезде композиторов доклад, написанный мною, Жубанов вклеил туда два словечка о том, что написанная мною книга о казахской опере – H_2O , хотя ранее он же на совещании в присутствии т.т. Брусиловского, Жандарбекова, Байсеитовых и др. восторженно выступал о той же книге.

И последнее для характеристики Жубанова. Это его запоздалое выступление в газете «Социалистик Қазақстан».

Оно напечатано в один день со статьей Мукана Тулебаева. Это самокритический фокус, не более. Узнав о предстоящем появлении статьи Тулебаева, Жубанов решил спастись. Он трижды переделывал свою статью, добавляя, как этого от него требовала редакция, все больше и больше признаний и саморазоблачений...

Я думаю, что такой человек не может далее быть ни директором консерватории, ни действительным членом Академии Наук Казахской ССР. И советской науке не нужны такие доктора в кавычках, в голове которых нет глубоких научных знаний, а за пазухой торчит булыжник, направленный против великой дружбы русского и казахского народов, против передовой советской культуры.

Свое выступление я хотел бы закончить оценкой речей Лебедева, Дерновой, Гировского и Хамиди. Это были бесцветные, адвокатские, дьяконские подхалимские речи. А нам сегодня нужна правда, которая осветит дальнейшие пути к новому расцвету казахской советской музыкальной культуры. (Аплодисменты).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет тов. КОВАЛЬ – секретарь Союза композиторов СССР.

КОВАЛЬ М.В.:

Товарищи, хотелось бы, чтобы эта чрезвычайно важная дискуссия для дальнейшего развития казахской советской музыки была проведена на очень принципиальной и идейной основе.

Мне кажется, что целый ряд выступлений на этой дискуссии явно снизили основной смысл нашего общего собрания и искривляли направление нашей критики. Некоторые выступавшие здесь товарищи не удержались от совершенно ненужных личных моментов. А, ведь, в чем заключается существо дела?

Существо дела заключается в том, что советский народ вступил в гигантскую лучезарную эпоху строительства коммунизма, в эпоху, в которой вопросы развития культуры получили поистине огромное значение. Перед нами, музыкантами, стоят отчетливые и ясные задачи. О них ярко и впечатлительно было сказано в «Правде»: «Творческие организации призваны принимать активное участие в общенародной борьбе за победу коммунизма, помогать партии и советскому государству в воспитании трудящихся в духе советского патриотизма. Они должны заботливо выращивать новые кадры творческих работников из среды рабочих, колхозников и интеллигенции, направлять усилия деятелей литературы и искусства на создание новых, высокоидейных художественных произведений».

Здесь сказано основное, главное. В чем тут дело. Мы, композиторы и музыковеды, призваны строить музыкальную культуру, социалистическую по содержанию и национальную по форме. Наша советская музыкальная культура должна быть эстетически прекрасной, могучей, она должна способствовать полному освобождению сознания советских людей от пережитков прошлых эпох, в которых царили феодальные и капиталистические идеологии, идеологии эксплуатации человека человеком, расовой и национальной ненависти, стяжательства, всякого унижения человеческого достоинства.

Наши деятели музыкальной культуры с громадным уважением и вниманием должны относиться к прошлой народной музыке и классическому музыкальному искусству, должны находить в нем подлинно прогрессивное, могучее быть признанным полезным для создания нового и современного.

Ведя борьбу с реакционным и отживающим, деятели музыкального искусства обязаны быть особо чуткими ко всему прогрессивному, ко всем проявлениям нового и передового, хотя бы лишь только нарождающегося. Сейчас необходимо выкорчевать, сбросить все, что затрудняет развитие нового и не дает возможности по-настоящему ему расти. Большая ответственность в этом лежит на всех деятелях музыки, без исключения, и, в особенности, на музыковедах, призванных создать марксистско-ленинскую музыкальную науку.

В дискуссии по музыковедению в Казахстане, естественно, что в основном говорится о книжке Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов», так как, по существу, как бы об этом некоторые товарищи тут не говорили, подлинного музыковедения в Казахстане, как в этом ни грустно признаться, нет.

В книжке Жубанова, как в фокусе, отразились основные пороки состояния музыкального искусства в Казахстане, но не только в книжке. Серьезные и печальные уроки можно извлечь из практической деятельности Жубанова на его очень ответственных, высоких административных постах, деятельности, которую он никак не увенчал столь же высокими делами.

По существу, дело сводится к тому, что тов. Жубанов находился на крайнем реакционном полюсе в той борьбе, которая уже давно шла в казахском музыкальном искусстве. В борьбе реакционного, отживающего старого с новым прогрессивным, в острой борьбе этого нового, направленной не против национальных форм, вообще, а против отмирающих, сходящих со сцены форм, и идей, нового, которое борется за путь критического познания традиций, за решительное преодоление пережитков буржуазно-националистических, эстетических канонов феодально-ханского востока, за упрочение нерушимых связей между казахской и русской культурой, за утверждение марксистско-ленинской эстетики, за торжество искусства социалистического реализма (Из статьи П. Апостолова «...проблемы казахской музыки», Советская музыка, 9, 1951 г.).

Конечно, в этой борьбе было не все гладко. По известному закону диалектики старое судорожно цепляется за свои позиции и в яростной схватке с новым идет на различные приемы и условия, но сторонники нового часто бывают непоследовательными и под влиянием некоторых условий поддаются различным слабостям, приспособляется к обстановке, проявляют малодушие. Такой мне представляется весьма непоследовательная линия деятельности Евгения Григорьевича Брусиловского. Приехав в Казахстан, он имел большие полномочия, выражающиеся в том, что на его стороне были сила культуры и прогрессивный ход развития национальной музыкальной культуры. И нужно в целом отметить огромную историческую и благородную роль Брусиловского в ходе становления социалистической музыкальной культуры в Казахстане. Однако, в музыкально-общественной жизни он последовательным не был.

Работая с Жубановым, он великолепно знал его теоретические, в кавычках, и композиторские, без кавычек, возможности, видел его неверную линию, но сразу не противодействовал ей. В конце концов, вместо того, чтобы руководить Жубановым по праву человека,

имеющего настоящую культуру и направлять его, он сам попал под тлетворное руководство Жубанова. Иногда музыкально-общественная совесть Брусиловского заставляла его идти на верный шаг. Таким верным шагом была его статья, написанная вместе с Мессманом «Лженаучные упражнения», напечатанная в «Казахстанской правде» в 1947 г. Статья эта написана хорошим полемическим стилем и совершенно ясна по мыслям. Сегодняшняя статья Тулебаева мало что прибавляет к выводам этой статьи. И что же? Вскоре тов. Брусиловский отрекается от этой статьи и даже сейчас в своем выступлении он проявляет, призывая к смелости других, непростительную полнейшую робость, говоря, что у этой статьи были серьезные недостатки, заключающиеся в вызывающем тоне статьи. Эта полемичность и направленность называется у него «вызывающим тоном статьи», «недоброжелательным характером этой критики». Разоблачаются крупнейшие политические ошибки, и это, видите ли, называется «недоброжелательным тоном статьи»!

Далее мы услышали от тов. Брусиловского: «И этот недостаток немного снизил полезное действие этого, в основном, правильного и тогда своевременного выступления». Вот типичный пример оппортунизма.

Тов. МЕССМАН: Он даже сказал, что статья эта принесла вред.

– Этой вежливости и доброжелательности по отношению к неверным и просто губительным мыслям Жубанова Брусиловский продолжает придерживаться. Он говорит: «мы горячо приветствуем критическое выступление и резко критическое соаморазоблачение Жубанова». Мне кажется, что горячо приветствовать это саморазоблачительное выступление Жубанова никак здесь нельзя. Мне кажется, что выступление Жубанова в этот момент в газете было преждевременным и нескромным. Жубанов знал, что начинается дискуссия по его книжке, и он обязан был внимательно вдуматься во весь ход дискуссии и уже после этого высказать свое отношение к этой дискуссии.

Тем, что эта статья была напечатана одновременно со статьей тов. Тулебаева, никакой пользы для развертывания дискуссии не приносит, наоборот, это звучит как явный зажим самокритики, это звучит желанием оградить Жубанова от ненужной, излишней критики, и это, товарищи, нужно резко осудить.

В 1949 году в журнале «Советская музыка» была напечатана резкая полемическая статья... композиторов Средней Азии, направленная против общих серьезных недостатков в музыкальном искусстве всех среднеазиатских Республик. Эта статья оказала огромное влияние на рассмотрение вопросов развития среднеазиатского музыкального искусства. В Москве целый ряд работников и казахского

искусства, и туркменского искусства, и др. горячо приветствовали эту статью, как абсолютно верную. В статье говорилось многое из того, что говорится сейчас.

Статья эта была подписана и казахским композитором Тулебаевым. Как была воспринята здесь эта действенная помощь развитию казахского музыкального искусства? Отвратительно! Недостойно! Брусиловский страшно обиделся на эту статью. Его шокировало, что его ученик Тулебаев выступает самостоятельно и направляет свои мысли против Брусиловского, своего учителя. Жубанов называет эту статью нахальством.

Вот, товарищи, как воспринималась критика. Какое же могло быть верное развитие музыковедческой мысли? Да, она попала в самом ее зарождении.

В ответ на эту статью был послан совершенно неприличный, соглашательский, чистейшей воды оппортунистический документ в Москву. К сожалению, надо констатировать, что композиторская работа Брусиловского не шла гармонично с его общественно-музыкальной деятельностью. Брусиловский не проявил твердой большевистской линии, и поэтому он в настоящий момент не находится в положении победителя, а находится в положении весьма половинчатом, как говорится – между двумя стульями.

Думаю, что из этих уроков тов. Брусиловский извлечет для себя очень многое, и это, несомненно, отразится и на оздоровлении всей композиторской организации Казахстана.

Названная научным трудом книжка Жубанова, несумевшего свети концы с концами, конечно, не только не научна, она серьезна только в одном смысле, в смысле ее целенаправленности. Все остальное – случайно, не научно и не серьезно. А вот ее целенаправленность очень скверная. У меня страница за страницей на протяжении почти 250 страниц все время нарастал внутренний протест против этой отвратительной буржуазно-националистической книжки. Она, действительно, насквозь пропитана ядом буржуазного национализма, ни грамма ощущения новой эпохи, ни грамма каких-либо элементарных наших общественных основ. Все переходит на полное любование этой сказочной, прекрасной феодальной стариной, и все наполнено огромной недоброжелательностью, если нельзя выразиться более резко, может быть, даже ненавистью к русской культуре. И если вспомнить, что эта работа делалась в 1942 году, когда вокруг русского народа единодушно было столько любви и желания искренне работать рука об руку, – это очень скверно и, если мы рассуждаем о развитии казахского музыковедения только по этой книжке, то это вдвойне грустно.

Этот документ можно назвать в действительности документом реакционного лагеря, и по этому документу училась молодежь. Каким же могло быть развитие казахского музыковедения, как могло строиться здание на этом ложном фундаменте? Никакого. Эта работенка, которой дали преступные отзывы некоторые наши московские, так называемые «профессора», задержала развитие музыкально-ведческой молодежи на много лет, и мы сейчас не можем говорить о новых кадрах, потому что они еще незаметны.

Где нет правды, а в этой работе не было никакой истинной правды, там начинается ложь. Где начинается практическая работа, исходящая из каких-то неверных идейных поэзий, тогда практическая работа начинает быть ложной, а ложь надо открывать, ложь надо маскировать, а там, где начинается маскировка, там начинаются все атрибуты неправильного руководства – и зажим самокритики, и методы запугивания, и все, что угодно. Все это было здесь. Эта атмосфера явилась результатом крупнейших неправильных идеологических предпосылок. Я считаю, что вред, нанесенный этой книжкой и практической работой Жубанова, действительно, очень велик.

Виноват ли в этом один Жубанов? Конечно, Жубанов в этом один виноват не был. У меня вообще впечатление о тов. Жубанове, как об энергичном, волевом и способном человеке. У него есть, несомненно, и ощущение искусства, и ощущение эстетики, но все это оказалось извращено. Чем? Сейчас мы переходим к чрезвычайно серьезному вопросу, который не является актуальным только в Казахстане, а является актуальным во всех среднеазиатских республиках и не только там. Это вопрос о правильном воспитании национальных кадров.

В период, когда во многих республиках было становление, начало развития нашей национальной социалистической культуры, стало появляться множество замечательных дарований. Руководимая замечательной сталинской национальной политикой наша культура стала быстро расцветать. Это был один исторический период, и в этот период была одна мерка для наших кадров. Затем в развитии наших национальных социалистических культур стало резко выявляться неравномерное их развитие. Возьмем Азербайджан. Ведь там положение было очень и очень неладное. Тем более, в начале развития Азербайджанской музыкальной профессиональной культуры там был один лишь композитор – Гаджибеков. Вот буквально через несколько лет мы видим чудеса, сейчас в Азербайджане есть целая плеяда композиторов, мастеров искусства, соревнующихся по мастерству. Они выступают на наших московских смотрах, ни в чем не уступая никому. Что же там произошло? Произошло то, что там была сломлена окостенелость, сломлено восприятие исключитель-

но прошлого, утверждено настоящее советское социалистическое новаторство и поставлен вопрос перед кадрами, что они должны быть полноценными, короче говоря, никому скидки не давалось. И вот, буквально несколько лет, пять-шесть лет, и кадры созданы, а уже раз дело началось, то оно и идет. За одними композиторами растет новая молодежь и т.д., и т.д.

Что получилось в некоторых других Республиках? Что получилось в Узбекистане, Туркменистане и Казахстане? Получилось то, что таких задач передового социалистического новаторства перед этими кадрами поставлено не было, требований расти в мастеров искусства не было, а началась политика скидок: дескать, мы только начинаем, нам надо укрепиться, и поэтому давайте снисходительно смотреть на нашу техническую отсталость. Композитор сделает что-то такое талантливое, и сразу провозглашают: Ура! И вот этой политикой задержано развитие кадров на несколько лет. Если бы этого не было, то такое же положение, как в Азербайджане, было бы во многих других республиках, в том числе и в Казахстане.

Жубанову сразу же дали скидку, и скидку огромную. За незаконченное музыкальное образование он получает диплом, за который придется ответить тем людям, которые этот диплом выдавали. А получив диплом, для чего же дальше работать?

Мало этого, диплома было уже недостаточно. Когда нет чего-то настоящего, то начинается фальсификация, начинается искусственное раздувание авторитета всевозможными почестями, чинами и т.д., но оно никогда в конце концов не приводит ни к чему хорошему, и в настоящий момент мы видим, действительно, полное фиаско Жубанова.

Мне кажется, что Жубанову нужно очень и очень серьезно все это продумать. У него есть основание стать снова полезным для казахского искусства человеком, но он должен себе честно сказать, что уровень его культуры для настоящего момента развития абсолютно недостаточен.

И действительно, Жубанов был бы настоящим советским человеком и коммунистом, если бы он действительно сел с азов за учебу. А он это сделать не может, воли у него на это, безусловно, недостаточно, и если бы вся его огромная энергия направлялась на серьезное и для него, и для казахстанского искусства дело, это было бы просто замечательно.

Но мне хотелось бы обратиться и к композитору Тулебаеву. Тулебаев в моем представлении является действительно представителем нового, только что у нас нарождающегося в казахском искусстве. У него есть и серьезность замысла, стремление к мастерству и стремле-

ние к критике. Это, безусловно, явление новое. Но хотелось бы, чтобы оно не остановилось, потому что, если Тулебаев забудет об этом, он неминуемо, через какой-то период времени окажется в положении Жубанова, так как искусство у нас непрерывно идет вперед.

Нашим национальным композиторам необходимо проникнуться огромнейшей ответственностью за судьбу музыкального искусства своего народа. Вспомним историю грузинской музыки. Русские композиторы помогли становлению грузинской национальной музыкальной культуры, а потом эти композиторы прониклись, действительно, огромной задачей становления грузинской национальной классики, работали, не покладая рук. Грузинская классика была создана. Почему мы не можем в каждой республике создать свою национальную музыкальную классику? Можем!

Вот сейчас целый ряд композиторов Туркмении и других Республик закончили Московскую консерваторию, и мы с тревогой думаем об их дальнейшей работе. Проникнутся ли они мыслью – все время совершенствоваться, все время друг друга ревностно критиковать, чтобы идти все время вперед, или же они застынут на каком-то достигнутом уровне. Мы видим целый ряд талантливых композиторов, например, туркменов Кулеева и Мухатова, уже имеющих технику и ощущение нового художника, но работают они неактивно, вяло. Этого для искусства совершенно недостаточно и просто никуда не годится. В искусстве надо работать рьяно, не останавливаясь ни на одну минуту. И вот, если целый ряд талантливых композиторов Казахстана: Тулебаев, Кужемьяров, Афанасьев, поймут эту основную мысль, то от них можно ждать чудес. А в настоящий момент Тулебаев работает мало, он поступил в Московскую консерваторию с оперой «Биржан и Сара» и вышел с ней же.

Необходимо активизировать работу казахских композиторов, вселять в них уверенность, что они могут быть создателями казахской музыкальной классики.

В заключение я хотел бы остановиться на работе секретариата Союза советских композиторов СССР. Конечно, у нас оживилась работа, мы уже друг друга знаем лучше, знакомы и творчески, и дружески, встречаемся, ездим, общаемся, влияем друг на друга, но методы работы секретариата Союза композиторов СССР уже сейчас устарели и непригодны.

Руководство, это надо признать, было поверхностным и совершенно неудовлетворительным. На нас ложится огромнейшая ответственность – руководить композиторами наших республик, а это значит нужно знать, прежде всего, жизнь народов этих Республик, знать требования народа и то прогрессивное, что в этих республиках происходит. Вот этого абсолютно не было.

Руководство было весьма поверхностным и случайным. Но и местные организации не проявляли достаточной активности. Необходимо переложить основную ответственность за состояние ваших организаций на руководство самих этих местных организаций, которые надеялись на какое-то абстрактное руководство Москвы. Одновременно надо усилить ответственность за руководство местными организациями и нашему секретариату в Москве. Надо подумать очень серьезно и глубоко над методами работы, иначе мы можем оказаться в хвосте зарождающейся социалистической музыкальной культуры.

Товарищи, я желаю нашим казахским композиторам и музыковедам больших творческих успехов на благо любимой социалистической Родины. (Продолжительные аплодисменты).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет председатель Союза композиторов СССР, музыковед тов. ВИНОГРАДОВ.

ВИНОГРАДОВ В.С.:

С работой Жубанова, изданной в 1942 году, мне удалось ознакомиться мельком, в самое последнее время, преодолевая большие трудности. Перевода на русский язык этой работы достать было невозможно. Я не хочу утруждать ваше внимание рассказом о том, как все-таки мне удалось его достать – с большими трудностями, окольным путем и на очень короткий срок. Лучше, обстоятельнее я ознакомился с последним вариантом этой работы, предназначенным к печати, уже отредактированным и появившимся в настоящее время в качестве последнего труда тов. Жубанова.

Я должен сказать, что ни один московский музыковед, за исключением может быть единиц, не знает этой работы совершенно. Мне, человеку, очень интересующемуся музыкальными культурами среднеазиатских республик, удалось контрабандно достать эту работу, а другие лишены были этой возможности. Это единственный, по моему, случай в нашей советской практике, когда исследовательская работа, появившаяся в Союзной республике, оставалась в течении десяти лет незнакомой русскому читателю. Но этого мало сказать: она тщательно скрывалась, все делалось для того, чтобы не допустить русского читателя.

Я применяю совершенно сознательно этот термин «скрывалась», потому что неоднократные личные просьбы мои к Ахмету Куановичу и т.Брусилловскому и выступление здесь на ответственной трибуне съезда композиторов Казахстана с требованием, чтобы эта книга была доступной для ознакомления русского читателя, все оставалось втупе. Книга оставалась засекреченной до последнего времени.

Откуда такое упорное, настойчивое нежелание раскрыть эту книгу для нас – музыковедов, не владеющих, к сожалению, казахским языком? Я считаю, что засекреченность проистекала из сознания того, что в этой книге есть грубейшие политические ошибки, которые таким способом рассчитывали скрыть, утаить от широкой общественности.

Но наша советская действительность такова, что ни одна ошибка, ни большая, ни маленькая не может оставаться скрытой.

Этой конспирации книги содействовала затхлая атмосфера, царившая в Союзе композиторов Казахстана. Здесь уже приводили яркие примеры зажима критики во всем. Мариан Викторович хорошо это обрисовал, он только не напомнил еще одного факта.

Когда был получен от местной организации недостойный ответ на статью, подписанную деятелями музыкальной культуры Средней Азии, то в «Советской музыке» появилась новая статья «Против зажима самокритики», направленная непосредственно в адрес Союза композиторов Казахстана. Руководство этого Союза сочло нужным промолчать, никак не реагировать на появление этой острой статьи. (Реплика: не нужным, а невозможным!).

Неоднократно о неблагоприятном положении с самокритикой говорили представители московского союза и указывали на затхлую атмосферу, царящую в Союзе композиторов Казахстана. И после всего этого, сейчас, на этом ответственном собрании Евгений Григорьевич Брусиловский, выступая с таким оппортунистическим заявлением, расшаркиваясь перед Жубановым, не только не способствует развертыванию самокритики, но, по существу, продолжает ту же линию замазывания ошибок, ту же линию зажима самокритики, которая царил в Союзе композиторов Казахстана.

Товарищи, этот порок настолько укоренился в местной организации, что если мы подойдем к анализу выступлений, которые были здесь, то мы и в них найдем все тоже проявление боязни, смирения и раболепства в условиях, когда вскрываются огромные, нетерпимые ошибки. В самом деле, что было сказано с этой трибуны? Было сказано следующее: вот сейчас, после работ тов. Сталина по языкознанию и после постановления ЦК партии Казахстана ошибки Жубанова становятся нам заметными.

Неужели же эти ошибки, явно буржуазно-националистического порядка, не были заметны раньше? В этой формулировке опять-таки проявляется тенденция как-то смягчить, как-то оправдать эти ошибки. Некоторые видели причины этих ошибок в отсутствии связи между консерваторскими кафедрами марксизма-ленинизма и истории музыки. Здесь говорили, что ошибки Жубанова культи-

вировались в результате захваливания, т.е, по-моему, выступавшие товарищи искали какие-то объективные причины, которые должны были, в какой-то степени, оправдать эти ошибки и их носителя. И наконец, кульминацией этого несерьезного раболепского отношения было выступление тов. Хамиди. Это выступление было очень неудачным. Начав с голословного, алилуйского согласия со статьей Тулебаева, он тут же зачеркивает свое согласие, заявляя, что его не устраивает заголовок статьи и т.д. Не об этом нужно было тов. Хамиди говорить. Нужно было найти резкие слова осуждения ошибок вашего соавтора, с которым долгое время вы вместе работали. За всеми этими словесными ухищрениями скрывается объективно очень большая опасность – признание права на ошибки. В этой аудитории, где сидит молодежь, это тем более нетерпимо. И тем более возмутительно выступление тов. Брусиловского в той части, где он вторично отрекся от своей статьи, от своей правильной статьи, подписанной с тов. Мессманом, мотивируя тем, что тон статьи его теперь не устраивает.

Когда он говорил о трудах т. Жубанова, мне вспомнились два факта из истории политической борьбы в России. Когда Гоголь выпустил книгу, в которой выступил на защиту крепостничества как проповедник мракобесия, тогда Белинский, до того времени восторженно относящийся к творчеству Гоголя, написал ему известное Вам письмо, нецензурное в то время письмо и нашел самые острые, самые бичующие слова по адресу Гоголя. Он назвал его апостолом кнута и мракобесия. Мы и сейчас не можем без волнения читать эти слова, потому что за этой резкой формой письма билось сердце великого патриота. Он так и писал: «если бы дело шло о Вас или обо мне, это было бы одно, а так как дело идет о судьбе России, то и содержание моего письма продиктованы сознанием этой исторической ответственности».

Когда великий Горький в годы реакции допустил шатание, Ленин тут же начал слать ему письма, в которых он не дипломатничал, не стеснялся в выражениях, так как ставил своей задачей вызволить из тины, в которую временно попал Горький, поставить его на большевистский путь борьбы.

Ленин был принципиален, и его острая критика помогла Горькому стать на правильный путь, и эта принципиальность критики обеспечила сохранение до самой смерти великой дружбы между этими двумя великими людьми. Вот, с кого нам нужно брать пример в развертывании нашей самокритики.

Как выглядит выступление Брусиловского в свете этих исторических примеров, вы можете судить сами. Когда среди прослойки

интеллигенции в годы реакции начались метания, со всей страстью обрушился против них Луначарский. Он тогда сказал: «пусть мы ошибаемся, но мы ищем». На что Ленин ответил: «не вы ищете, а Вас ищут»!

И вот, обсуждая эту работу Жубанова, надо вспомнить слова Ленина: «не вы ищете, а Вас ищут», а так же вспомнить выступление тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Тов. Жданов говорил, что задача заключается в том, чтобы дать бой буржуазной идеологии, дать бой проникающему, просачивающемуся в наши ряды влиянию растленной империалистической англо-американской культуры. Ко всем ошибкам такого порядка нельзя относиться примиренчески. Ведь здесь речь идет об ошибках буржуазно-националистических. Я на них тоже коротко хочу остановиться. Здесь правильно указывал тов. Коваль, что вся книга Жубанова пронизана антирусскими настроениями. Последний вариант этой книги содержит биографии 18 мастеров народной музыки. Когда читаешь их, чувствуешь, как бьет этот антирусский дух. Получается так, что все казахские певцы пели песни, только направленные против присоединения Казахстана и России. В книге Жубанова так и не оказалось ни одного певца у казахского народа, не нашлось ни одной песни у этих певцов, в которых бы были выражены братские чувства по отношению к русскому народу, в которых бы были выражены мысли, высказанные Чоканом Валихановым, Абаем, Ибраем Алтынсариним и другими просветителями казахского народа. Не оказалось ни одного такого певца, ни одной такой песни. Верно ли это? Это абсолютно неправильно. Мне по роду работы приходится иметь дело с киргизской музыкой. У киргизов не было таких просветителей, как Абай, Валиханов, Алтынсарин, у них был Токтогул Сатынпаков. И Токтогул в самые мрачные годы царской политики пел о том, что русские – братья киргизского народа, что у русских надо учиться культуре. Я позволю себе зачитать вам одну из таких песен Токтогула:

«Дали мне в руки топор,
 Погнали в лесные края... (зачитывает)
 .....
 Узник он, как и я»

Неужели таких песен не было у казахских певцов?

Конечно, они были, но Жубанов не поставил себе задачу найти их, привести их как доказательство исторически обусловленной глубокой дружбы, существовавшей между русским и казахским народами, в противовес колонизаторской царской политике.

Здесь уже приводилось много примеров прогрессивной роли русской культуры. В последнем варианте книги Жубанова, лишь в одном месте о песнях Майры сказано, что эта певица только в одном припеве, в одной своей песне использовала элементы русской городской песни. Больше ни звука в этой книге о влиянии русской музыки на казахскую не говорится. Могла ли иметь место такая разобщенность? Конечно, не могла. Примером этого являются Абай, Валиханов, Алтынсарин, воспитанные под влиянием передовых русских демократических идей, они несли эти идеи в среду казахского народа.

Я не хочу утруждать ваше внимание приведением примеров из истории музыкальной культуры Киргизии, где идеи дружбы народов находили свое выражение и в музыкальных произведениях.

В книге Жубанова содержится много примеров того, как народные певцы выступали против феодалов. Но если вы их проанализируете, то обнаружите, что все они подаются как проявление личных взаимоотношений певца и феодала, как случайное, а не как закономерное, не как система, не как общественное явление, возникшее на почве классовой борьбы. Она не находила отражения в творчестве народных музыкантов.

Единый поток, всеядность, отсутствие равнения на ленинское учение о двух культурах – вот, что характеризует в этой части работу т. Жубанова. Верно ли это? Конечно, нет. Сегодня тов. Мессман приводит примеры, когда акыны идеализировали прошлое, когда они восхваляли несуществующую эру всеобщего благополучия.

Разве такие мотивы не есть проявление антинародной струи в творчестве акынов. Эти настроения соответствовали интересам феодалской, родо-племенной верхушки, которая хотела этим отвлечь внимание народа от борьбы против эксплуатации, от классовой борьбы. Конечно, у казахов, как и у киргизов, были певцы, у которых ярко выражались и те, и другие настроения. Были акыны, носители реакционных настроений. Были акыны, носители прогрессивных настроений. Было бы не правильно думать, что эти настроения в творчестве каждого акына проявлялись прямолинейно, обнаженно, но, в основном, в массе, две тенденции, две культуры, два пути обнаруживались в творчестве этих акынов очень резко.

В трудах Жубанова царит та же всеядность в смысле ориентации на архаические отживающие явления в казахской музыке. Там не ставится вопрос – что внес нового тот или иной певец и музыкант в музыкальную культуру народа, в чем его прогрессивное значение.

А если и ставится, то формально и упрощенно. Между тем, творчество акынов и музыкантов должно было бы рассматриваемо, в том числе и с точки зрения того, чем тот или иной музыкант обогатил национальную музыку, чем содействовал ее развитию, как он

улавливал новое и боролся со старым отживающим. Несомненно, можно было бы найти элементы новой свежей струи в музыкальном творчестве лучших казахских акынов.

Наконец, Жубановым совершенно не ставится проблема: старые мастера народной музыки и советская социалистическая культура.

Из всего контекста книги вытекает, что эти две ветви противопоставляются друг другу. Советская социалистическая культура Казахстана, развивающаяся в передовых многообразных жанрах, осваивающая новую тематику, выглядит в свете концепции Жубанова гораздо слабее, бледнее, чем все эти музыканты прошлого.

Мне представляется, что если бы все эти музыканты прошлого появились на сегодняшнем собрании, то они предъявили бы Жубанову большой счет, они сказали бы: «Ты нас сравниваешь с Бетховеном и Чайковским, как тебе не стыдно, когда наша культура за годы советской власти достигла такого высокого уровня, о некотором мы не могли и мечтать, мы были неграмотными, мы были людьми, жившими в условиях эксплуататорского, феодального строя и надо ли нас противопоставлять этой свежей, здоровой социалистической культуре?»

Много вытекает уроков из всей этой истории. Я хотел бы остановить внимание присутствующей в этом зале молодежи на одном: человек, не вооруженный марксистско-ленинской наукой, при всем своем, даже искреннем субъективном побуждении, неизбежно будет допускать ошибки в больших или меньших масштабах.

Если мы проанализируем с этой точки зрения, с точки зрения марксистско-ленинской науки «работы» Жубанова, то обнаружим, что ни знания исторических условий объединения казахского и русского народов, ни знания ленинских и сталинских положений о двух культурах в условиях классового общества, ни знания учения тов. Сталина о социалистической культуре, ни элементарных знаний в области марксистско-ленинской науки у него не было и нет. Это явилось главной, основной причиной, которая привела его в болото буржуазного национализма (Аплодисменты).

Председатель: Объявляется перерыв.

После перерыва.

Председатель: Слово имеет тов. ЖУБАНОВ.

ЖУБАНОВ А.К.:

Товарищи, прежде всего, разрешите выразить полное удовлетворение ходом обсуждения моей книги, моей деятельности, за исключением тех товарищей, которые, действительно, своими высту-

пленениями никак не могли помочь этой большой «беде». Исходя из этого, я не согласен с тем замечанием моего «друга» Мессмана, когда он говорит: почему я улыбаюсь. Я считаю, что такой человек, как я, который имеет за своей спиной партию, которая все время направляет и где нужно исправляет ошибки, такой народ, такую публику, которая сидит в этом зале, среди которых я вижу людей, которых за 18 лет пребывания в Алма-Ате я никогда не видел, не может быть недовольным таким обсуждением.

Ведь, когда общественность обсуждает своего же человека, хочет направить его на правильный путь и если даже резко обсуждает, это его должно удовлетворять, и он не должен сидеть с похоронным лицом. Чем резче товарищи говорили, тем лучше я их воспринимал, потому что своеобразие этого обсуждения заключается в том, что, где бы не проходила дискуссия, обсуждение, в Академии ли наук, где проходила дискуссия о книге Бекмаханова или дискуссия по абаеведению, нигде не была такая постановка вопроса, которая связана с обсуждением моей книги. Здесь, помимо ошибок, допущенных мною, говорится о том, что одной из причин этих ошибок является недостаточные знания Жубанова, т.е. отставание Жубанова от жизни. Где, на какой дискуссии говорили, что Ауэзов в абаеведении допустил ошибки из-за недостатка знаний или в отношении Бекмаханова, что он допустил ошибки из-за недостатка знаний. Шокирует ли это дело меня? Нет, нисколько. Насчет этого своеобразие я дальше буду говорить. Вот такое отличие от других дискуссий, когда речь идет о принципиальных, политических, методологических, философских ошибках.

Не в порядке подхалимства говорю, таким я никогда не был, но я очень доволен тем, что здесь присутствовали и очень резко и справедливо критиковали мою деятельность представители нашей большой музыкальной мысли – представители Москвы. Эти товарищи, если бы даже пригласили на ту или иную дискуссию и обсуждение, не смогли бы найти времени для присутствия, но тут совпадение было такое, что они сегодня присутствуют. Сидящая здесь публика, видимо, поняла, что ни композитор, ни музыковед ни одной из национальных республик не может достичь значительного успеха без связи с центром большой музыкальной мысли, без Москвы. Вот в этом отношении я опять-таки доволен, что не дает мне права принять плачевную физиономию.

Для того чтобы перейти к основному выступлению, я хотел вначале дать единственную справку. Товарищи упрекали меня в том, что моя статья появилась в один и тот же день со статьей т. Тулебаева. Я, товарищи, не ведаю выпуском этих газет и никакого отноше-

ния к этому делу не имею, не знаю, как они выпускают – в один и тот же день или через день, это совершенно меня не касается.

О значении изучения и критического освоения культурного наследия прошлого мы с вами знаем по высказываниям Ленина и Сталина. О значении музыкального наследия казахского народа мы не раз с вами следили из постановлений ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Казахстана. Музыкальное наследие казахского народа очень богато, это наследие давно привлекло внимание русских этнографов, исследователей. Далеко скромный приведенный мною библиографический указатель в обсуждаемой книге достигает цифры 40, а их у меня около 100.

Я, будучи скромным самодеятельным дирижером (потому что дирижерскому искусству я не учился), в 1939 году закончил работу над книгой, которая была результатом семилетнего сбора материала о казахских народных композиторах и вышла в свет, как вы знаете, в 1942 году.

Действительно, все те ошибки, о которых здесь товарищи говорили, моя книга содержит. В чем причина этого?

Ленин учит нас открыто признавать свои ошибки, вскрывать их причины, анализировать обстановку, их породившую, обсуждать внимательно средства исправления этих ошибок. Ленин далее говорит: «это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это воспитание и обучение...».

В этой цитате Ленина речь идет об ошибках партии, но это действительно и для члена партии. Я согласен с товарищами, которые требовали, помимо моего публичного выступления, также указания причин, породивших эти ошибки. Как Вам известно, совсем недавно появилась статья в «Казахстанской правде» о героическом эпосе, об ошибках, допущенных нашими филологами в изучении этого эпоса. Совершенно правильно указано на эту статью.

В период написания этой книги и в последующие периоды, почти до выступления тов. Жданова в журналах «Звезда» и «Ленинград», на культурном фронте Казахстана была масса политических промахов в деле освещения именно наследия и литературного, и музыкального.

Совершенно правильно говорил в своей неудачной речи Е.Г. Брусиловский о статье Ауэзова, что, конечно, не дает ему права говорить, что за ошибки Жубанова отвечает и Ауэзов. За ошибки Жубанова отвечает только Жубанов.

Эта статья была неправильной, там говорилось, что в таком архаическом виде надо сохранять образцы музыкального народного творчества, т.е. филологи, историки, не хочу говорить о музыковед-

дах, так как, к несчастью, я был один, именно ошибались в том, что, анализируя прошлое Казахстана, они взяли его в таком застойном, архаичном виде, отнеслись к этому явлению не критически.

Считалось, что XIX в. Казахстана – век расцвета культуры, когда ни о каком расцвете культуры, с точки зрения марксистской, мы не можем говорить лишь потому, что не только национальная культура, казахская культура, но сама казахская нация как социалистическая нация образовалась только после Октября. Поэтому единой национальной культуры в XIX в. не могло быть.

Большинство композиторов, о которых идет речь, жили и творили в XIX в. Я не хочу обвинять литературоведов, я хочу сказать, что и я, попав в эту ошибочную концепцию, показал этих народных композиторов в таком виде, в каком есть, это не было творческое изображение, а была фотография, что ничего общего не имеет с художественным изображением. Это был именно, так называемый буржуазный объективизм, о чем здесь товарищи правильно выступали и говорили.

Самая большая ошибка в этой книге – это была ошибка именно политическая, ошибка буржуазно-националистическая, и совершенно правильно останавливались товарищи на этом – это о присоединении Казахстана к России. Мною присоединение Казахстана к России рассматривалось как начало зла.

Почему получилась такая ошибка? Именно потому, что это ходячее мнение в кругу историков, филологов, научных работников о том, что Казахстан до присоединения к России, по выражению этих людей, к числу которых я должен себя отнести, т.е. как они называли, до колонизации, казахский народ был свободен, независим. Вот это понятие, которое крепко село в голове, побудило меня к тому, чтобы написать эту грубо-ошибочную концепцию.

В то время, как говорили здесь товарищи, существовало две России – Россия царя и помещиков и Россия демократическая, народная Россия. Никогда в своей истории казахи не были против русского народа, казахи, которые имеют общность территории с Россией, много переняли от русских, они с огромным уважением относились к русскому народу. Примеров этого очень много, и я не буду ими вас задерживать.

Появление просветителей Чокана Валиханова, Абая Кунанбаева и Ибрая Алтынсарина явление не случайное. Появление этих личностей свидетельствует о том, что присоединение Казахстана к России имело только плодотворное влияние. Даже я сам, начиная свое учение в школе в 1913 г., учился по букварю Ибрая Алтынсарина,

написанному по-казахски русским шрифтом. Только теперь наши лингвисты, после перехода на латинский шрифт, перешли на русский шрифт, а Ибрай Алтынсарин, хоть и неудобно говорить, опередил их на несколько десятилетий.

Зная историю таких людей, которые были просветителями казахского народа, олицетворявших дружбу с великим русским народом, я ни слова не сказал об этом в своей книге.

Таким образом, ошибочные понятия, совершенно не обоснованные, наукообразные высказывания доисторической науки о большом зле присоединения Казахстана к России я совершенно без всякой критики перенес в свою книгу.

Надо сказать, что в период сдачи в печать этой книги даже I том 1-го издания истории Казахской ССР не появился в свет. Поэтому ссылаться на какие-то исторические учебники я не мог. За свои ошибки целиком и полностью отвечаю я. Никакое ошибочное и неправильное издание истории Казахской ССР не ответственно за мои ошибки.

Второй вопрос – вопрос о национальных движениях. Марксизм учит нас тому, что не все национальные движения прогрессивные. Есть движения феодально-монархические, вроде движения Кенесары, который выступил против русских не для того, чтобы дать свободу казахам, а для того, чтобы увековечить феодально-монархический образ жизни в Казахстане.

Были и другие движения, например, национально-освободительное движение Исатая Тайманова, которое было оценено как положительное движение. Я, совершенно не разобравшись в разнице этих движений, представлял все движения как прогрессивные.

Замечательное высказывание Энгельса о том, что Россия по отношению к Востоку играет прогрессивную роль, мною не было принято во внимание. Иначе не имело бы место тому высказыванию, где я говорю, что с колонизацией казахских степей право на свободу казахов было закончено.

Далее вопрос классового подхода к каждому композитору. Увлекаясь музыкальным даром народных композиторов или их исполнительским мастерством, я совершенно не взял во внимание, что не все эти композиторы сыграли положительную роль в народно-музыкальной культуре Казахстана.

Ахансеры был не совсем чистоплотен морально, а я его возвел в народные композиторы.

По последним данным, Жаяу Муса, так же представленный в моей книге, будучи в карательном отряде генерала Черняева, свя-

зался с английским консульством в одной из сегодняшних демократических республик с не совсем чисто плотными мыслями.

Мною также не разобрана классовая философия многих других композиторов. Взять композитора Биржана. Ведь Биржан в своем состязании с поэтессой Сарой восхвалял феодальные порядки степного диктатора Кунанбая – отца Абая.

У него с начала и до конца было восхваление казахского родового строя и казахского байства. А об этом ничего мною не сказано, взята только одна положительная сторона.

Также и Даулеткерей. Не сразу он сочинил кюю «Жигер». Последние архивные данные говорят, что один из русских этнографов побывал у Даулеткерей и описал подробно его взгляды. Не буду задерживать ваше внимание, но должен сказать, что очень многие материалы проливают совершенно другой свет, а иногда даже переворачивают наше понятие об этих композиторах. Так, годы рождения и смерти Курмангазы совершенно меняются, прибавляются новые материалы и положительного, и отрицательного характера о его жизни и деятельности.

А мною все эти композиторы обрисованы только в розовом свете, что было совершенно неправильно. Также я считаю совершенно правильными указания В.С. Виноградова, что нет ни одного слова о призывах к дружбе русского и казахского народов, которые имелись даже в творчестве этих 18 композиторов, не надо искать других.

Опять-таки, откуда явилась такая ошибка? Она явилась потому, что, как совершенно правильно указывается, мы – историки увлеклись прошлым, считая эти явления в Казахстане явлениями неповторимыми. Поэтому я дошел до того, что дал оценку Курмангазы как «сверхчеловеку».

Когда товарищи говорили о том, что моим методом исследования был метод признания единого потока – концепции Веселовского, которая давно осуждена нашей партией, товарищи в этом были правы. В этой книге от начала и до конца казахская культура взята как культура единого потока, замкнутая, не имеющая никакой связи с великим русским народом, не говоря о других смежных народах. Но ведь факты говорят о другом.

Почему так получилось? Потому что буржуазный национализм, который имел место в изучении культуры прошлого в Казахстане, имел место и при изучении этих композиторов.

Здесь говорил П.В. Аравин о философских ошибках, что я не понял теории отражения, что я в своей книге считал, что если композитор выходец из зажиточной семьи, то творчество его аристократическое, а если он бедняк, творчество его демократическое. Конечно, такого рода вульгаризация марксизма могла быть порождена толь-

ко тем, что я недостаточно овладел или, скорее всего, не овладел методом марксизма-ленинизма, иначе не появились бы такие досадные ошибки.

Товарищи совершенно правильно указали на теоретическую несостоятельность этой книги. Попытка дачи формального анализа не увенчалась успехом. Действительно, вся эта попытка является бессмысленной. Товарищи приводили примеры. Для того чтобы дать теоретический музыкальный анализ, я не имел достаточных сил, достаточного пороха, достаточной подготовки. Товарищи совершенно правильно об этом сказали. Товарищи говорили о том, что Жубанов не имеет законченного высшего образования. В этом ли дело? Делаются ли ошибки только по незнанию? Где это сказано? Политические, теоретические, философские, методологические ошибки делаются ли только по незнанию. Я согласен с вами. Получив музыкальное образование в Ленинграде, где я учился у таких видных профессоров, как Кушнарков, Чернов, Тюлиц и др., приехав в Казахстан, я не мог систематически работать или не работал над собой, благодаря моим административным увлечениям. А тов. Жданов говорил, что кто не работает над собой, не растет каждый день, идет в тираж. Это еще хуже, чем не иметь образования. Именно поэтому эта работа не имела достаточно глубокого музыкального анализа, хотя бы попытки именно дать это.

Другое условие, которое не является решающим фактором, но о нем нельзя не говорить. Сегодня Мариан Викторович Коваль совершенно правильно указал на беспринципность Е.Г. Брусиловского. Евгений Григорьевич в своем выступлении правильно говорил, что не помог Жубанову. Он не только не мог, а все время толкал Жубанова на то, чтобы он отставал. Он правильно признается в этом. В период написания этой книги, действительно, Жубанов был очень замкнут, он не получил помощи от передовой музыкальной общественности Казахстана. Ведь мало критиковать, но надо еще и помочь.

Были и такие выступления, очень резкие выступления товарищей и справедливых товарищей, что Жубанов больше не нужен. Из выступлений некоторых товарищей можно было понять, что они предлагали разоблачить буржуазно-националистические ошибки Жубанова, но ему помочь в дальнейшем стать на ноги. Об этом говорил тов. Коваль, но, к великому сожалению, в Казахстане такой постановки вопроса у нас еще не было.

Тов. Хамиди говорил в своем выступлении, что у нас Союз композиторов здоров. Кто сказал ему, что Союз здоровый. Именно он нездоровый.

Не подумайте, что я принимаю выступление тов. Тулебаева как дискредитацию меня. Наоборот, это выступление поскольку вызвало внимание общественности, было правильным выступлением, за которым последовала такого рода обстановка, которая только может помочь Жубанову. Я должен сказать к сведению товарищей из Москвы, что никто в Союзе этого не делал.

Период написания этой работы был таким периодом, что Жубанову трудно было обращаться за помощью, а всего у нас было немного народу, это был Брусиловский и еще 2-3 товарища, которые не занимались изучением казахской музыки. Но это не было решающим фактором, породившим ошибки этой работы. Ошибки этой работы порождены тем, что я, попав под влияние такого рода неправильного представления о прошлом Казахстана, культивируемого нашими историками, филологами и другими исследователями Казахстана XIX века, совершенно некритически принимал эту поточную концепцию, допустил эти ошибки.

Не собираюсь оправдываться тем, как говорила Дернова, что я написал эту работу как «между делом безделье», чтобы ее читали оркестранты (а ведь работа не пишется для 12 человек), я не хочу также облегчать свою вину тем, что эта работа написана 12 лет тому назад. Ошибки остаются ошибками.

Я считаю, что статья тов. Омарова, статья тов. Тулебаева и статья на страницах «Ленинской смены» – эти статьи, которые очень помогают нам не только как музыковедам, но и помогают в дальнейшем освежить обстановку, ибо я, будучи на многих высоких постах, забыл о том, что надо работать над собой. Я был похож на Ходжу Насреддина, которому мешали дети, и чтобы от них избавиться, он им сказал: «бегите вон туда, там дают конфеты». Потом он подумал, а может быть, действительно там дают конфеты, и сам побежал туда же. Вот это – те «конфеты», которые были даны мне как повод подумать, что я, быть может, действительно гениальный человек, а зачем гениальному человеку дальше заниматься, работать над собой, когда и без этого можно быть директором, заведующим сектором, быть членом художественного совета, быть членом Ученого совета, различных комиссий и т.д. Вот именно такая «хорошая жизнь» привела к такому драматическому событию, о чем совершенно правильно сказал М.В. Коваль.

Я не буду говорить о том, что наш Союз не работает, об этом товарищи совершенно правильно говорили, не буду говорить о том, что здесь в нашей консерватории работа идет неправильно. Критика и самокритика как в Союзе и в консерватории, так и вообще у

нас, на музыкальном фронте, не в почете. Совершенно правильно об этом здесь говорили.

Я считаю, что, несмотря на то, что со времени выхода этой работы нас отделяет 10 лет, даже такое запоздалое обсуждение в основном, по моему мнению, даст очень много казахскому музыковедению, если в дальнейшем мы сделаем для себя правильный вывод.

Совершенно правильно показано в статье тов. Тулебаева, что за эти 10 лет Жубанов не делал ничего. Конечно, имея такое многоэтажное здание, титулы, я не сдавал за эти годы каких-либо значительных работ. Это, конечно, преступно для советского исследователя, и я считаю, что газета совершенно правильно это отмечает.

Казахское музыковедение может найти правильный путь только тогда, когда, как говорили товарищи, оно будет идти, разоблачая на своем пути проявления буржуазного национализма, космополитизма, буржуазного объективизма и других неприятных вещей. Я думаю, что советы моих товарищей о том, что Жубанову нужно поднять свой уровень, совершенно правильны: век живи, век учись, кто же будет возражать против того, что надо учиться.

Я думаю, что сидящие здесь товарищи из нашей композиторской организации, представители республиканских, городских организаций примут во внимание эти выступления товарищей, также и мое, для того, чтобы создать в конце концов Жубанову такую обстановку, чтобы он мог работать над собой в дальнейшем, а не запрягать его во все виды саней, телег, и т.д. Этим самым я не хочу сказать, что они виноваты в моем отставании или в моих ошибках. Совершенно нет. Как я говорил вначале, за все это должен отвечать один я. Как и сидящие здесь товарищи видели и слышали, как вообще мы выглядели, так называемый народ – авангард музыкального фронта. Брусиловский ли, Хамиди ли, Тулебаев ли, мы все поголовно еще не овладели тем оружием, которое нужно всем советским гражданам, а именно оружием марсизма-ленинизма, для того чтобы разобраться во всех больших и малых вопросах. Это мы доказывали здесь своими выступлениями, как мы относимся к делам организационным, как мы относимся к критике к самокритике.

Я считаю, что повседневно поднимая свой идейно-политический и музыкально-теоретический уровень, мы выйдем на правильную дорогу в казахском музыковедении.

Дело заключается не только в одной книге Жубанова, хотя, правда, многое заключалось в ней, в том, что она много вредила, но здесь речь идет, как говорил тов. Виноградов, о судьбе казахского советского музыковедения. Поэтому я принимаю все самые острые замечания, как бы это не было тяжело, может быть, даже неприятно для

сидящих здесь, я принимаю все самые критические высказывания товарищей в мой адрес.

Я обещаю, что при помощи ЦК КП(б) Казахстана, при помощи нашей музыкальной общественности и при помощи нашей большой московской музыкальной науки я буду заниматься в дальнейшем над собой, ибо учиться никогда не поздно, вчера об этом правильно говорил тов. Тулебаев, и это азбучная истина.

Я думаю, что следующая моя работа, а такая работа будет, покажет нашей общественности, что я сдержал свое обещание. Постараюсь, чтобы общественный вексель, который дан мне, не пошел на протест.

Тов. Сталин говорит, что наша страна с ее революционными навыками и традициями, с ее борьбой против косности и застоя мысли представляет наиболее благоприятную обстановку для расцвета науки.

Это абсолютно верно. Есть все условия к тому, чтобы Жубанов, о котором очень много здесь говорилось отрицательного, и совершенно правильно, потому что положительное в моей биографии никто не отнимет, выполнит свои обещания, о которых я говорил здесь.

Я буду бороться с собственными, ошибками, как буржуазно-националистическими, так и иными, а также с ошибками других товарищей, ибо без окончательного разоблачения своих собственных ошибок и ошибок других невозможно иметь в Казахстане настоящее советское музыковедение!

Разрешите на этом закончить. (Аплодисменты).

Товарищ Иванов-Сокольский: Слово имеет тов. АХМЕТОВ – начальник управления по делам искусств.

АХМЕТОВ С.А.:

Товарищи, большевистская партия и лично тов. Сталин проявляют огромную заботу о советской литературе и искусстве. Ярким свидетельством этого является историческое решение ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и дискуссии, проведенные по инициативе тов. Сталина по вопросам философии и языкознания. Исторический труд тов. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» вооружил работников идеологического фронта новым оружием за чистоту марсистско-ленинской теории. Выступление Центрального органа «Правда» «За марсистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» помогло работникам идеологического фронта нашей республики в разоблачении буржуазно-националистических извращений в исторической науке, в литературоведении и музыка-

ведении. В частности, разоблачен Бекмаханов, протаскивавший в историю Казахстана феодально-монархическое движение злейшего врага казахского народа хана Кенесары Касымова, показав это движение как якобы народное, прогрессивное.

ЦК Компартии Казахстана, придавая огромное значение идеологической работе в нашей республике, как известно, принял ряд решений: «О работе Института языка и литературы», «О работе в литературоведении», «О состоянии и задачах дальнейшего развития театрального искусства республики», о реализации выступления газеты «Правда». Последний пленум ЦК(б)К специально был посвящен идеологическим вопросам.

Все это является огромной заботой, помощью партийных организаций в дальнейшем развитии истории и искусства, за их идейную чистоту, за чистоту идей Маркса-Энгельса, Ленина-Сталина.

Из всех этих партийных решений мы, работники искусства, должны сделать необходимые правильные выводы и по-большевистски исправлять допущенные политические ошибки и националистические извращения; до конца очистить наше родное советское искусство и музыковедение от всего того ненужного хлама, который засоряет сознание советских людей, и освещать опыт и достижения театрального искусства с марксистских позиций.

Совершенно правильно воспринимая помощь, оказанную республиканской партийной печатью по вопросам музыковедения, мы должны, безусловно, острее и жёстче критиковать грубейшие политические ошибки и буржуазно-националистические извращения тов. Жубанова, допущенные им в области музыковедческой работы.

Тов. Жубанов своей книгой «Жизнь и творчество казахских композиторов», как многие здесь товарищи отметили, нанес огромный вред музыковедческой работе и воспитанию молодого поколения, протаскивая чуждые нам политические и националистические идеи.

На мой взгляд, главные ошибки тов. Жубанова заключаются в следующем:

1) отрицание прогрессивного значения присоединения Казахстана к России, пропаганда антирусских настроений, извращение истории народов;

2) восхваление, воспевание старого из далекого прошлого феодально-родового быта и феодальной междуусобицы, проводимых когда-то казахских феодалами, султанами и ханами в своих классовых интересах;

3) как следствие этого, несостоятельность философско-теоретического базиса книги А. Жубанова. Поэтому вполне понятно, что книга не может быть использована как учебное пособие.

Эти ошибки тов. Жубанова буржуазно-националистического характера правильно освещены в докладах и выступлениях товарищей. Особенно правильно, как мне кажется, поставил вопросы М. Коваль – секретарь Союза композиторов СССР.

Каждому из нас известно чрезвычайно огромное, преобразующее значение присоединения Казахстана и России. Казахское советское музыкальное искусство во многом обязано великой русской музыкальной культуре, и в дальнейшем мы должны воспитывать наши музыкальные кадры на традициях русской классической и советской музыки, в духе пролетарского интернационализма, в духе нерушимой сталинской дружбы народов.

Вот почему основной тезис тов. Жубанова – отрицание прогрессивного значения присоединения Казахстана к России, является глубоко ошибочным, содержащим националистические извращения.

В книге тов. Жубанова, как многие товарищи говорили, большое место отводится воспеванию и анализу всевозможных родовых корней и истоков музыкальной культуры Казахстана, воспеванию феодально-байских певцов и композиторов. Не было бы ли лучше тов. Жубанову при освещении этого вопроса исходить в каждой нации из двух культур – демократическо-социалистической и феодально-реакционной.

Как следствие всего этого, тов. Жубанов оказался в плену неомарксистско-ленинской концепции, наносящей огромный вред делу воспитания музыкальной молодежи нашей республики, а поэтому вся теоретическая база этой книги оказалась несостоятельной.

Товарищи, наша большевистская партия и тов. Сталин учат нас, что без критики и самокритики нет продвижения вперед.

Задача нашего собрания заключается не только в том, чтобы тов. Жубанова утробить или совсем сбросить его со сцены музыковедческой работы, а помочь тов. Жубанову глубоко осознать и исправить свои собственные ошибки не на словах, а на деле.

На страницах печати и в своем выступлении на этом собрании тов. Жубанов признает свои ошибки, но непростительным, однако, я считаю, что он в печати и в сегодняшнем выступлении не сказал, как он будет исправлять свои ошибки, в какой срок он даст другой труд по музыковедению, основанный по марксистско-ленинской теории и на великой дружбе народов нашей страны.

Необходимо тов. Жубанову приступить к выполнению этой задачи. Не скрывая от собрания, мы можем сказать, что тов. Жубанов мало трудится. В консерватории тов. Жубанов работает не с полной нагрузкой и давно мог бы за эти 10 лет, если бы захотел, переработать свою книгу или хотя бы пересмотреть свою ошибочную политическую позицию. Мы должны сегодня потребовать от тов. Жуба-

нова в дальнейшем, не на словах, а на деле исправить свои ошибки и отчитаться перед нашей общественностью.

Товарищи, на фоне определенных достижений и успехов за 34 года музыкального искусства Казахстана, имеющего, как известно сидящим здесь товарищам, 9 человек – композиторов, певцов, удостоенных высокого звания лауреата Сталинской премии, 4-х работников – лауреатов, участников международного фестиваля студенческой молодежи, имеющего свою национальную опору, симфоническую музыку и другие жанры музыкального искусства, которых не знал казахский народ по Великой Октябрьской социалистической революции.

Однако всестороннее изучение казахской музыки, истории музыкальной культуры Казахстана, обобщение опыта и работы музыкальных театров и музыкальных учреждений, научная разработка их у нас отстает, за что, безусловно, повинно Управление по делам искусств и лично я как руководитель этой организации, Союз композиторов – тов. Брусиловский и сектор искусствоведения Академии Наук. У нас непосредственно занимаются музыковедческой работой, Союз композиторов, сектор искусствоведения Академии наук и Консерватория. К сожалению, до сего времени эти организации ничего не сделали по этому вопросу.

Музыковедческие кадры в гор. Алма-Ата чрезвычайно малочисленны. Тем более этим 3-м организациям, которые занимаются непосредственно музыковедческой работой, следовало бы планировать свою работу совместно, рационально использовать имеющиеся кадры, организовать их работу так, чтобы они эффективно работали и создавали труды, необходимые для дальнейшего развития музыкальной культуры в нашей республике.

Мне кажется, к этой работе надо привлекать, кроме т. Жубанова и Ерзаковича, и преподавателей Консерватории, историков музыки, и только тогда мы сможем решить эту важную задачу.

Теперь, товарищи, я хочу сделать несколько замечаний по отдельным выступлениям.

Тов. Брусиловский в своем выступлении старался оправдать себя.

Для этого он привел ряд примеров, даже художественно обрисовал то положение, что в Союзе композиторов нет условий, что он является в течение нескольких лет внештатным председателем Союза композиторов и не получает зарплаты, что первый секретарь ЦК КП(б)К тов. Шаяхметов и секретарь ЦК КП(б)К тов. Омаров не помогли в представлении комнаты для Союза композиторов, поэтому он не занимался вопросами общественной музыковедческой работы. Да и как же заниматься, когда Брусиловскому ничего не

платят за председательство в Союзе композиторов. Вот как объясняет положение тов. Брусиловский. Мне кажется, это непринципиальное выступление со стороны тов. Брусиловского. Разве, товарищи, в этом суть? Суть вопроса заключается в том, чтобы принципиально разоблачить буржуазно-националистические ошибки тов. Жубанова, который занимается общественной музыковедческой работой. Как известно, тов. Брусиловский работает в Казахстане немало лет. Он казахскую музыку знает, однако, он не помогает в развитии казахской музыкальной культуры, в вопросах теоретического обобщения музыкальной культуры Казахстана.

Я думаю, товарищи, что не ошибусь, если скажу, что сегодняшнее наше собрание является первым острым собранием, критиковавшим по большевистски грубейшие политические ошибки в области музыковедческой науки.

Это собрание поможет нам, в известной мере, активизировать деятельность Союза композиторов, деятельность сектора искусствования Академии наук КазССР, деятельность нашей Консерватории и поможет в Казахстане создать действительно научные труды по музыковедению и тем самым освещать пути дальнейшего развития казахской советской музыкальной культуры! (Аплодисменты)

Председатель: Слово для справки имеет тов. ЕРЗАКОВИЧ.

ЕРЗАКОВИЧ Б.Г.:

Моя справка внешне касается как будто лично меня, но я рассматриваю ее так, что она относится не только ко мне, а к известной попытке некоторых товарищей замазать ростки какого бы то ни было музыковедения в Казахстане. Я говорю об одной части выступления председателя Союза композиторов тов. Брусиловского.

Вчера я впервые услышал удивительную метаморфозу мнения о моей диссертационной работе «Народные песни Казахстана» от руководителя кафедры теории и композиции тов. Брусиловского. Высказанное вчера суждение по давнему вопросу является образцом неискренней, лицемерной критики, образцом применения к давней конъюнктуре. Я полагаю, что тов. Брусиловский в данном случае подходит на одного непривлекательного героя чеховского рассказа, которому то холодно, то жарко, то сквозит, то душно. В самом деле, в чем же дело?

В январе этого же года я свою диссертацию представил для обсуждения кафедре теории и композиции консерватории. Кафедра серьезно обсуждала ее 2 раза, внесла серьезные поправки, в основ-

ном которые я принял, и стал дорабатывать диссертацию. Далее, в апреле месяце, когда было довольно жарко, кафедра рекомендовала мою работу для защиты. Как известно, в апреле месяце этого года состоялась моя защита, на которой присутствовал тов. Брусиловский. Как известно, на защите он не считал необходимым, очевидно, по конъюнктуре, выступить с критикой моей работы и с чем он не согласен. Более того, он представил свой отзыв о моей диссертации, в котором писал (я читаю из подлинника его отзыва): «Работа композитора-этнографа Ерзаковича представляет значительный научный, исследовательский и этнографический интерес. Одним из главных достоинств диссертационной работы Ерзаковича является определение им новых песенных жанров, возникших в казахском народе после Великой Октябрьской социалистической революций»... и далее (я делаю пропуск): «работа тов. Ерзаковича должна быть настольной книгой не только для каждого композитора, работающего в Казахстане, но и обязательной книгой в библиотеках казахских музыкальных училищ, филармонии, Оперного театра для содействия и правильной ориентации в работе над изучением казахской музыки, по моему мнению, эта работа достойна присуждения ученой степени».

Теперь в октябре месяце, когда стало холодно, дует суровый ветер настоящей большевистской критики, тов. Брусиловский, исходя из создавшейся новой конъюнктуры, говорит, что диссертационная работа ничего практического не дала и в ней только прописные истины. Я прошу уважаемое собрание помочь тов. Брусиловскому разобратся в конъюнктурах, в которых он явно запутался.

Председатель: Теперь нам надо принять резолюцию собрания.

Слово для зачитания проекта резолюции имеет тов. Иванов-Сокольский.

(Тов. Иванов-Сокольский зачитывает резолюцию)

Председатель: Какие будут замечания?

КОВАЛЬ М.В.:

Мне кажется, что эту резолюцию необходимо немного расширить, потому что здесь был высказан целый ряд исключительно важных вопросов, в том числе вопросов воспитания новых кадров.

У меня создается впечатление, что эта резолюция узко ограничивается вопросами казахского музыкального искусства. Я считаю, что музыковеды Казахстана обязаны обсуждать все вопросы, касающиеся нашего музыкального искусства.

Во-вторых, мне кажется, что в этой резолюции должна быть резко расширена критика Союза композиторов Казахстана и секретариата Союза композиторов СССР. Я считаю, что вопрос о руководстве союзом в целом – это вопрос исключительной важности.

Затем, мне кажется, нужно обратиться к вышестоящим организациям об оказании немедленной конкретной помощи Союзу композиторов Казахстана, ибо пока эта организация беспризорная.

Председатель: Я думаю, что предложения тов. Коваль надо принять и поручить президиуму сформулировать эти предложения. Возражений нет? (Нет) Предложение принимается.

Тов. ЖАМАНБАЕВ:

У меня такое замечание: в резолюции говорится о достижениях в области советской музыки, а у нас на повестке обсуждение статей о книге тов. Жубанова, поэтому надо начать с того, что «статьи в газетах собрание считает совершенно правильными», а потом указать, какие допущены ошибки в книге тов. Жубанова.

Потом в этой резолюции не учитываются выступления товарищей на данном собрании. Мне кажется, что резолюция составлена заочно и формально и некоторые предложения в нее совсем не включены. Поэтому я прошу, чтобы все замечания были учтены при разработке этой резолюции.

Председатель: Если в первую часть резолюции включены достижения музыкального искусства, то особенного плохого в этом ничего нет, это не испортит резолюцию, ее значение и остроту. Мне кажется, что эту часть можно оставить. Ставлю на голосование: Кто за то, чтобы принять первое предложение тов. Жаманбаева? (меньшинство). Кто за то, чтобы оставить эту часть революции? (большинство). Теперь относительно второго предложения тов. Жаманбаева. Я считаю, что это предложение правильное, поэтому необходимо поручить президиуму все ценные предложения, которые выносились на собрании, включить в резолюцию. Возражений нет? (Нет). Еще какие замечания?

С места: Многие студенты выражают желание, чтобы стенограмма данного общего собрания была размножена, так как здесь затронуто много серьезных вопросов, требующих проработки.

Председатель: Консерватория намечает провести специальное общее собрание студентов и на этом собрании сделать доклад по данному вопросу. Кроме того, намечается провести ряд лекций по этому вопросу.

Что же касается того, чтобы размножить стенограмму, то это техническая сторона дела и записывать этого в резолюцию не будем.

Голоса: Правильно.

– Какие еще будут замечания?

(Замечаний нет).

Тогда есть предложение принять проект резолюции за основу, так как она требует серьезной переработки.

Кто за это предложение, прошу поднять руки.

Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принимается единогласно.

Окончательная редакция резолюции поручается президиуму данного собрания.

Разрешите на этом собрание считать закрытым.

РЕЗОЛЮЦИЯ

общего собрания работников управления по делам искусств при Совете Министров Казахской ССР, Союза советских композиторов Казахстана, Сектора искусствоведения Академии Наук КАЗССР, Алма-Атинской Государственной консерватории, состоявшегося 18 и 19 октября 1951 года

Заслушав и обсудив в связи с опубликованными статьями: «За дальнейший подъем музыкальной культуры Казахстана» (ст. И.О. Омарова в газете «Советское искусство» от 15 сентября 1951 г.), «О неправильном направлении в музыковедении Казахстана» (ст. И. Тулебаева в газете «Казахстанская правда» от 28 сентября 1951 г.), «Улучшить преподавание истории казахской музыки в Консерватории» (ст. Розанова в газете «Ленинская сцена» от 11 октября 1951 г.) и «Мои грубейшие ошибки в области казахского музыковедения» (ст. А. Жубанова в газете «Социалистик Қазақстан» от 23 сентября 1951 г.), доклад представителя Союза советских композиторов Казахстана – музыковеда тов. П.В. Аравина «О буржуазно-националистических извращениях в музыковедении Казахстана», общее собрание констатирует:

1. За истекшее десятилетие музыковедение Казахстана, благодаря антинаучной и реакционной линии А. Жубанова, оказалось на ложной пути.

В музыковедении Казахстана сложилось и укоренилось вредное буржуазно-националистическое направление, ярко выраженное в музыковедческих «трудах» доктора искусствоведческих наук, проф. Жубанова.

2. Труды А.К. Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов» (1942 г.), «Музыкальная культура казахского народа (1946 г.) и «Музыкальное искусство Центрального Казахстана» (1950 г.) пронизаны тлетворным духом буржуазно-националистической идеологии, выраженной в следующем:

а) в отрицании прогрессивного значения добровольного и мирного присоединения Казахстана к России;

б) в попытке оторвать казахскую музыку от плодотворного влияния русской классической, народной и советской музыкальной культуры;

в) в воспевании и возвеличивании главарей феодально-монархических движений, злейших врагов казахского и русского народов, ханов Аблая, Кенесары, Наурызбая и др.;

г) в идеализации феодально-байского уклада, культуры и быта;

д) в преклонении перед антимарксистской теорией «единого потока», отрицающей борьбу демократических и реакционных элементов внутри каждой национальной культуры;

е) в извращении идейного и творческого облика народных композиторов в результате применения вульгарно-социологического метода анализа их творчества;

ж) в преднамеренном извращении и фальсифицировании исторической действительности и подтасовывании несуществовавших фактов в истории казахского народа, в целях подтверждения своей ложной концепции об «исторической достоверности песен и кюйев».

Указанные «труды» А.К. Жубанова нанесли огромный вред идейному марксистско-ленинскому воспитанию молодых музыкальных кадров, выпускаемых Консерваторией, значительно задержали развитие музыковедения в Казахстане и тормозили рост и развитие музыкальной культуры Советского Казахстана.

Все это явилось следствием того, что А. Жубанов засекал свои «труды», своевременно не разоблачив свои вредные буржуазно-националистические ошибки, несмотря на многочисленные, систематические сигналы критики в печати и на собраниях. В Союзе композиторов и Алма-Атинской государственной консерватории А.К. Жубанов установил аракчеевский режим зажима критики и самокритики.

Работа секции критики и музыковедения в Союзе советских композиторов Казахстана, руководителем которой являлся А.К. Жубанов, находится в состоянии полного застоя – отсутствовали творческие дискуссии, обсуждения теоретических и творческих вопросов в области казахского научного музыкознания и музыковедения. Молодые музыковеды не привлекались к научной работе.

Правление Союза советских композиторов Казахстана и лично председатель правления тов. Брусилловский не проявляли руководящей роли в работе секций, не контролировали их деятельность, что привело к ослаблению работы в ССК Казахстана.

Собрание отмечает, что во всех других областях общественной и служебной деятельности тов. А.К. Жубанова (Алма-Атинская государственная консерватория и сектор искусствоведения Академии наук КазССР) существовал полный застой и сковывалась творческая инициатива, а также зажималась самым грубым образом критика и самокритика.

Собрание отмечает, что, благодаря порочной деятельности А.К. Жубанова с его недостаточными знаниями как в области музыкально-теоретической, так и в области марксистско-ленинской теории, фактически музыковедения в Казахстане нет.

Значительную ответственность на подобное состояние музыковедения в Казахстане несут Управление по делам искусств при Совете Министров КазССР, правление Союза советских композиторов Казахстана, ученый совет Алма-Атинской государственной консерватории и сектор искусствоведения Академии наук КазССР.

Руководствуясь историческими постановлениями нашей партии по идеологическим вопросам и, в частности, постановлением ПК КП (б) Казахстана от 10 апреля 1951 г., общее собрание постановляет:

1. Статьи, опубликованные в газетах «Советское искусство», «Казахстанская правда» и «Ленинская смена», признать своевременными и правильно отражающими истинное положение в музыковедении Казахстана и в деле преподавания истории казахской музыки в Алма-Атинской государственной консерватории.

2. Осудить буржуазно-националистическое направление в музыковедении Казахстана как несовместимое с принципами большевистской партийности и марксистско-ленинским учением об искусстве.

3. Осудить порочную деятельность тов. Жубанова как музыковеда, профессора по истории казахской музыки, руководителя секции критики и музыковедения Союза советских композиторов Казахстана и директора Алма-Атинской государственной консерватории и просить вышестоящие органы принять соответствующие меры к прекращению буржуазно-националистической и космополитической деятельности А. Жубанова в научном музыкознании и музыковедении Казахстана как преподавателя истории казахской музыки в Консерватории, как носителя «бекмахановщины» в музыкальной науке и зажимщика критики и самокритики в его практической деятельности на посту руководителя высшим музыкальным учебным заведением в Казахстане.

4. Просить соответствующие и вышестоящие органы о запрещении и изъятии из всех библиотек Казахской республики вредных в идеологическом отношении книжек А.К. Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов», «Музыкальное искусство Центрального Казахстана» и его доклад на 1 научной сессии Академии наук Казахской ССР в 1946 году на тему «Музыкальная культура казахского народа».

5. Призвать всех деятелей советского музыкального искусства Казахстана решительно усилить борьбу против антимарксистских извращений истории культуры и искусства казахского народа.

6. Просить Управление по делам искусств при Совете Министров Казахской ССР и Академию наук Казахской ССР организовать в самое ближайшее время создание учебника по истории казахской музыкальной культуры.

7. Рекомендовать Союзу советских композиторов Казахстана перестроить работу секции критики и музыковедения путем укрепления руководства, развертывания широких дискуссий и обсуждений важнейших вопросов казахской музыки и решительно оживить всю творческую деятельность ССК Казахстана.

8. Рекомендовать Ученому совету Консерватории в ближайшее время рассмотреть вопрос о работе кафедры истории музыки и принять меры к исправлению допущенных ошибок в преподавании истории музыки.

9. Рекомендовать сектору искусствознания Академии наук КазССР принять необходимые меры для усиления подготовки научных кадров в области искусствознания через аспирантуру Академии наук.

10. Считать необходимым усилить руководство деятельностью Союза советских композиторов Казахстана со стороны руководства правления и секретариата Союза советских композиторов СССР, которое до сих пор было слабым и поверхностным.

ГЛАВА 4

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ (отдельные выдержки) по обсуждению книги Ахмета Жубанова 15 июня 1943 года и 18-19 октября 1951 года

Сравнительный анализ выступлений по обсуждению книги Ахмета Жубанова на заседании Ученого совета Казахского Филиала Академии наук СССР 15 июня 1943 г. по вопросу: «О возбуждении ходатайства перед ВКВИ при СНК СССР об утверждении в ученой степени доктора искусствоведческих наук без защиты диссертации Ахмета Жубанова» (Председатель Ученого совета – профессор М.И. Горяев. Официальные оппоненты: академик АН СССР И.И. Мещанинов, член-корреспондент АН СССР С.Е. Малов, профессор М.О. Ауэзов, профессор М.А. Скорульский) и на заседании по обсуждению статей т. Омарова И.О. «За дальнейший подъем музыкальной культуры Казахстана» («Советское искусство» от 15 октября 1951 г.), тов. ТУЛЕБАЕВА М.Т. «О неправильном направлении в музыковедении Казахстана» («Казахстанская правда» от 28-го сентября 1951 г.), т. Жубанова «Мои грубейшие ошибки в области казахстанского музыковедения» («Социалистік Қазақстан» от 28 сентября 1951 г.), организованном Союзом советских композиторов Казахстана, сектором искусствоведения АН КазССР, Управлением по делам искусств при Совете Министров КазССР и Алма-Атинской государственной консерваторией, которое состоялось 18 и 19 октября 1951 г. в помещении концертного зала Консерватории (Председатель – С.А. Ахметов. Присутствовало 200 человек, выступлений – 15. На заседании присутствовали руководители Союза композиторов СССР: – М.В. Коваль секретарь ССК СССР, Г.И. Литинский – председатель секретариата ССК СССР, В.С. Виноградов – председатель ССК СССР).

Выступления композитора Е.Г. Брусиловского на обоих заседаниях с перерывом в 8 лет – 15 июня 1943 г. и 18 октября 1951 года.

15 июня 1943 г.

В переживаемое нами время, когда наши враги все усилия направляют на разгром нашей национальной культуры, на искоренение культуры на всей земле, очень положительным и своевременным является выдвижение А.К. Жубанова на соискание ученой степени доктора искусствоведческих наук.

Дело в том, что тов. Жубанов в условиях Казахстана является единственным музыкальным исследователем-ученым, который без всякой помощи, без возможности с кем-то обсудить ту или иную тему находит новые пути в национальной музыке. Новизна его работы, сама по себе, дает основание на занятие обособленного положения в музыкознании СССР. Иногда ученые могут работать над какими-то проблемами, которые в той или иной мере известны ученой мысли.

Тов. Жубанов работает в такой области, где до него ни один из музыковедов Союза не подвизался. Хотя у тов. Жубанова небольшой путь для такого высокого ученого звания, но, тем не менее, этот путь очень фундаментальный и своеобразный. Новизна научных знаний настолько восполняет багаж музыкознания СССР, что это дает основание на ученую степень. Мы должны учитывать его перспективы. А.К. Жубанов сейчас находится на большом творческом подъеме не только как музыковед, но и как композитор. В этом отношении докторское звание даст ему значительно большие возможности развития не только как исследователя и ученого, но и как композитора.

С другой стороны, история культуры Казахстана только сейчас начинает обобщаться, уточняться, и в этом отношении работа А.К. Жубанова в такой области культуры, как музыковедение Казахстана, бесспорно должна очень многое дать для всемирной культуры Казахстана в синтезе, ибо до революции носителями культуры Казахстана были, в основном, певцы, домбристы, композиторы и т.д.

Описывая и научную деятельность таких выдающихся людей дореволюционного Казахстана, как Даулеткерей, Курмангазы и другие, А.К. Жубанов очень много делает для исследования истории культуры в ее обобщенном виде, ибо эти деятели дореволюционного искусства в Казахстане несли культуру в массы и были носителями культуры дореволюционного Казахстана.

Я весьма и весьма поддерживаю утверждение в ученой степени доктора искусствоведческих наук А.К. Жубанова без защиты диссертации.

18 октября 1951 г.

... следует сказать, что только игнорирование ведущей роли Союза композиторов, только искусственным принижением его авторитета можно объяснить тот факт, что книга А.К. Жубанова о деятелях казахского народного музыкального творчества, обсуждаемая сегодня, никогда не была предметом обсуждения у нас в Союзе (*прим. ред. – председателем Союза композиторов в это время был Е.Г. Брусиловский*).

Содержание этой книги мне самому и другим немногим товарищам стало известно только два года назад, после перевода ее на русский язык (*прим. ред. – см. выступление Е.Г. Брусиловского на Ученом совете 15 июня 1943 г.*). Большинству же членов Союза она неизвестна до сих пор. Таким образом, книга была не только апробирована и издана без какого-либо обсуждения в Союзе, но и после ее издания она не обсуждалась. Это обстоятельство красноречиво иллюстрирует положение у нас в Союзе с критикой и музыковедением. Интересно отметить, что и в Москве в ССК СССР хорошо знают о существовании книги А.К. Жубанова, знают о ее недостатках, но ни разу даже не сделали попытки обсудить ее в музыковедческой секции ССК СССР, в Москве (*прим. ред. – защита докторской диссертации проходила на заседании УС АН СССР в присутствии академика И.И. Мещанинова, член-корреспондента АН СССР С.Е. Малова и др.*).

В нашей республиканской печати книга эта также критически не рецензировалась, так же, как и не обсуждалась в Академии Наук КазССР и других руководящих наукой или искусством организациях. Этим «дипломатически неприкосновенным» путем книга эта получила высокое признание и была, так сказать, канонизирована. О ее недостатках мы решались говорить не иначе как в секретном порядке, и при том, драматически и полупшепотом. По этой книге, в основном, многие годы преподавалась и преподается история казахской музыкальной культуры, по этой книге идеологически воспитывались казахские музыкальные кадры. У нас в Консерватории эта книга также, конечно, была принята как догма и, естественно, никакому, хотя бы малейшему обсуждению, не подвергалась. Критиковать ее явные буржуазно-националистические извращения, ее крайне низкий научный уровень никто не решался. Вряд ли можно найти в Консерватории какие-либо программы и планы по истории казахской музыкальной культуры и вряд ли когда-либо этот предмет обсуждался на исторической кафедре, возглавляемой А.К. Жубановым. Вся наука сводилась опять-таки к знанию на память, в основном, этой же **сакраментальной книжки**, посвященной, главным образом, народным музыкальным деятелям девятнадцатого века.

Правда, насколько мне известно, А.К. Жубанов значительное место в своих лекциях уделял и музыкальной культуре Советского Казахстана, пользуясь для этого своими неизданными материалами. Работа А.К. Жубанова о советской казахской музыке в Союзе и в Консерватории не обсуждалась и в печать еще не вышла. Поэтому мне не совсем понятно, по каким программам и планам преподается в Консерватории история музыкальной культуры Советского Казахстана и кем они должны утверждаться. Дело это принципиально очень важное и трудное, а контроля, мне кажется, никакого нет. Не принесло ли это бесконтрольное «единоначалие» А.К. Жубанова в области периодизации и оценок советской музыки Казахстана еще больших бед – о чем говорится в этих лекциях?

Но все же единственным печатным учебным пособием пока что остается книга очерков А.К. Жубанова, которую студенты должны были знать от начала до конца. И студенты заучивали, зазубривали на память всю **националистическую ересь и другой вредный вздор**, которым насыщена **эта книжка**. Беда заключается в том, что студенты музыкального ВУЗа – народ грамотный, и им самим были совершенно ясны все ошибки этой книги. Но учить эти явные ошибки они все же должны были. И если они на экзаменах не умели толково изложить националистические заблуждения А. К. Жубанова, они получали неудовлетворительную оценку. **А мы, педагоги, вкупе с кафедрой марксизма-ленинизма и партийной организацией Консерватории знаем и знали о недостатках этой книги**, но предпочитали молчать и не вмешиваться в этот мрачный, непонятный заколдованный круг (*прим. ред. – какую угрозу представлял 40-летний А.К. Жубанов?*). Поэтому мы считаем глубоко правильным выступление тов. Омарова на страницах газеты «Советское искусство» и, в частности, его указание на то, что больше, наконец, этой **глубоко порочной книгой** как учебным пособием пользоваться в Консерватории нельзя. Поэтому мы горячо приветствуем критическое выступление Мукана Тулебаева в «Казахстанской правде» и резко самокритическое саморазоблачение А.К. Жубанова. Правда, я считаю, что эти статьи на несколько лет запоздали. Но лучше поздно, чем никогда. «Кто скрывает свою болезнь, тот умирает» – говорит казахская народная пословица. А.К. Жубанов правильно сделал, вскрыв свои грубейшие националистические ошибки самостоятельно, не имея возможности дальше молчать о них. Однако эти статьи ничего нового нам не открыли – мы знали, давно знали о всех пороках этой книги, но не могли говорить о них вслух ни в Союзе, ни в Консерватории. О чем это говорит? Раньше всего о грубейшем зажиме критики в Союзе, которым я руковожу, и в Консерватории, которой руководит А.К. Жубанов. Это говорит еще и о том, что педагоги Консерватории, композиторы и музыковеды,

коммунисты и беспартийные, запутаны и больше всего боятся правдивого, критического слова.

Музыковед В.Л. Мессман выступал на обеих заседаниях с перерывом в 8 лет – 15 июня 1943 г. и 19 октября 1951 года.

15 июня 1943 г.

Данный вопрос исчерпывающий и ясный, и вряд ли есть необходимость повторять друг друга. Я позволю себе быть кратким. Имя А.К. Жубанова широко известно, несмотря на то, что работает он сравнительно немного лет. **Даже за пределами Казахстана известно имя выдающегося композитора, историка и музыкального деятеля. Недавно был свидетелем его творческого отчета, который убедительно и в полной мере показал все стороны творческой деятельности А.К. Жубанова.** В этом отчете были показаны все стороны многообразной работы, была заслушана поэма «Абай» для большого оркестра, песни А.К. Жубанова с национальным оркестром и т.д. **Этот творческий рапорт говорит о том, что перед нами художник, безусловно, передовой реалист, художник, не прибегающий к каким-то внешним средствам изображения, а глубокий художник.** Особенно яркое впечатление создает исполнение поэмы «Абай», где чувствуется большая глубина. Первый акт оперы «Абай» показывает, что мы имеем дело с подлинным художником, большого внутреннего содержания и больших внутренних творческих перспектив.

В отношении теоретической работы меня особенно убедило выступление одного из авторитетных деятелей казахской культуры – проф. М.О. Ауэзова, который дал ясный анализ значения теоретической работы А.К. Жубанова. Не зная языка, некоторым из нас довольно трудно понять, насколько важна эта работа. Авторитет Ауэзова и та ясность мысли, которая сформирована в отзыве проф. Ауэзова, имеет большое значение для оценки деятельности А.К. Жубанова.

Думаю, что музыкальная общественность Казахстана с большим удовлетворением примет весть о присуждении А.К. Жубанову звания доктора искусствоведческих наук. Я приветствую присуждение ему этого звания без защиты диссертации.

19 октября 1951 г.

... О Жубанове-музыковеле говорилось немало. Позвольте представить Вашему вниманию такой, так сказать, **научный аттракци-**

он из его трудов. Вот, что сказал Жубанов в своем научном докладе на 1-й Сессии Академии Наук Казахской ССР, цитирую по изданной книге «Труды первой сессии Академии наук Казахской ССР»: «Подобные инструментальные произведения (речь идет о кюях), построенные на очень интересных сюжетах, в казахской народной музыке встречаются очень часто. Все они преследуют одну цель – достичь того, что невозможно сделать усилиями человека или целого общества»

Бредовый смысл этой «глубокой» мысли не требует доказательств (прим. ред. – а м.б. надо бы в этот смысл вникнуть, и тогда можно будет увидеть, насколько он глубок).

Разрешите привести несколько образчиков «музыковедческого» характера на книги Жубанова:

«Несмотря на то, что тихий летний вечер был наполнен многочисленными звуками, домбра ясно выделялась на их фоне. Кругом слышалось блеяние овец, верблюжий рев, звонкие удары молочных струй в днище ведер, в которые хозяйки выдаивала коров и овец, ржание коней и мычание коров, равномерное постукивание кожаного ведра то о сруб колодца, то о корыто для водопоя. Все это сливалось в один оркестр, звучащий аккомпанементом к звукам домбры» (прим.ред. – разве это не демонстрация волшебства музыки?).

В «научном» докладе читаем: «Кюй начинается с трагической темы о роке и судьбе на верхней струне домбры. Эта тема сменяется громким участвовавшим ударом струн, который напоминает топот коней или, в данном случае, куланов. Домбрист, мастерски ведя на нижней струне домбры пицикатто, на верхней дает тему песни Жоши, которую он пел во время стрельбы, забыв, что у него нет больше стрел. Вдруг сильный аккорд после интенсивного тремоло и кюйши возвращается к первоначальной скорбной теме смерти ханского сына. К этому времени, понявший все, что рассказано в настоящем кюе, хан молча встает и велит залить глотку».

Так, силою музыки, – не краснея поучает профессор и академик, – спасается жизнь многих людей, которые могли бы быть казнены грозным ханом» (прим. ред. – разве это произведение и не есть демонстрация силы музыки?).

...На каждой странице повествований А. Жубанова имеется сколько угодно таких отсебятин (прим. ред. – в книге действительно отражены именно собственные мысли автора, что таким вульгарным словом не именуется).

Все это, конечно, было бы невозможно, если бы вокруг Жубанова не был создан ореол мнимой учености, гипнотическое действие которого принесло немало вреда делу развития казахской музыкальной культуры. Являясь способным мелодистом, у него, однако, нет

ни композиторской техники, ни необходимого композиторского мастерства (*прим. ред. – чему же научили А.К. Жубанова в Ленинградской консерватории?*).

14 июня 1943 г.

Академик АН СССР И.И. Мещанинов:

Ахмет Куанович Жубанов сыграл значительную роль в изучении и развитии казахского национального искусства. **Обладая исключительными музыкальными способностями**, он с юных лет приобщился к народной музыке. Вращаясь с детства среди народных певцов, А. Жубанов, еще учеником двухклассного училища, не только освоил игру на скрипке и на народных инструментах, но уже и тогда стал проявлять особый интерес к истории развития народного музыкального искусства, к условиям жизни и работы народных акынов. Он знакомился с биографиями выдающихся певцов настоящего и прошлого и особое внимание обращал на значение народной музыки в быту местного населения. Непосредственно отсюда вырос интерес А. Жубанова к этнографии. **Постепенно из него развивается первоклассный композитор, музыкант и этнограф.**

В 1928 году Жубанов поступает в Ленинградскую Государственную консерваторию, курс которой оканчивает в 1932 году. Здесь он получил возможность пройти серьезную школу, занимаясь под руководством таких выдающихся специалистов, как проф. Этигон, Ниман и др. По истории музыки он занимался под непосредственным руководством Л.В. Асафьева.

Серьезная школа, пройденная под руководством выдающихся специалистов, дала А. Жубанову полное основание развернуть свою полезную деятельность в Казахстане. Он оказался хорошо знакомым с особенностями не только восточной музыки, но и западной. Он смог проводить сравнительный их обзор и тем самым уточнять характерные, ведущие особенности народного творчества казахских певцов-композиторов. Более того, **опыт и теоретические знания** выдвинули А. Жубанова как творческого новатора и прогрессивного деятеля в деле дальнейшего подъема народной музыки на новую ступень. Уже в 1934 году А. Жубанов на первом Всеказахстанском слете деятелей народного искусства выступает организатором первого казахского национального самодеятельного оркестра. В следующем, 1935 году, на базе этого оркестра была организована Казахская Государственная филармония, первым директором которой становится тот же А. Жубанов. В 1937 году он назначается дирижером Казахского Государственного оперного театра.

В 1936 году А. Жубанов получает Правительственную награду – орден «Знак Почета» и звание Заслуженного деятеля Республики. С 1938 года он оставляет дирижерскую деятельность и всецело отдает себя труду композитора и историка национальной музыки.

Весь этот краткий обзор неутомимой и плодотворной деятельности А. Жубанова **характеризует его как замечательную, яркую фигуру крупного деятеля** на ответственном поприще развития народного искусства.

Глубокий интерес к истории национальной музыки выдвинул перед А. Жубановым весьма сложное задание – учесть все имеющиеся сведения об особенностях творческой деятельности и направленности отдельных выдающихся акынов в достигаемой глубине истории. Потребовался сбор материала и разрозненных сведений. Готовых пособий в этом направлении не было. А. Жубанову пришлось начинать работу практически заново.

Здесь на помощь ему пришли еще с юности проявлявшийся интерес к поисковой работе, **обширные знания в области этнографии и прекрасная теоретическая школа, пройденная в Ленинграде.**

А. Жубанов как историк музыки подходит к каждому певцу и композитору с учетом всей многосторонности его творческой деятельности. Певец-казак в то же время и композитор. Традиционный пересказ сюжета старого героического эпоса, новое сюжетотворчество получают свое отражение и в музыкальном исполнении. Народная музыка вовсе не находится в застывшем состоянии, она не находилась в нем и раньше. Этот вечно идущий процесс роста народного творчества нужно было уловить. Его нужно было понять и объяснить. В особенности сложен процесс роста народного искусства и вообще национальной культуры. В последнем А. Жубанов принимает самое горячее и непосредственное участие. А. Жубанов впервые создает национальный оркестр, оформляет музыкальную постановку к целому ряду наиболее значительных постановок драматических и оперных театров, составляет музыкальные пьесы, направляет идейно-политическую деятельность Казахской Государственной филармонии на дело служения интересам войны и сам написал ряд массовых песен, посвященных Великой Отечественной войне.

В области теории и истории казахской музыки А.К. Жубанов составил себе крупное научное имя рядом работ, имеющих большое научное значение. Им в 1933 году было составлено первое учебное пособие на казахском языке по теории музыки («Азбука музыкальной грамоты»). Им впервые дан исчерпывающий обзор жизни и деятельности казахских народных композиторов и исполнителей: Курманга-

зы (1936 г.) и Даулеткерей (1942 г., пока еще в рукописи). А.К. Жубанов знакомит также казахских читателей с жизнью и деятельностью русских композиторов (Чайковского и др.). Большое внимание уделяет он истории развития казахских народных инструментов. В 1942 году (в рукописи) им составлено подробное описание этих инструментов и исторический их обзор. Специально он останавливается на домбровом оркестре (только в рукописи). Здесь он делится своим богатым опытом дирижера. Оценка всех этих работ дается в других отзывах соответствующих специалистов. Я ограничиваюсь лишь общим на них указанием и подтверждением основного моего положения, сводящегося к тому, что А.К. Жубанов строит свою теоретическую работу по истории казахской музыки на прочном фундаменте практического опыта композитора – знатока народного инструмента и человека с большим кругозором. Он хорошо знаком с европейской музыкой и глубоко вник в изучение отличительных свойств своего родного национального музыкального искусства.

На этом фундаменте А.К. Жубанов смог построить наиболее выдающуюся, с моей точки зрения, работу «Жизнь и творчество казахских композиторов» (опубликовано в 1942 году). Этот объемный научный труд подытоживает всю многообразную и многолетнюю работу автора. В ней выявился и талант композитора, и наблюдательность этнографа, и глубокое знание истории. Автор дает обзор крупнейших произведений и первый исчерпывающий библиографический указатель по литературе о казахской музыке и казахских композиторах. Многие записи песен публикуются им в первый раз. Он впервые дает развернутую и правильную оценку значения деятельности отдельных певцов-композиторов, отмечая их общественную роль в культурной жизни края. Он подробно останавливается также и на технике исполнения отдельных произведений и на технических особенностях, применяемых тем или иным певцом. На этом фоне А.К. Жубанову удалось выделить ряд направлений, школ в развитии инструментальной и вокальной музыки Казахстана.

Эта книга является по своему объему и охвату материала первым по своему значению трудом в области изучения казахского музыкального искусства. До нее имелись лишь отдельные очерки. Сводного обзора еще не было. Для составления такового требовалась исключительно усидчивая работа, прекрасное знание материала и трезвый взгляд ветерана-этнографа. Требовался и собственный талант композитора. Лишь при сочетании этих качеств в лице А. Жубанова начатая многолетняя работа могла завершиться успехом. Названный труд не претенду-

ет на популярность изложения, но отличается ясным, четким и доступным изложением, свидетельствующим о высокой культуре и прекрасном теоретическом уровне знаний его автора, пользующегося заслуженным уважением.

Упомянутая мною работа завершает собой комплекс всех перечисленных выше. Весь этот комплекс кропотливого научного труда историка казахской музыки в совокупности с практической деятельностью композитора и дирижера ярко выдвигают на почетное место самого исполнителя и творческого ученого.

При таких условиях заслуженный деятель науки, орденоносец А.К. Жубанов вполне, по моему мнению, заслуживает присвоения ему ученого звания доктора искусствоведческих наук без защиты диссертации.

18-19 октября 1951 г.

Доклад: «О буржуазно-националистических извращениях в музыковедении Казахстана» (музыковед АРАВИН П.З.)

...Теоретический метод А.К. Жубанова отличается явным формализмом и безидейностью. В анализе казахских песен и кюев А.К. Жубанов применяет вульгарный метод постановки своих субъективных впечатлений и переживаний под музыкальный текст.

Во всех трудах А.К. Жубанова не анализируется интонационное мелодическое содержание казахской музыки. Вместо целостного анализа автор занимается поверхностным описанием формальных схем, или же совершенно произвольной подтасовкой конкретного содержания по своему произволу и хотению.

Формальные схемы анализов не имеют никакой научной ценности, т.к. они не вскрывают действительного содержания песен и кюев и механически подгоняют их под внешние формальные признаки.

В самом деле, что можно понять о содержании кюя Курмангазы «Адай» из такого например анализа на стр. 30: «Начало Кюя «Адай» – обычное. Размер – 4/4, лишь в нескольких местах меняется на 2/4. Построение кюя – четырехчастное. Темп быстрый». Голая и никому ненужная схема! ...Совершенно невразумительны и некоторые «обобщающие» выводы автора о ритмической основе казахских кюев. ...Эти выводы полностью разоблачают формалистическую основу теоретического метода автора.

...Вообще следует заметить, что анализ песен и кюев – самая слабая и беспомощная часть всех «научных» работ А.К. Жуба-

нова, наглядно свидетельствующая об отсутствии у автора необходимой профессионально-теоретической подготовки.

Идя по ложному пути механической подтасовки конкретно содержания под музыкальный текст, автор приходит к вульгарному и организованному пониманию самого музыкального содержания казахской музыки.

...Идеализм философии, вульгарный социологизм и формализм в музыковедении и буржуазный национализм в политике – таков облик профессора А.К. Жубанова, возглавляющего антимарксистское направление в музыковедении Казахстана.

...Нужно решительно очистить Казахское музыковедение от проникновения антимарксистских идей буржуазного национализма, широко раскрыть двери для большевистской критики и самокритики, поднять историческую науку в Казахстане на уровень передовой марксистской теории и передового искусства советского народа.

К этому призывает нас Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Казахстана.

К этой непримиримой борьбе против всего косного и реакционного в науке и общественном развитии призывает нас величайший ученый нашего времени – И.В. СТАЛИН.

Музыковед ЕРЗАКОВИЧ Б.Г. :

...В книге «Жизнь и творчество казахских композиторов», в данном докладе «Музыкальная культура Казахстана», как и в других работах, **т. Жубанов извратил прогрессивное значение присоединения Казахстана к России, идеализировал дореволюционный быт казахского народа, возвеличил ярых врагов казахского и русского народа, руководителей феодально-монархических движений – ханов Аблая, Кенесары и Наурызбая.**

Работы т. Жубанова проникнуты преклонением перед Западной Европой, игнорированием прогрессивного влияния русской демократической культуры на казахскую музыку.

Исследования т. Жубанова проникнуты буржуазной теорией «единого потока», в угоду которой он всех народных композиторов, певцов и музыкантов, несмотря на их различную классовую принадлежность, признавал «значительными», «выдающимися» и т.д., якобы выражающими все целиком, без исключения, чаяния и стремления народных масс.

...Сегодня я хочу остановиться на двух порочных концепциях, которые весьма характерны для всего научного метода и исследовательской работы т. Жубанова и особенно ярко выражены в его книге «Жизнь и творчество казахских композиторов». Эти порочные

концепции нам необходимо разоблачить потому, что они могут в дальнейшем приводить к серьезным ошибкам других, будущих казахстанских музыковедов.

Первое – это имеющая большое хождение среди казахстанских музыкантов **аксиома о так называемой «исторической достоверности народных песен и кюев»**. На базе такого исторического обоснования в нашей консерватории изучается история музыкальной культуры казахского народа, делаются определенные исторические выводы, выявляются идеи, стремления и чаяния казахского народа, пишутся дипломные работы.

Тов. Жубанов в своей книге пишет, что «не ошибемся, если скажем, что песни и кюи – это достоверные свидетельства истории казахского народа». Несомненно, это порочная концепция.

...среди записанных нескольких тысяч народных песен и кюев, несомненно, есть много таких произведений, которые выражали идеологию эксплуататорских классов казахского дореволюционного общества и содержание которых ничуть не было проявлением «голоса народа» или «поющей историей». **Не советскими ли исследователями, работающими в области истории казахской музыки, нужно уметь отбирать среди целого моря песен и кюев те, что выражают действительные стремления и чаяния народа.**

Выражением марксистско-ленинской эстетики является и мнение т. Омарова, высказанное им в статье «О задачах исторической науки в Казахстане» о том, что «мы имеем очень мало письменных памятников, что обуславливается в прошлом почти поголовной неграмотностью населения. У нас также мало памятников материальной культуры, что объясняется отсутствием в прошлом городов. Мы даже не имеем простых летописей, столь характерных для истории многих народов. Богатейший же казахский фольклор, составляющий золотой фонд народного творчества, является недостаточным для истории, требующей достоверных документов».

Прекрасно зная язык, быт и нравы своего народа, т. Жубанов первым должен был бы разоблачить несостоятельность формулы об «исторической достоверности» кюев и разобраться, что действительно достоверное и народное, а что является выражением феодально-байской идеологии. Но получилось так, что сам т. Жубанов попал в плен собственной ложной концепции. Чтобы ее оправдать и придать ей научный характер, он пошел по пути подтасовывания фактов и искажения исторической действительности в угоду заранее предвзятого утверждения о том, что ханы и баи «продали» казахский народ царю.

Не в угоду ли этой псевдонаучной формулы «об исторической достоверности песен и кюев» привел в своей книге т. Жубанов реак-

ционно **националистические бредни** о якобы счастливой жизни казахского народа во времена Тамерлана и Александра Македонского, или возвеличил Аблая, Кенесары и Наурызбая как национальных героев казахского народа. Не ясно ли, что собственная формула т. Жубанова «Об исторической достоверности песен и кюев», в угоду которой он сам сочинял и подтасовывал в историю казахского народа разные небылицы и клевету, завела т. Жубанова в **грязное националистическое болото**.

В свете этих фактов несомненно и то, что т. Жубанов относится к тому числу критиков, о которых говорил в своем выступлении Андрей Александрович Жданов на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в 1948 году. Тов. Жданов говорил: «Народилась целая новая профессия истолкователей музыкальных произведений из среды приятелей-критиков, которые стараются по личным догадкам расшифровать задним числом содержание уже обнаруженных музыкальных произведений, тайный смысл которых, как говорят, бывает не совсем ясен даже для авторов».

Несомненно, сегодняшнее обсуждение не ограничивается только книгой «Жизнь и творчество казахских композиторов». **Эта книга нанесла серьезнейший вред делу воспитания и работе молодых научных кадров музыкального искусства и направила молодую искусствоведческую науку по ложному пути.**

Композитор ТУЛЕБАЕВ М.Т.:

...Музыковедение является одним из ее серьезных и очень важных участков. Перед нашими музыковедами стоят глубокие проблемы, от правильного решения которых в значительной мере зависит будущее всей музыкальной культуры Республики.

...Что же мы видим на фронте музыкальной науки? Помогает ли она нашим творческим успехам? Выявляет ли прогрессивные элементы в наследии народного творчества? Анализирует и обобщает ли явления в современном музыкальном творчестве наших композиторов. Освещает ли нам путь вперед, к новым творческим достижениям?

На все эти вопросы приходится, к сожалению, ответить совершенно отрицательно. В нашем музыковедении мы видим полный застой, полное отставание.

Наше музыковедение своей антинаучностью, своими грубыми политическими, методологическими и музыкально-теоретическими ошибками стало тормозом развития музыкальной культуры Казахстана, оно стало тормозить воспитание наших молодых национальных музыкальных кадров.

Результаты сейчас всем очевидны.

Сопоставив тоmozящееся развитию музыкальной культуре нашей республики и продумав все то, что мешает росту наших молодых творческих и научных кадров и нормальному ходу исторического развития музыкальной культуры Казахстана, я окончательно пришел к твердому убеждению, что не могу далее молчать, что обязан выполнить свой долг перед родной культурой республики.

Я обращаюсь к Вам, Ахмет Куанович!

Я уже сказал, меня побудил выступить с критической статьей весь исторический ход развития нашей музыкальной культуры. Сейчас требование музыкальной общественности к музыковедам огромное, справедливое и исторически необходимое.

Причиной отставания казахского музыковедения являетесь Вы.

Я не игнорирую Ваши организаторские способности, Вашу работу, имевшую некоторое значение в свое время. Но это был первоначальный этап, когда формировалась наша молодая музыкальная культура. Теперь мы с Вами переживаем другое время. Наше профессиональное искусство стало широко известно. Вышло на всесоюзную арену, выросли профессиональные кадры, требование народа стало более высоким.

... Интересы у нас должны быть общие – интересы народа, интересы развития нашей национальной, советской музыкальной культуры. **Я думаю, что вам нет больше смысла вводить в заблуждение себя самого и советскую общественность. Вы должны откровенно признаться, и в этом нет ничего дурного – что у вас нет необходимых музыкальных знаний для серьезной музыковедческой научной работы.**

... Без необходимых серьезных знаний писать научные книги и создавать музыкальные произведения, конечно, невозможно. Но я хотел бы поставить вопрос несколько шире: ведь вы, Ахмет Куанович, действительный член Академии наук Казахской ССР, директор и профессор Алма-Атинской Госконсерватории. Что это означает? Это означает то, что Вы руководите работами в области казахского музыковедения, что Вы воспитываете нашу молодежь. Это означает и то, что к Вам предъявляются самые высокие требования как к ученому, профессору, композитору и дирижеру. **Отвечаете-ли Вы этим огромным требованиям. Несомненно, нет. Я думаю, что сегодня Вы найдете в себе мужество сказать, что дальше так продолжать нельзя, что нетерпимо больше быть тормозом в развитии музыкальной культуры Казахстана.**

Композитор ИВАНОВ-СОКОЛЬСКИЙ М.М. :

... Я хочу сказать о том, как формировалась личность тов. Жубанова, в каких условиях. Хочется отдать себе отчет на общем собрании – как получилось, что сегодня мы обсуждаем такой вопрос.

Партия и правительство Советского Союза и Казахстана оказывают очень большое содействие, заботу, окружают вниманием людей науки, окружают славой, когда дела достойны этой славы. Я хочу попробовать поговорить о том, как развивалась эта слава, которая окружала тов. Жубанова в эти годы.

Среди казахов еще тогда не было музыкальных деятелей с надлежащей профессиональной квалификацией и лишь фигура тов. Жубанова на фоне отсутствия музыкальных кадров в Казахстане вырисовывалась, как и следовало ожидать, довольно заметным образом.

В 1929 году он направляется в г. Ленинград, где поступает в Ленинградскую государственную консерваторию, куда его принимают без наличия среднего образования. Там я имел возможность быть лично знакомым с тов. Жубановым, вместе учились.

Тов. Жубанов в 1932 году уезжает в Казахстан без документа об окончании им Ленинградской консерватории и лишь в 1939 году тов. Жубанов получил свидетельство об окончании историко-теоретического отделения Ленинградской Государственной консерватории.

Возвратясь в 1932 году, тов. Жубанов собирает народных музыкантов, кобызистов, сыбызгистов и организует национальный оркестр народных казахских инструментов. Это то положительное, в чем тов. Жубанов себя проявил как организатор коллектива, который выступил на декаде казахского искусства в 1936 году, имея успех.

Партия и правительство, доверяя – проверяют. В 1938 году они направляет в Казахскую Государственную Филармонию комиссию, установили развал работы в филармонии (*прим. ред. – скорее всего, такие карательные меры против А.К. Жубанова были естественным следствием того обстоятельства, что в конце 1937 года был арестован, а 25 февраля расстрелян как враг народа его старший брат – выдающийся ученый-лингвист Кудайберген Куанович Жубанов. Ныне его именем назван Актюбинский Государственный университет, улицы и школы Актюбинской области*).

В 1942 году, в тяжелые годы нависшей опасности над нашей Родиной, когда советские поэты и композиторы, будя отвагу и мужество бойцов многонациональной Советской Армии и всего советского народа на борьбу с фашизмом, писали произведения, воспевая мужество и отвагу советских людей, святость Ленинского знамени, тов. Жубанов в этот тревожный для Родины момент издает книгу “Жизнь и творчество казахских композиторов”, насквозь пропитанную буржуазно-националистическими идеями и из-

вращениями истории казахского народа, возвеличиванием злейших врагов и душителей казахского народа – ханов Аблая, Кенесары и Наурызбая, написанную в ложно-научном, вульгарно-социологическом стиле. Маскируясь высокой научностью, тов. Жубанов сыграл на руку буржуазно-националистическим элементам, восхвалявшим “научный” труд Жубанова, ввел в заблуждение правительство, и в 1946 году он избирается действительным членом Академии Наук и возглавляет сектор искусствоведения.

В 1950 г. тов. Жубанов издает труд “Музыкальное искусство Центрального Казахстана”, который является, по существу, вариантом его книги “Жизнь и творчество казахских композиторов”. За этот труд тов. Жубанову без защиты диссертации присуждена ученая степень доктора искусствоведческих наук (*прим. ред. – ученое звание доктора искусствоведческих наук присвоено А.К. Жубанову по ходатайству заседания Ученого совета Казахского филиала АН СССР от 15 июня 1943 года за книгу, критикуемую в 1951 г.*). А так как в Алма-Атинской Государственной Консерватории он возглавил кафедру истории казахской музыки, став профессором Консерватории и читая лекции студентам ряд лет, содержанием коих является буржуазно-националистическая стряпня его вредной книги, тем самым он нанес немалый вред в идеологическом воспитании студенческой молодежи.

... Жубанов не оправдал высокого доверия партии и правительства. Он засекал от общественной критики свои музыкальные “труды”, а к сигналам критики в печати и на собраниях был глух. На критикующих он обрушивал всю тяжесть своего эгоцентрического, индивидуалистического и деспотического характера, преследуя их за любовь к свободному критическому слову.

... Мы, в свою очередь, должны ... со всей большевистской непримиримостью выкорчевать бекмахановщину вон из казахского музыкознания на пути строительства национальной по форме и социалистической по содержанию музыкальной культуры Казахстана.

15 июня 1943 г.

Член-корреспондент АН СССР, член музыкально-этнографической комиссии Географического общества МАЛОВ С.Е.:

Составить монографию, например, по музыкальному творчеству П.И. Чайковского, Шопена или Гуно – это одно. Их музыкальные произведения неоднократно издавались и комментировались. Имеются подробные биографии, воспоминания современников. Издана

их переписка и прочее, прочее. **Написать же подобное о казахских композиторах 19 века, что сделал А.К. Жубанов, – вещь очень и очень трудная.** Ведь записанных нот-то даже нет! Что уж тут говорить об изданиях! Нужно сначала все это записать и собрать. Опять: как собрать? Как определить индивидуальное от наслоившегося? Что индивидуальное творчество композитора и где начинается область народного творчества, область музыкальной этнографии. Наш автор – А.А. Жубанов посильно все это преодолел.

А.К. Жубанов отображает нам в соответствующих главах жизнь и творчество 18 казахских композиторов (стр. 17-179), а в приложении (стр. 180–282) дает нам и ноты 14 музыкальных номеров этих же 18 авторов. **Было бы совсем ошибочным считать эти главы простыми биографиями. Нет!**

Это, главным образом, отображение творческого пути данного композитора. Например, книга начинается с повествования о музыкальном творчестве композитора Курмангазы (1818-1893 гг.). На стр. 20-33 приводятся, например, рассказы о творчестве Курмангазы относительно песни «Адай» (ноты на стр. 181-184). **А. Жубанов, совершенно правильно** приняв во внимание суждения разных лиц об авторстве кого-либо в отношении какого-либо произведения, **приходит к выводу, что при сомнениях и противоречивых суждениях об авторах музыкальных пьес достоверный результат могут дать и дают не побочные сведения, а музыкально-теоретический анализ самого произведения.** Нужен тщательный анализ вариантов в передаче произведения, чтобы решить, который из этих вариантов является основным и который – слабым подражанием своему подлиннику.

Все творческие характеристики казахских композиторов даны очень содержательно, серьезно и красочно. Это, в некоторых случаях, часть культурной истории или истории культуры казахского народа. Особенно удались автору главы о Курмангазы, Дине, Жаяу-Мусе и др.

А.К. Жубанов дает везде подробную музыкальную характеристику и подробный разбор каждого крупного музыкального произведения. Некоторые песни сопровождаются и соответствующим текстом.

А.К. Жубанов не ограничивается узко деятельностью только самих этих композиторов. Нет. Он смотрит, как и следует, на то, какой след оставил тот или другой композитор в дальнейшем ходе истории музыки казахов. Он сообщает нам об учениках этих 18 композиторов и даже об учениках этих учеников. Например, на стр. 41-42 дается целая родословная музыкантов от Курманга-

зы, на 57 стр. – от Даулеткерей, на 93 стр. – от Ыхласа, на 112 стр. – Биржана, из коих рано умерший Амре Кошаубаев изображен на стр. 111.

Разумеется, автор – А.К. Жубанов, пользуется каждым удобным случаем поговорить о домбре, о технике игры на ней, о несравненной технике игры у Курмангазы, об игре Дины Нурпеисовой и др. Упоминаются еще такие инструменты, как сыбызгы, кобыз и др. А.К. Жубанов прослеживает отголоски творчества этих композиторов вплоть до современных нам опер. Он, например, указывает на некоторые мелодии в операх «Кыз-Жибек», «Жалбыр» или «Ер-Таргын» из творчества Мухита, пишет о музыке Сары и кинокартины «Амангельды», о некоторых мелодиях Мади в опере Е.Г. Брусиловского «Айман-Шолпан».

На стр. 232-235 А.К. Жубанов дает список книг, статей и заметок разных авторов о казахской музыке. Прежде всего, здесь замечу, что автор, упомянув на стр. 26 о книге Затаевича «500 песен ...», Алматы, 1931 г., напрасно не упоминает ее в своей библиографии. К библиографии по казахской музыке я мог бы еще добавить, например, И.В. Готовицкий «О характере киргизских песен» ...

Думаю, что А.К. Жубанов мог бы что-либо выбрать и дополнить свою библиографию по части музыки и песен казахов по «Указателю книг, статей и газетных заметок о киргиз-казаках» А.Е. Алектова (Изд. Общ. археологии, истории и этнографии при Казанском университете).

Я считаю, что за этот большой и ценный труд А.К. Жубанов вполне заслуживает степени доктора искусствоведческих наук. Принимая же во внимание его полезную и многолетнюю деятельность в качестве дирижера театра, композитора, директора филармонии, автора многих музыкальных произведений и ученых статей по истории музыки казахов, я нахожу вполне справедливым ходатайствовать о присуждении А.К. Жубанову этой степени доктора без защиты им диссертации.

18–19 октября 1951 г.

Секретарь ССК СССР КОВАЛЬ М.В.:

... В дискуссии по музыковедению в Казахстане естественно, что в основном говорится о книжке Жубанова «Жизнь и творчество казахских композиторов», так как, по существу, как бы об этом некоторые товарищи тут не говорили, подлинного музыковедения в Казахстане, как в этом ни грустно признаться, нет.

В книжке Жубанова, как в фокусе отразились основные пороки состояния музыкального искусства в Казахстане, но не только в книжке.

... По существу, дело сводится к тому, что тов. Жубанов находился на крайнем реакционном полюсе в той борьбе, которая уже давно шла в казахском музыкальном искусстве. В борьбе реакционного, отживающего старого с новым прогрессивным, в острой борьбе этого нового, направленной не против национальных форм, вообще, а против отмирающих, сходящих со сцены форм и идей, нового, которое борется за путь критического познания традиций, за решительное преодоление пережитков буржуазно-националистических, эстетических канонов феодально-ханского востока, за упрочение нерушимых связей между казахской и русской культурой, за утверждение марксистско-ленинской эстетики, за торжество искусства социалистического реализма (Из статьи П. Апостолова «...проблемы казахской музыки», Советская музыка, 9, 1951 г.).

Названная научным трудом книжка Жубанова, несумевшего свести концы с концами, конечно, не только не научна, она серьезна только в одном смысле, в смысле ее целенаправленности. Все остальное – случайно, не научно и не серьезно. А вот ее целенаправленность – очень скверная. У меня страница за страницей на протяжении почти 250 страниц все время нарастал внутренний протест против этой отвратительной буржуазно-националистической книжки. Она, действительно, насквозь пропитана ядом буржуазного национализма, ни грамма ощущения новой эпохи, ни грамма каких-либо элементарных наших общественных основ. Все переходит на полное любование этой сказочной, прекрасной феодальной стариной и все наполнено огромной недоброжелательностью, если нельзя выразится более резко, может быть, даже ненавистью к русской культуре. И если вспомнить, что эта работа делалась в 1942 году, когда вокруг русского народа единодушно было столько любви и желания искренне работать рука об руку, – это очень скверно, и если мы рассуждаем о развитии казахского музыковедения только по этой книжке, то это вдвойне грустно.

Этот документ можно назвать в действительности документом реакционного лагеря, и по этому документу училась молодежь. Каким же могло быть развитие казахского музыковедения, как могло строится здание на этом ложном фундаменте? Ничего. Эта работенка, которой дали преступные отзывы некоторые наши московские, так называемые «профессора» (прим. ред. – речь идет об оппонентах, которые оценивали научный труд А.К. Жубанова в 1943 г. – академике АН СССР И.И. Мещанинове, член-корреспонденте АН СССР С.Е. Малове, профессоре М.А. Скорульском), задержала развитие музыковедческой молодежи на много лет, и мы сейчас не можем говорить о новых кадрах, потому что они еще незаметны.

Где нет правды, а в этой работе не было никакой истинной правды, там начинается ложь. Где начинается практическая работа, исходящая из каких-то неверных идейных поэзий, тогда практическая работа начинает быть ложной, а ложь надо открывать, ложь надо маскировать, а там, где начинается маскировка, там начинаются все атрибуты неправильного руководства – и зажим самокритики, и методы запугивания, и все, что угодно. Все это было здесь. Эта атмосфера явилась результатом крупнейших неправильных идеологических предпосылок. Я считаю, что вред, нанесенный этой книжкой и практической работой Жубанова, действительно очень велик.

Виноват ли в этом один Жубанов? Конечно, Жубанов в этом один виноват не был. У меня вообще впечатление о тов. Жубанове, как об энергичном, волевом и способном человеке. У него есть, несомненно, и ощущение искусства, и ощущение эстетики, но все это оказалось извращено.

... Мне кажется, что Жубанову нужно очень и очень серьезно все это продумать. У него есть основание стать снова полезным для казахского искусства человеком, но он должен себе честно сказать, что уровень его культуры для настоящего момента развития абсолютно недостаточен.

И действительно, Жубанов был бы настоящим советским человеком и коммунистом, если бы он действительно сел с азов за учебу. А он это сделать не может, воли у него на это, безусловно, недостаточно, и если бы вся его огромная энергия направлялась на серьезное и для него, и для казахстанского искусства дело, это было бы просто замечательно.

... В искусстве надо работать рьяно, не останавливаясь ни на одну минуту. И вот, если целый ряд талантливых композиторов Казахстана: Тулебаев, Кужемьяров, Афанасьев, поймут эту основную мысль, то от них можно ждать чудес. А в настоящий момент Тулебаев работает мало, он поступил в Московскую консерваторию с оперой «Биржан и Сара» и вышел с ней же.

Необходимо активизировать работу казахских композиторов, вселять в них уверенность, что они могут быть создателями казахской музыкальной классики.

19 октября 1951 г.

Музыковед ВИНОГРАДОВ В.С.:

Я должен сказать, что ни один московский музыковед, за исключением может быть единиц, не знает этой работы совершенно.

... Это единственный, по моему, случай в нашей советской практике, когда исследовательская работа, появившаяся в Союзной республике, оставалась в течении десяти лет незнакомой русскому читателю. Но этого мало сказать: **она тщательно скрывалась, все делалось для того, чтобы не допустить русского читателя (прим. ред. – в июне 1943 года именно за эту книгу Ученый совет казахского филиала АН СССР присвоил А.К. Жубанову ученую степень доктора искусствоведческих наук. Среди оппонентов были известные ученые: академик АН СССР И.И. Мещанинов и член-корреспондент АН СССР С.Е. Малов).**

... Книга оставалась **засекреченной** до последнего времени.

... Я считаю, что засекреченность проистекала из сознания того, что **в этой книге есть грубейшие политические ошибки, которые таким способом рассчитывали скрыть, утаить от широкой общественности.**

... Этой конспирации книги содействовала затхлая атмосфера, царившая в Союзе композиторов Казахстана.

И вот, обсуждая эту работу Жубанова, надо вспомнить... выступление тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Тов. Жданов говорил, что задача заключается в том, чтобы дать бой буржуазной идеологии, дать бой проникающему, просачивающемуся в наши ряды **влиянию растленной империалистической англо-американской культуры.** Ко всем ошибкам такого порядка нельзя относиться примиренчески. Ведь здесь **речь идет об ошибках буржуазно-националистических.** Я на них тоже коротко хочу остановиться. Здесь правильно указывал тов. Коваль, что **вся книга Жубанова пронизана антирусскими настроениями.** Последний вариант этой книги содержит биографии 18 мастеров народной музыки. Когда читаешь их, чувствуешь, как бьет этот **антирусский дух.** Получается так, что все казахские певцы пели песни, только направленные против присоединения Казахстана и России. Не оказалось ни одного такого певца, ни одной такой песни. Верно ли это?

... Конечно, они были, но Жубанов не поставил себе задачу найти их, привести их как доказательство исторически обусловленной глубокой дружбы, существовавшей между русским и казахским народами, в противовес колонизаторской царской политике.

В трудах Жубанова царит та же всеядность в смысле ориентации на архаические отживающие явления в казахской музыке. Там не ставится вопрос – что внес нового тот или иной певец и музыкант в музыкальную культуру народа, в чем его прогрессивное значение.

А если и ставится, то формально и упрощенно. Между тем, творчество акынов и музыкантов должно было бы рассматриваться, в том числе и с точки зрения того, чем тот или иной музыкант обогатил национальную музыку, чем содействовал ее развитию, как он улавливал новое и боролся со старым отживающим. Несомненно, можно было бы найти элементы новой свежей струи в музыкальном творчестве лучших казахских акынов.

Наконец, Жубановым совершенно не ставится проблема: старые мастера народной музыки и советская социалистическая культура.

Из всего контекста книги вытекает, что эти две ветви противопоставляются друг другу. Советская социалистическая культура Казахстана, развивающаяся в передовых многообразных жанрах, осваивающая новую тематику, выглядит в свете концепции Жубанова гораздо слабее, бледнее, чем все эти музыканты прошлого.

Много вытекает уроков из всей этой истории. Я хотел бы остановить внимание присутствующей в этом зале молодежи на одном: человек, не вооруженный марксистско-ленинской наукой, при всем своем, даже искреннем субъективном побуждении, неизбежно будет допускать ошибки в больших или меньших масштабах.

Если мы проанализируем с этой точки зрения, с точки зрения марксистско-ленинской науки «работы» Жубанова, то обнаружим, что ни знания исторических условий объединения казахского и русского народов, ни знания ленинских и сталинских положений о двух культурах в условиях классового общества, ни знания учения тов. Сталина о социалистической культуре, ни элементарных знаний в области марксистско-ленинской науки у него не было и нет. Это явилось главной, основной причиной, которая привела его в болото буржуазного национализма.

**СВЕДЕНИЯ О ВЫСТУПАВШИХ НА ЗАСЕДАНИИ
УЧЕНОГО СОВЕТА 15 ИЮНЯ 1943 ГОДА
и 18-19 октября 1951**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Отделение литературы и языка (ОЛЯ) – научный и научно-организационный центр, объединяющий в АН ученых, работающих в области литературоведения и языкознания. ОЛЯ осуществляет научное и научно-методическое руководство институтами и другими научными подразделениями, входящими в его состав, направляет развитие филологической науки в стране, координирует исследования по основным направлениям в области филологических наук в научных учреждениях и высших учебных заведениях страны.

Высший орган – Общее собрание ОЛЯ, состоящее из действительных членов и членов-корреспондентов АН СССР по данному отделению. В период между сессиями Общего собрания работой ОЛЯ руководит его бюро, возглавляемое академиком-секретарем и избираемое Общим собранием отделения сроком на 5 лет. Со времени образования ОЛЯ его возглавляли: академик И.И. Мещанинов (1934–50 гг.; первоначально в составе Отделения общественных наук), академик В.В. Виноградов (1950–63 гг.), академик М.Б. Храпченко (в 1963–67 гг. – и.о. академика-секретаря, в 1967–86 гг. – академик-секретарь), академик Е.П. Челышев (с 1988 г.).

ОЛЯ как самостоятельное подразделение АН СССР существует с 1938 г., когда постановлением СНК СССР в АН СССР было создано 8 отделений и утверждена их структура, ранее литературоведение и языкознание в АН СССР были представлены в Отделении общественных наук. На этом этапе в состав ОЛЯ входили Институт литературы, Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра, Институт языка и письменности народов СССР, Институт востоковедения.

В 1943 г. Президиум АН СССР принял постановление о создании в составе ОЛЯ Института русского языка; Институт языка и письменности народов СССР и Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра были объединены в Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра, в задачу которого вошло изучение языков народов СССР (кроме русского языка), западноевропейских, классических языков, а также вопросов общего языкознания.

В 1950 г. на базе Института языка и мышления и Института русского языка создается единый Институт языкознания АН СССР. В этом же году Институт востоковедения был переведен из ОЛЯ в Отделение истории и философии.

В 1958 г. Президиум АН СССР, учитывая возросшее мировое значение русского языка и задачи дальнейшего подъема культуры русской речи, принимает постановление об организации на базе русских секторов Института языкознания – Института русского языка с целью развертывания более углублённого дифференцированного изучения русского языка в его современном состоянии и в его истории.

В состав ОЛЯ входят (1988 г.): 4 научно-исследовательских института – ордена Дружбы народов Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, ордена Трудового Красного Знамени Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Институт русского языка АН СССР, Институт языкознания АН СССР с Ленинградским отделением (см. *Институты языкознания*), Кафедра иностранных языков АН СССР, 9 научных советов по приоритетным направлениям и проблемам: «История мировой литературы», «Русская классическая и советская многонациональная литература», «Теория и методология литературоведения и искусствознания», «Теория и методология языкознания», «Языки мира», «Язык и общество (языковая жизнь народов СССР и зарубежных стран)», «Русский язык: его современное состояние и история», а также по лексикологии и лексикографии, по фольклору, 3 комитета (советские комитеты славистов, финно-угроведов, тюркологов), 3 комиссии (по истории филологических наук, Пушкинская, лингвистического атласа Европы).

ОЛЯ АН СССР руководит также деятельностью научных учреждений ряда филиалов АН СССР (ордена «Знак Почёта» Институт истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР; ордена «Знак Почёта» Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР; Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР; Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР; Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения АН СССР; Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР) и осуществляет научно-методическое руководство деятельностью Всесоюзного научно-исследовательского института искусствознания Министерства культуры СССР и научно-исследовательского института культуры Министерства культуры РСФСР.

ОЛЯ и его институты издают 6 научных журналов («Вопросы литературы», «Вопросы языкознания», «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», «Литературное наследство», «Русская литература», «Советская тюркология») и один научно-популярный («Русская речь»).

Академия наук СССР. Краткий очерк деятельности. – М., 1968.

Устав Академии наук СССР. – М., 1979.

Положение об Отделении Академии Наук СССР. – М., 1979.

Л.В. Кумелан.

ВИНОГРАДОВ Виктор Сергеевич (р. 24 II (8 III) 1899, с. Истик, ныне Калужская обл.) – советский музыковед. Заслуженный деятель искусств Киргизской ССР (1957). Член КПСС с 1921 года. В 1929 году окончил теоретико-композиторский факультет Московской консерватории по классу Н.А. Гарбузова (акустика); занимался 4 года в классе сочинения Г.Л. Катуара. Один из организаторов рабочего факультета при Московской консерватории (1923, его первый директор), Воскресной рабочей консерватории, общества «Музыка массам». Был первым редактором журнала «Музыкальная самодеятельность» (1933), редактором Музгиза. Работал в Главлите и Главреперкоме. Основные работы его посвящены истории развития национальной музыки культур СССР, гл. обр. среднеазиатских республик. Автор ряда статей о народной музыке развивающихся стран Азии и Африки. Член Международного совета народной музыки ЮНЕСКО (1953). Гос. пр. Кирг. ССР (1967).

Сочинения: Узеир Гаджибеков и азербайджанская музыка. – М., 1938; Музыка Советской Киргизии, – М., 1939; Токтогул Сатылганов и киргизские акыны. – М., 1952; Справочник-путеводитель по симфониям Н.Я. Мясковского. – М., 1954; Киргизская ССР. – М., 1954, 1957; Киргизская народная музыка. – Фрунзе, 1958; В. Власов, А. Малдыбаев и В. Фере, – М., 1958; Музыка в Китайской Народной Республике. – М., 1959; Атай Огонбаев (1904-1949). – М., 1960; Проблемы онтогенеза киргизов в свете некоторых данных их музыкального фольклора. – М., 1960; Музыкальное наследие Токтогула. – М., 1961; Вопросы развития национальных музыкальных культур в СССР. Сб. статей. – М., 1961; Мураталы Куренкеев. – Фрунзе, 1962; Музыка Советского Востока. – М., 1968; Музыка Гвинеи. – М., 1969; Акыны поют о Ленине. – М., 1970; Киргизские народные музыканты и певцы. – М., 1972.

Ямпольский И.М. Музыкальная энциклопедия /под ред. Ю.В. Келдыша. – М.: Советская энциклопедия, Советский композитор, 1973–1982.

ДЕРНОВА Варвара Павловна (родилась 9 (22) октября 1906 года в Елабуге Вятской губернии) – музыковед. Доктор искусствоведения (1974), диссертация «А.В. Затаевич и казахская народная музыка». В 1930 году окончила инструкторско-педагогический факультет Ленинградской консерватории, в 1948 г. – аспирантуру по теоретико-композиторскому факультету (рук. Ю.Н. Тюлин). С 1948 г. – преподаватель, с 1961 г. – доцент Алма-Атинской консерватории по классу анализа муз. произведений. Автор статей, посвященных казахскому музыкальному фольклору, творчеству современных композиторов Казахстана, а также вопросам теории музыки, в т. ч. «Биржан и Сара» (в кн.: Очерки по истории казахской советской музыки. Алма-Ата, 1962), «К истории создания «1000 песен казахского народа» (в кн.: А.В. Затаевич. 1000 песен киргизского [казахского] народа. – М.,

1963), «Некоторые закономерности гармонии Скрябина» (в кн.: Теоретические проблемы музыки XX века. Вып. 1. – М., 1967).

Сочинения: Гармония Скрябина. – Л., 1968.

ИВАНОВ-СОКОЛЬСКИЙ Михаил Михайлович (родился 30 сентября (12 окт.) 1899 года в Петербурге.) – композитор. В 1924 г. окончил капельмейстерский кл. 8-й Петроградской пехотной школы Красных командиров, в 1930 г. инструкторско-педагогический факультет, в 1933 г. – дирижерский факультет Ленинградской консерватории по кл. А.В. Гаука. По спец. гармонии занимался в кл. Ю.Н. Тюлина, по полифонии и прикладному творчеству – у М.А. Юдина. С 1933 г. работал дирижером в Ленинграде и Алма-Ате, с 1937 г. – в Уйгурском муз. Театре, преподавателем в Алма-Атинской консерватории.

Сочинения: для солистов, смеш. хора и орк. – вок.-симф. поэма «Великий зодчий» (о Ленине в 1917 году), (1967, 2 ред. – вок.-симф. поэма-оратория для чтеца, солистов, смеш. хора, органа и орк., сл. В. Маяковского, М. Алимбаева, С. Щипачева, А. Кулешова и др., 1969); кантата – «Веди вперед нас, Ленинский ЦК» (ко дню открытия XXIV съезда КПСС, для чтеца, солиста, смеш. хора и орк., сл. В. Прохоровского и Г. Рыбакова, 1971); для смеш. хора и орк. – поэма-былина «Наш Казахстан» (1971), Увертюра на 3 казах. темы (1942), сюита «Исатай и Махенбет» (1943), симф. поэма «О чем пел Джамбул» (1960); для дух. орк. «Траурный марш на смерть В.И. Ленина» (1924), Торжественный марш (1924), Казахские фрагменты (1942), марш «Амангельды-батыр» (1945), Патетическое ф-п. трио памяти Маншук Мамедовой (1956); для ксилофона и ф-п. – концертно (1966); для голоса с орк. – баллада «Ленинское знамя» (сл. С. Щипачева, 1944), «Баллада о незабвенном» (сл. А. Скворцова, 1968); для солистов и хора – цикл песен «Над степью Семиречья» (сл. Бычкова, 1940); для голоса и ф-п. – романсы, песни, в т. ч. цикл дет. песен «Весна» (О Ленине, сл. В. Щербакова и Ю. Грунина, 1970–1971); для голоса с эстр. орк. – Цикл песен о целине (1953–1960); Песня о Ленине в Шушенском – «Журавлиная горка» (сл. В. Щербакова, 1971–1972), песни на сл. казах. поэтов, баллада «Оян, коммунистер партиясы» (на казах. яз., сд. И. Есенберлина, 1971–1972), Песня о мире, Голос миллионов (сд. Т. Жаракоев, 1972); для голоса и баянов – романс «Ой вы, горы Заилийские» (сл. Л. Кривошекова, 1972) и др.; казах. кюи вобр. для орк. нар. INSTR. (2 сюиты, 1958); музыка для театра и кино.

КОВАЛЬ (Ковалёв) Мариан Викторович (4(17) VIII 1907, с. Пристань Вознесения, ныне Подпорожского р-на Ленинградской обл. – 15 II 1971, Москва) – советский композитор. Народный артист РСФСР (1969). Заслуженный деятель искусств Литовской

СССР (1954). Член КПСС с 1940 г.. В 1925-30 гг. учился в Моск. консерватории (класс композиции М.Р. Гнесина); занимался также композицией у Н.Я. Мясковского. В 1925-28 гг. – один из организаторов и участников Производственного коллектива студентов-композиторов Московской консерватории (Проколл). В 1929-1931 гг. входил в Российскую ассоциацию пролетарских музыкантов (РАПМ). В 1948-57 гг. – секретарь правления Союза композиторов РСФСР; в 1948-52 гг. – ред. журн. «Советская музыка»; в 1956-62 гг. – худ. рук. Русского народного хора им. М.Е. Пятницкого. С 1925 г. выступал как автор статей о музыке.

Сочинения: оперы – «Земля встаёт» (муз.-драматич. действие, 1931-32), «Емельян Пугачёв» (1942, Ленингр. т-р оперы и балета, Пермь), «Севастопольцы» (1946, Пермский т-р оперы и балета; 2-я ред. 1949; 3-я ред. под назв. «Последний катер», для телефильма), Граф Нулин (1949), детская опера – «Волк и семеро козлят» (1939; 2-я ред. 1951; 3-я ред. 1965, Моск. детский муз. т-р); балет «Аксюша» (1964); для солистов, хора и орк. – оратория «Емельян Пугачёв» (сл. В.В. Каменского, 1939), кантаты «Народная священная война» (сл. сов. поэтов, 1941), «Чкалов» (сл. В.В. Каменского, 1942); для струн. квартета – сюита на рус. нар. темы (1946); для фп. – 10 пьес на марийские темы (1940), сюита «Музыкальная шкатулка» (1954), Фантастические пьесы и др.; для солистов, хора и фп. – сюита «Из жизни красноармейца» (сл. А.А. Суркова, 1932), «Сказ о партизане» (сл. А.А. Суркова, 1935); для хора а cappella – 2 хора на сл. Н.А. Некрасова (1938), сюита «Семья народов» (сл. нар., 1938), «Ильмень-озеро» (сл. М.Л. Матусовского, 1942), 5 стихотворений Ф.И. Тютчева (1945), «Траурный прелюд» (без текста, 1947), «Поэма о Ленине» (сл. Л.И. Ошанина, 1948), сюита «По родной стране» (сл. Б. Дубровина, 1954-59) и др.; для 4 голосов и р п.- «Звёзды Кремля» (сл. Ошанина, 1947); для голоса и фп. – в т. ч. 2 цикла о Ленине (сл. Д. Бедного – 1931, Ошанина – 1939), «Пушкиниана» (с чтецом, 1936); романсы, песни; обр. нар. песен; музыка для драм. т-ра и кино.

Литература: Ярустовский Б. Оратория «Емельян Пугачёв»//СМ. – 1940. – № 2; Брук М., Мариан Коваль. – М.-Л., 1950; Локшин Д. Хоровое творчество М. Ковалья. – М., 1967; Поляновский Г. Мариан Коваль. – М., 1968.

ЛИТИНСКИЙ Генрих Ильич (р. 4(17) III 1901, Липовец, ныне Винницкой обл.) – советский композитор и педагог. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1957) и Чувашской АССР (1963), народный артист Якутской АССР (1964) и Татарской АССР (1964). В 1928 г. окончил Московскую консерваторию по классу композиции у Р.М. Глиэра. В 1944-47 гг. – рук. Консультационного центра при Оргкомитете СК СССР. В 1928-1943 гг. преподавал в Моск. консерватории

композицию и полифонию (с 1933 г. – профессор, в 1931-37 и 1939-43 гг. – зав. кафедрой и декан композиторского ф-га). С 1947 г. – профессор по классу композиции и полифонии Музыкально-педагогического института им. Гнесиных.

Сочинения: оперы – Ньургун Боотур Стремительный (совм. с М.Н. Жирковым, 1947, Якут. театр-студия; 2-я ред. 1957), Сыгый Кырынаастыр (совм. с М.Н. Жирковым, 1947, конц. исп., Якут. радио), Красный шаман (1967, Якут. муз.-драм. т-р); балеты – Полевой цветок (Сир Симэге, совм. с М.Н. Жирковым, 1947, Якут. муз.-драм. т-р; 2-я ред. 1960), Алыг платочек (1949; 2-я ред. 1967, пост. 1968, Якут. муз.-драм. т-р), Радость Алтана (1963, Якут. муз.-драм. т-р); муз. комедия Здравствуй, университет! (1970); для орк. – симфония (1928), 2 сюиты (1931 – Дагестанская; 1941), 2 рапсодии – Ысыах (Праздник весны, 1966), Айхал (Здравица, 1972); для струн. орк. – концерт (1961), для струн. орк. и 2 фп. – Праздничная увертюра (1972); концерт с орк. – для трубы (1934); концертно для фп. со струн. орк. (1945); камерные ансамбли – струн. октет (1944), 12 струн. квартетов (1923-1970); сонаты – для скр. соло (1931; 2-я ред. 1963), для альты соло (1931; 2-я ред. 1963), для скр. и влч. (1931), для скр. и фп. (1942), для гобоя и фп. (1972); для скр. соло – Монолог (1967); для трубы и фп. – фантазия (1969), конц. этюды (1968); для гобоя и фп. (1969) и др.; для голоса и фп. – 4 вок. цикла (сл. сов. поэтов, 1941-45).

Ямпольский И.М. Музыкальная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, Советский композитор/под ред. Ю.В. Келдыша. 1973–1982.

МАЛОВ Сергей Ефимович (4 (16) января 1880 г., Казань – 6 сентября 1957 г., Ленинград) – российский ученый-тюрколог, член-корреспондент АН СССР (1939). Труды по языку, фольклору, этнографии тюркских народностей Китая. Исследовал древнетюркские тексты. Открыл и издал древнеуйгурский текст «Сутры золотого блеска». Окончил среднее духовное учебное заведение в 1900 г.. А 1904 г. окончил Казанскую духовную академию и поступил затем на факультет восточных языков Петербургского университета. В 1909 г. окончил университет в качестве специалиста по арабскому, турецкому и персидскому языкам. По окончании университета работал помощником в Музее антропологии и этнографии АН до 1915 г. В 1915–1917 он состоял при Петроградском университете, чтобы получить профессорское звание. В 1917 переехал в Казань и был принят в качестве приват-доцента в Казанский университет. В 1917–1922 гг. в качестве доцента и профессора преподавал в различных вузах Казани (университете, где заведовал нумизматическим кабинетом, Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте и др.). В 1922 г. был избран преподавателем Петроградского университета. Являлся автором около 170 печатных работ по языку, фоль-

клору, истории и этнографии тюркских народов Центрального и Западного Китая, Монголии, Средней Азии и Казахстана, Сибири и Поволжья. В 1935 г. ему была присуждена ученая степень доктора языковедения (без защиты диссертации). В 1939 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР по отделению общественных наук (язык и литература).

МЕССМАН Владимир Львович (17(29)IX 1898, Паневежис, ныне Литов. ССР – I III 1972, Алма-Ата) – советский музыкальный деятель, дирижёр, музыковед. В 1905-13 гг. обучался игре на скрипке в Паневежисе. Позднее занимался в Петрограде у М.И. Пиастро (скрипка) и в Москве у М.М. Ипполитова-Иванова (композиция). Участник Гражд. войны 1918-20, один из первых сов. воен. дирижёров, Мессман внёс значительный вклад в организацию военно-орк. дела. Воен. капельмейстер (1917-19), инспектор воен. оркестров (1919-20), нач. воен. оркестров РККА (1920-22). В 1925-26 гг. – рук. муз.-этнографич. экспедиции Главнауки Наркомпроса РСФСР на Сев. Кавказ. В 1926-28 пред., затем отв. секретарь секции композиторов Моск. общества драм. писателей и композиторов (МОДПИК). В 1930-32 гг. зам. директора и муз. консультант науч.-эксперимент. лаборатории звукотехники Радиоуправления в Москве. Первый сов. композитор, написавший музыку к немому фильму («Абрек Заур», 1926). В печати выступал с 1920 г.. Автор книги «Музыка и кино» (совм. с С. А. Бугославским, 1926). С 40-х гг. жил в Алма-Ате. Написал ряд работ по истории развития казах. муз.-театр. культуры, в т.ч. «Возрождение песни. Очерки творческой жизни Казахского государственного академического театра оперы и балета» (1958), «Искусство, рождённое Октябрём», в кн.: «Музыкальный театр казахского народа» (1961), а также посв. творчеству сов. казах. композиторов и исполнителей.

Литература: Ямпольский И.М. В.Л. Мессман (некролог)//СМ. – 1972. – No 7.

МЕЩАНИНОВ Иван Иванович (1883-1967) – русский языковед. Родился 24 ноября (5 декабря) 1883 в Уфе. Окончил Училище правоведения и юридический факультет Петербургского университета в 1907 г.; два семестра провел в Гейдельбергском университете. Одновременно учился в Археологическом институте в Петербурге, который окончил в 1910 г. Занимался русской историей, археологией; с 1910 по 1923 гг. заведовал историческим архивом Археологического института; описал коллекцию эламских древностей, хранившихся в этом институте. В 1925-1933 гг. участвовал (в том числе в качестве руководителя) в археологических экспедициях в Северное Причерноморье и Закавказье. В 1932 г. стал академиком АН СССР. Мещанинов – руководитель Института языка и мышления АН СССР (1935-1950), он возглавлял Отделение литературы и языка АН СССР (1939-1950), в

1945 г. был награжден медалью Героя Социалистического Труда. После критики идей Н.Я. Марра И.В. Сталиным в 1950 г. был снят со всех руководящих постов, но продолжал научную деятельность. Умер Мещанинов в Ленинграде 16 января 1967. Труды Мещанинова: *Общее языкознание* (1940), *Члены предложения и части речи* (1940), *Глагол* (1949) – связаны с постепенным преодолением влияния Н.Я. Марра. В 1950-1960-х годах Мещанинов опубликовал двухтомное грамматическое описание урартского языка (1958-1962) и подготовил его словарь, а также продолжил исследования в области синтаксической типологии. Идеи Мещанинова получили продолжение в исследованиях С.Д. Кацнельсона (1907-1985), Г.А. Климова (1928-1997) и др.

Литература: Мещанинов И.И. *Проблемы развития языка*. – Л., 1975; Мещанинов И.И. *Члены предложения и части речи*. – Л., 1978.

МИХАИЛ АДАМОВИЧ (25 VIII (6 IX) 1887, Киев – 21 II 1950, там же) – советский композитор. Заслуженный деятель искусств УССР (1947). Кандидат искусствоведения (1940). В 1914 году окончил Петербургскую консерваторию, по классу композиции занимался у М. О. Штейнберга, Я. Витола, В.П. Калафати, по классу фортепьяно – у А.Н. Есиповой. В 1915-33 годы вёл педагогическую и музыкально-общественную работу в Житомире. В 1933-41 и 1944-50 годы читал курсы анализа музыкальных форм и полифонии в Киевской консерватории (с 1937 года – доцент). В 1941-44 годы работал в Алма-Ате. В музыке Скорульским претворён русский, украинский и казахский фольклор. Наиболее значительны балет «Лесная песня», 2-й фп. квинтет на темы Абая Кунанбаева и «Интермеццо» для оркестра нар. инструментов. Автор статей и рецензий, опубликованных в периодической печати.

Сочинения: опера – Свіччине весілля (Свадьба Свечки, либр. И.А. Кочерги по его драм. поэме «Пісня про Свічку», 1948); балеты – Лісова пісня (Лесная песня, по драме Л. Украинки, 1936, пост. 1946, Укр. т-р оперы и балета), Бондаривна (1939), Снежная королева (по сказке Х. Андерсена, не оконч.); оратория – Голос матери (на сл. М. Рыльского, П. Тычины, Н. Бажана и др., 1943); для орк. – 2 симфонии (1923, 1932), Степная поэма (посв. Амангельды Иманову, 1944), поэма-сказка Никита Кожемяка (1949), 5 укр. песен (1930); концерт для фп. с орк. (1933); камерно-инстр. ансамбли – фп. трио (1924), струн. квартет (1929); 2 фп. квинтета (1928, 1943); инстр. пьесы, хоры, романсы, песни; обр. нар. песен, музыка к спектаклям драм. т-ра.

Литература: Михайлов М., М. А. Скорульський. – Киев, 1960; Загайкевич М.: *Українська балетна музика*. – Киев, 1969.

ЛАСТОЧКА КАЗАХСКОЙ МУЗЫКИ

Столетие со дня рождения выдающегося казахского ученого-музыковеда, композитора, дирижера, народного артиста республики, доктора искусствоведения, профессора Ахмета Жубанова широко отмечается по всей стране. Скоро юбилейные торжества пройдут на родине музыканта, в Актобе, а также в столице республики Астане.

Ахмет Жубанов стоял у истоков профессионального музыкального образования, музыковедения Казахстана и оказал заметное влияние на его развитие. Один из его биографов – музыковед Петр Аравин отмечал, что "творческий путь А. К. Жубанова органически сливается с развитием всей казахской советской музыки за последние три десятилетия и в какой-то степени отражает в себе этот сложный процесс: от первых примитивных опытов "воздушной оркестровки" народных песен и кюев до крупных симфонических и оперных полотен, от музыканта-любителя до академика Академии наук Казахской ССР и доктора искусствоведения, от "Азбуки музыкальной грамоты", изданной в 1933 году, до оригинальных исследований "Струны столетий" и "Соловьи эпохи", обобщивших результаты многолетних изысканий автора о жизни и творческой деятельности казахских народных музыкантов".

В июне 1934 года состоялся Первый Всеказахстанский слет деятелей народного искусства. В Алматы собрались домбристы-виртуозы Кали Жантлеуов, Уахап Кабигожин, Науша Букейханов, Габдильман Матов, Галим Койшибаев, кобызисты Жаппас Каламбаев, Даулет Мыктыбаев, сыбызгышы Исхак Валиев и другие. КазЦИК, обобщая итоги слета, счел необходимым закрепить на сцене "талантливые кадры из деятелей народного искусства за театрально-зрелищными учреждениями Казахстана". Президиум КазЦИКа постановил "организовать

при Наркомпросе из числа участников 1-го слета деятелей народного искусства национальный оркестр из народных инструментов для обслуживания колхозов, совхозов и промышленных предприятий", которому присвоено имя КазЦИКа. Дирижером и художественным руководителем оркестра был назначен Ахмет Жубанов.

7 августа 1944 года Казахскому оркестру народных инструментов указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР присвоено имя народного композитора Курмангазы. С первых дней работы с оркестром Ахмет Куанович проявил себя как талантливый организатор, дирижер, страстный пропагандист казахской народной музыки. Под его руководством и при участии народных кюйши были реконструированы домбра и кобыз и появились оркестровые их виды. Все это сыграло большую роль в дальнейшем развитии оркестра народных инструментов, позволило исполнять не только казахские мелодии, но и произведения мировой музыкальной классики. Казахский государственный оркестр народных инструментов под управлением Ахмета Куановича добился значительных успехов и завоевал широкое признание у зрителей.

Ахмет Жубанов принимал участие в организации и открытии Казахской государственной филармонии имени Джамбула, в течение нескольких лет возглавлял ее. По его инициативе в консерватории была организована кафедра народных инструментов.

Ахмет Жубанов – один из первых авторов музыки к драматическим спектаклям, автор музыки к первому казахскому художественному фильму "Амангельды" (в соавторстве с М. Ф. Гнесиным), многих песен, хоров, романсов, инструментальных сочинений, симфонических поэм. В творческом содружестве с композитором Латифом Хамиди создал оперы "Абай" (1944 год) и "Тулеген Тохтаров" (1947 год), обе на либретто М. О. Ауэзова.

Как писал один из современников Ахмета Жубанова музыковед Бисенгали Гизатов, "...идут годы, сменяются поколения, а созданное им остается людям. Живет его музыка. Живут его книги. Музыка и книги продолжают его жизнь. Его голос не умолк, он звучит в музыке и в написанных Жубановым страницах. В его произведениях живут ум, воля и сердце большого художника. Музыка, научные труды, публицистические работы – статьи, речи, доклады сегодня и еще долгие годы будут служить делу музыкального воспитания казахской молодежи".

В фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан есть документы, освещающие отдельные страницы жизни и творчества Ахмета Жубанова, разносторонне одаренной личности, большого знатока музыкальной культуры казахского народа.

А в фонде Союза композиторов Казахстана сохранилась автоби-

ография Ахмета Куановича, написанная в 1966 году, в которой он поведал о себе следующее:

"Родился в 1906 году 29 апреля на урочище Косуак-Там ауле № 8 Темир-Уркачевской волости Темирского уезда Уральской области (ныне Актюбинская область, Темирский район) в семье крестьянина-середняка. Отец Куан был человеком необразованным, но грамотным, говорил и писал по-казахски и по-русски... В 1913 году Темирскому уезду дали две русские школы, и одну из них "выпросил" наш отец, как он говорил, для того, чтобы обучать первым делом своих детей. Она носила название Уркачевское одноклассное русско-киргизское училище.

В 1916 году я окончил это училище (оно было трехгодичное) и поступил в Джурунское двухклассное училище, которое окончил в 1918 году. Учитель, он же заведующий Уркачевским училищем, Хусаин Ашгалиев был человеком большой эрудиции, писал стихи, играл на скрипке, мандолине, балалайке, домбре, знал немного нотную грамоту, был прогрессивно настроенным человеком. Ашгалиев на протяжении всех трех лет пребывал в нашем ауле, жил в нашем доме и полюбил меня как успевающего ученика и "музыкального мальчика", а я, польщенный его похвалами, все время пел в унисон его игре...

В нашем ауле много было замечательных домбристов, певцов, певиц, острословов, поэтов. В летний период возвращались учащиеся-казахи из медресе Хусаиновых в Оренбурге и Галиевых из Уфы. Один из учащихся медресе Галиевых – Жиенгали Тлепбергенов в летний каникулярный период обучал меня и других детей нашего аула казахской грамоте, арабскому и персидскому языкам. Старший брат Худайберген, учащийся медресе Хусаиновых, ежегодно привозил вышедшую в те годы литературу на казахском языке "корзинками", а отец постоянно выписывал газету "Казак", журнал "Айкап", даже газету на татарском языке "Вақыт".

Жиенгали, Хусаин и Худайберген были в одной компании и всегда слагали стихи по разным случаям жизни, а распространителем их "духовной продукции" в числе других был и я. На всех тоях, вечерах (ойынах) я пел под аккомпанемент домбры их стихи. Жиенгали привозил рукописный журнал "Садак" (смысловой перевод "Стрела"), а Худайберген такой же журнал "Тез". Оба журнала выпускались учащимися медресе Галиевых и Хусаиновых на нелегальном положении, потому что на страницах журналов были помещены статьи-призывы казахской молодежи – просвещаться.

Словом, Хусаин Ашгалиев и духовная среда нашего аула повлияли на мои музыкальные перспективы, а на любовь к книгам, литера-

туре, вообще интеллектуальное развитие повлияли Глепберген и брат Худайберген.

В 1918 году Ашгалиев зарезервировал мне место в Уральском реальном училище, но разгар гражданской войны не дал мне возможности добраться до Уральска, была повреждена железная дорога Актюбинск – Илецк, и я вынужден был остаться с двухклассным образованием. В 1919 году в нашем районе свирепствовал тиф, в результате чего осенью того же года умер мой отец Куан.

В 1921 году малочисленное поголовье скота, отправленное моей матерью вместе со стадом одного дальнего родственника, в районе Челкарских озер пало все до одного, и на исходе года у нас была одна единственная корова. Для поддержки семьи я несколько месяцев работал секретарем аулсовета, а весной 1922 года – секретарем трех аулсоветов, получая в качестве зарплаты по одному пуду проса с каждого аулсовета. К лету я освободился от этих работ и занимался хозяйством: пахал землю, косил траву, караган для топлива, ремонтировал землянку и так далее и тому подобное. 1922-1923 годы были урожайными, и я имел уже вторую корову, купил тай (лошадку-одногодку). В 1924 году в феврале я вступил в ряды ВЛКСМ, организовал ячейку в ауле, был ее секретарем, а с марта того же года стал заведующим избой-читальней "Шамшрак" ("Вечный огонь"), открытой в нашем ауле.

Летом 1925 года Темирский уездный отдел народного образования командировал меня в губернский город Актюбинск на одномесячные курсы по подготовке народных учителей школ 1-й ступени. Как успешно окончившего курсы, меня назначили заведующим и учителем только что открытой в том году Акжарской школы, что находилась в ауле № 8 той же волости. К концу 1926 года Акжарская школа называлась "опорной", то есть образцовой, ибо в те годы подавляющее большинство учительского состава не имело даже полного низшего образования, не говоря о русской грамоте. При таком уровне учительских сил я, человек, имеющий двухклассное русское образование, котировался на "рынке просвещения" высоко, и действительно, в результате интенсивной работы над собой и педагогической деятельности вырос сам, выросла и моя школа.

В 1927 году я был назначен учителем Темирской школы-семилетки, а летом 1928 года меня командировали в Актюбинск на двухмесячные курсы низового партактива.

Еще находясь в ауле, я выписывал музыкальную грамоту Пирожникова, элементарную теорию Потоловского, по которым собирался учиться нотной грамоте самостоятельно, что не очень-то получилось. В Темире я играл в русском самодеятельном народном оркестре на балалайке, мандолине, гитаре попеременно на слух, то

ведя основную тему, то подбирая аккомпанемент, а репертуар состоял из "Кирпичиков", "Вальса над волнами", "Лесной сказки", "Падэспан", "Барыни", "Коробейников", "Гибели Титаника", "Двух собачек", "На сопках Маньчжурии" и так далее. В Актюбинске летом 1928-го, во время нахождения на курсах, познакомился со скрипачом П. Чернюком, окончившим в 1915 году Варшавскую консерваторию. Знакомство состоялось после окончания киносеанса в городском парке. В немом кино Чернюк играл на скрипке, иллюстрируя музыкально то, что появлялось на экране, то есть он играл "Вальс над волнами", если на экране появлялись река или море, "Лесную сказку", если появлялся лес, и т. д.

Осенью 1928 года меня назначили учителем казахской школы, что находилась на Татарской слободке города Актюбинска. Наряду с педагогической работой я занимался по математике, физике, химии, русскому языку, литературе, истории, с тем чтобы сдать экстерном за девятилетку, что и окончилось с хорошим результатом. У Чернюка получал уроки скрипки, сольфеджио, музыкальной грамоты. В Актюбинске я принимал активное участие в работе музыкально-драматического кружка своей школы и педтехникума, часто выступал на домбре, мандолине в концертах, играл роли в пьесах, поставленных силами учащихся совпартшколы, педтехникума (пьесы Ж. Глепбергенова, К. Кеменгерова, М. Ауэзова). Во второй половине 1928 года брата Худайбергена отозвали в Наркомпрос, где он работал инспектором-методистом. По его совету я готовился поступать в какое-нибудь музыкальное учебное заведение Москвы или Ленинграда, участвуя уроки у П. Чернюка. Партийные курсы я также окончил очень успешно.

В феврале 1929 года проездом в Ленинград остановился в Актюбинске брат Худайберген, куда его направил Наркомпрос Казахской АССР в аспирантуру по тюркологическому семинару академика Самойловича в Институте живых восточных языков имени А. Енукидзе. Освободившись по собственному желанию от учительской работы через гороно, я поехал с братом в Ленинград для поступления в консерваторию. Мы устроились в одной маленькой комнате на Московско-Нарвской стороне. В консерватории я первым познакомился с молодым композитором Белецким, который учился у профессора Житомирского. Он потащил меня в класс, и я слушал его пьесу, написанную для виолончели и фортепиано, исполненную студентом консерватории. Меня пленил этот инструмент, его мощь, звук. Белецкий познакомил меня с профессором Налбандяном, и по указанию последнего кафедра организовала прослушивание. Увидев мою скрипку, фабричную по выделке, плохую по звуку, мне

принесли замечательный инструмент, если мне не изменяет память, доцента Брука, предлагали, чтобы я сыграл что-нибудь национальное. Я исполнил песню "Екі жирен" из сборника А. Затаевича, конечно без всякого сопровождения. После игры профессор Налбандян сказал: "Молодой человек, конечно, таким исполнением вы никого не удивите, но, видать, у вас хороший слух и хорошая правая рука, мы подумаем что-нибудь сделать с вами".

Вскоре меня устроили в техникум имени Глинки, что на набережной Мойки, по классу скрипки. Преподавал студент последнего курса консерватории Лев Абрамович Этигон (класс профессора Зелихмана). Однако я не мог жить без стипендии, ибо техникум содержался на плате от студентов. Поэтому я поступил в консерваторию по классу гобоя, куда приняли сразу и, конечно, со стипендией. Занятия вел сперва молодой педагог Назаров, а позже сам профессор Федор Августович Ниман. Кстати, Ниман тогда руководил оркестром имени Андреева, куда ходил постоянно, изучая инструменты этого прославленного коллектива. Ниман помимо гобоя владел очень хорошо альтом, был вообще человеком эрудированным. В 1931 году у него в Лейпциге вышла "Школа для игры на гобое" на русском, немецком и английском языках, один экземпляр которой он подарил мне, как своему любимому ученику, с очень теплой надписью.

На гобое я быстро продвинулся вперед. Я также посещал занятия историко-теоретического факультета, куда также был зачислен спустя семестр. Занятия вели: полифонию – Х. С. Кушнарев, гармонию – Ю. Тюлин, инструментовку – М. Чернов, историю музыки – А. Оссовский (периодически читал лекции Б. Асафьев), Р. Грубер, слушание музыки – Р. Зарицкая, музыкальную литературу – Э. Эвальд, музыку народов СССР – Е. Гиппиус, акустику – А. Римский-Корсаков и другие. Окончив консерваторию досрочно в 1932 году, я поступил в аспирантуру Академии искусствознания (ныне Институт театра, музыки и кино) по музыкальному отделу. Однако не пришлось мне завершить аспирантуру, которую начал с большим рвением. Помимо музыковедческих, общесоциологических, философско-экономических дисциплин, в академии было отлично поставлено дело обучения иностранному языку, я с большим успехом занимался немецким и французским языками.

В феврале 1933 года меня отозвали в Алма-Ату для налаживания работы открывшегося полгода тому назад музыкального техникума. Согласно телеграмме за подписями завкультпропом Крайкома ВКП(б) Ж. Садвокасова и наркома просвещения С. Мендешева, руководство академии предоставило мне академический отпуск на один год, который вот уже длится тридцать три года.

Работая завучем и педагогом теоретических дисциплин в техникуме, по моей инициативе был открыт кабинет по изучению и развитию казахской музыки и музыкально-экспериментальная мастерская по усовершенствованию казахских народных инструментов при техникуме (постановление Совнаркома от 29 апреля 1933 года). Для работы в кабинете был мною приглашен Евгений Брусиловский из Ленинграда, Махамбет Букейханов из Урды, Лукбан Мухитов из Каратюбе, Ганбар Медетов из Актюбинска, Борис и Мануил Романенко (музыкальные мастера) и другие. В результате интенсивной работы мастеров к осени того же года были опробованы первые результаты по усовершенствованию домбры в виде выступления на концерте, устроенном силами учащихся в здании драматического театра. Студенты драматического отделения техникума И. Ахметов и Т. Балыкбаев на двух домбрах-альтах играли вместе с Е. Брусиловским, который играл на рояле. Это была первая попытка создать ансамбль народных инструментов совместно с фортепиано. Был исполнен "Кенес-куй" в обработке Е. Брусиловского.

До осени 1935 года домбра осталась в своем прежнем диатоническом звукоряде. Вскоре возник маленький ансамбль домбристов из одиннадцати человек, который выступал по радио, в учебных заведениях. К весне 1934 года ансамбль насчитывал 17 человек... выступил на Первом Всеказахстанском слете деятелей народного искусства в июне 1934 года. Постановлением Совнаркома республики был учрежден Казахский национальный оркестр, которому было присвоено имя КазЦИКа. На основе этого ансамбля с пополнением за счет лучших домбристов, кобызистов, сыбызгистов, оставленных из числа участников слета, оркестр в составе сперва 23-х, позднее – 32-х человек начал работу по освоению кюев, параллельно участь нотной грамоте.

Выступления оркестра у свинцовиков Чимкента, горняков Ачисая, колхозников Кзыл-Ординской, Актюбинской, Уральской областей, у нефтяников Гурьева, Доссора, Маката, тружеников рыбного промысла Каспия, а главное – выступление в концерте в Большом театре Союза ССР на заключительном концерте Декады казахского искусства 23 мая 1936 года в Москве сыграли большую роль в дальнейшем укреплении творческой платформы. После декады оркестр вплотную начал заниматься освоением нотной культуры и 7 ноября 1937 года в дни празднования 20-летия Октябрьской революции выступил с исполнением по нотам "Марша Черномора" из "Руслана и Людмилы" М. И. Глинки и "Музыкального момента" Ф. Шуберта. Это было началом новой фазы в деятельности оркестра. От слуховой игры оркестр перешел к "письменной музыкальной культуре",

конечно, ни на минуту не игнорируя и не исключая игру народных кюев в их оригинальном виде, то есть без нот.

В 1937-1938 годах я работал дирижером оперного театра, продирижировал два раза спектаклем "Ер-Таргын" и восемь раз "Кыз-Жибек". Недоброжелательное отношение руководства театра и управления по делам искусств в связи с моим новым "титолом" брата врага народа заставило меня покинуть дирижерский пульт театра раз и навсегда. А 14 ноября 1938 года я был выдворен из филармонии, то есть от руководства оркестром имени Курмангазы по мотивам, указанным выше, и полгода ходил безработным.

В начале марта 1939 года поступил на работу в радиокomitee рядовым редактором по казахскому музыкальному вещанию под руководством М. Майчекина. Возвратился в филармонию в качестве художественного руководителя и главного дирижера национального оркестра в начале октября 1940 года по указанию секретаря ЦК ВКП(б) тов. Бузурбаева.

В марте 1945 года я организовал сектор искусствоведения при Президиуме филиала Академии наук СССР, где работал заведующим, а с начала 1945 года – завкафедрой народных инструментов в Алма-Атинской консерватории, с декабря того же года – директором. Официально из оркестра ушел в апреле 1945 года, хотя непрерывно выступал в качестве дирижера, не порывая связь ни на один месяц: в 1944 году – на Декаде музыки республик Средней Азии и Казахстана, в 1949 году – на Декаде казахской литературы в Москве, в 1950 году – в Синь-Цзяне, в 1954-м – на 20-летию оркестра, в 1959-м – на 25-летию оркестра, в 1965-м – на 30-летию оркестра, не говоря о рядовых выступлениях в разное время в концертах-лекциях, и так далее.

В декабре 1951 года я был отстранен от руководства как консерватории, так и сектора искусствоведения АН Казахской ССР в период "кенесаризма" и работаю с тех пор профессором кафедры народных инструментов (кстати сказать, курс истории казахской музыки, "отобранный" у меня еще тогда, до сего времени не возвращен и читается другим). С сентября 1961 года нахожусь на основной работе в Институте литературы и искусства имени М. О. Ауэзова АН КазССР, оставаясь по совместительству в консерватории, ведя курс дирижирования на кафедре народных инструментов.

Первые мои статьи по музыке появились в 1930 году на страницах молодежного журнала в Алма-Ате, журнале "Рабочий и театр" в Ленинграде, и с тех пор мною написано около 300 статей по музыке.

Первая книга под названием "Музыка аліппесі" ("Азбука музыкальной грамоты") на казахском языке была закончена в 1931 году в студенческий период в Ленинграде, вышла в свет в 1933 году в Ал-

ма-Ате. По этому учебнику обучались музыкальной грамоте братья Абдуллины, Дугашев, Кужамьяров, Бейсекова, Досымжанов и многие другие, которые ныне стали видными деятелями казахского музыкального искусства. В 1932 году "Казиздат" потерял мою рукопись "Музыкальные инструменты симфонического оркестра" в объеме 6 печатных листов, она так и не увидела свет не по моей вине. За эти годы мною выпущены книги и брошюры: "Казахский народный композитор – Курмангазы" (1936), "Очерки о жизни и творчестве казахских народных композиторов" (1942), "Евгений Онегин" на казахской сцене" (1946), "Музыкальная грамота" (1950), "Струны столетий" (1958), "Курмангазы" (1960), "Первые шаги в музыке" (1962), "Казахские народные композиторы" (1963), "Мукан Тулебаев" (1962), "Замана бідлбіддары" (1963), "Музыкальная культура казахского народа" (1946).

Готовятся к печати и должны выйти в этом году книги: "Куйшілер" (25 п. л.), "Менін замандастарым" ("Мои ровесники") в объеме 20 п. л. Вся научная продукция двух искусствоведческих отделов Института литературы и искусства выходит под моей редакцией.

Композицией начал заниматься с 1938 года. За это время написано около 50 песен, поэмы "Абай", "Исатай – Махамбет", фантазия на темы Абая, увертюра-фантазия "Тулеген Тохтаров", "Вокальная сюита", две сюиты на темы казахских кюев, пьесы для кобызы или скрипки, виолончели "Ария", "Романс", "Кюй", "Коктем", "Вальс", 10 таджикских танцев для фортепиано, 8 казахских танцев для фортепиано, 3 пьесы для фортепиано (для детей), музыка к кинофильмам "Амангельды" (совместно с М. Ф. Гнесиным), "Райхан" (совместно с В. В. Великановым), музыка к драматическим пьесам "Исатай – Махамбет" (совместно с М. М. Ивановым-Сокольским), "Абай" М. Ауэзова и Л. Соболева, одноактные музыкальные пьесы "Сары" по либретто А. Тажибаева, "Бакыт таны" по либретто Х. Есенжанова, "Азат кыз" по либретто М. Ауэзова, "Козы-Корпеш – Баян-слу" по либретто Г. Мусрепова (последняя – 3 акта, шла в Семипалатинском музыкально-драматическом театре в конце 30-х годов), оперы "Абай" и "Тулеген Тохтаров" по либретто М. О. Ауэзова (музыка совместно с Л. Хамиди).

Сейчас закончил поэму "Толгау" для оркестра имени Курмангазы и несколько отрывков из оперы "Курмангазы", над которой работаю в последнее время (либретто собственное), работаю над транскрипцией кюев для оркестра имени Курмангазы. С 1924 года член профсоюза, с 1939-го – член Союза композиторов, с 1940-го – член КПСС. Имею звание Народного артиста республики (с 1944 г.), профессор, доктор искусствоведения, академик АН Казахской ССР, на-

гражден орденами "Знак Почета", Трудового Красного Знамени, Ленина, медалями, грамотами.

Перевел на казахский язык часть книг "Летопись моей музыкальной жизни" Н. А. Римского-Корсакова и "Осуждение Паганини" А. Виноградова и др."

*Гюльнара НУРПЕЙСОВА,
«Казахстанская правда», 16 июня*

Воспоминания композитора Латифа Хамиди о А.К. Жубанове

Ахмет Жубанов общался со многими именитыми музыкантами, композиторами, которые позднее оставили о нем свои воспоминания.

Совместная творческая деятельность Ахмета Куановича и композитора и педагога, народного артиста Казахской ССР Латифа Хамиди связана с созданием двух опер – "Абай" и "Тулеген Тохтаров". К 1975 году относятся воспоминания Хамиди "Ласточка казахской музыки": "У каждого композитора есть наиболее удачное и популярное произведение. Таким произведением у Ахмета Куановича Жубанова является песня "Кардыгаш" ("Ласточка"), написанная еще в 1942 году и сразу получившая широкую известность. Ласточка – предвестница весны, и невольно хочется сравнить с ней Ахмета Куановича, который, как известно, в 30-е годы "предвестил" наступление музыкальной весны казахского народа.

Мое первое заочное знакомство с Ахметом Куановичем состоялось еще в 1932 году в Москве на квартире Сейткали-ага Мендешева, проживавшего тогда на улице Арбат, дом № 6, кв. 3. Однажды я увидел на письменном столе Сейткали-ага только что вышедший из печати экземпляр книги под названием "Музыка алиппесі" ("Азбука музыки"), автором которой был А. Жубанов. В "Азбуке", написанной на казахском языке, были даны элементарные сведения о музыкальной грамоте с многочисленными нотными примерами. То была первая книга о музыке на казахском языке. Поэтому работа Ахмета Куановича произвела на меня большое впечатление. Сейткали-ага сообщил мне, что автор "Азбуки" – студент Ленинградской консерватории, единственный казах в музыкальном вузе. "Мы с нетерпением ждем его приезда в Казахстан, – сказал Сейткали-ага и добавил: – Хорошо было бы и тебе, Латиф, поехать в Алма-Ату. С Ахметом вдвоем сделали бы

много полезного для развития профессиональной музыкальной культуры".

В феврале 1933 года Ахмет Куанович переехал в Алма-Ату, а через три месяца по совету Сейткали-ага Мендешева, который к тому времени стал наркомом просвещения Казахской АССР, и я приехал туда. Так началась наша совместная деятельность с Ахметом Куановичем, продолжавшаяся в течение 35 лет.

Первые дни приезда в Алма-Ату я жил в квартире Сейткали-ага. Через некоторое время мне предоставили комнату в здании драмтеатра, находившегося тогда по улице Карла Маркса – угол Советской. И вот однажды кто-то постучал в дверь моей комнаты. "Заходите!" – пригласил я стучавшегося, хотя еще не видел его, я думал, что это кто-нибудь из артистов театра. Однако в комнату вошел незнакомый мне человек, скромно, но аккуратно одетый, среднего роста. Он представился: "Я Жубанов Ахмет, заместитель директора муздрамтехникума. О вас я много слышал от Сейткали-ага Мендешева". Началась очень душевная и интересная беседа, словно мы давно и хорошо знаем друг друга. Разговор шел в основном в русле проблем музыкального образования в Казахстане. Ахмет Куанович жаловался на отсутствие преподавателей музыки, владеющих казахским языком, что затрудняло работу муздрамтехникума. "А что если я вам предложу вести курс музграмоты в казахской группе нашего техникума, согласитесь вы?" – неожиданно спросил он вдруг. Предложение это было для меня заманчивым, и я согласился.

Я работал тогда в Казахском, ныне академическом драматическом театре в качестве заведующего музыкальной частью, а известный казахский писатель Мухтар Омарханович Ауэзов – заведующим литературной частью, поэтому мы с ним почти ежедневно встречались и обменивались новостями. Однажды Мухтар Омарханович сообщил мне, что в Алма-Ату на постоянную работу приехал молодой ленинградский композитор Е. Г. Брусиловский, что он уже успел с ним познакомиться и побеседовать. Помню дату приезда Брусиловского в Алма-Ату – это было 5 сентября 1933 года. В одном из моих посещений муздрамтехникума Ахмет Куанович познакомил меня с ним. Оказывается, они вместе учились в Ленинградской консерватории, и Брусиловский приехал по предложению Ахмета Куановича для работы во вновь открытом научно-исследовательском кабинете при техникуме в качестве композитора. Помню, в этом кабинете организатором и директором был Ахмет Куанович, работали известные казахские народные музыканты-домбристы Махамбет Букейханов, Лукпан Мухитов, Ганбар Медетов и музыкальные мастера – братья

Романенко (позже работали такие мастера, как Арстан Ермаков и Камар Касымов).

Ахмет Куанович придавал очень большое значение работе фольклорного кабинета и считал свою работу в этом кабинете основной и главной. И действительно, фольклорный кабинет, руководимый Ахметом Куановичем Жубановым, сыграл значительную роль в развитии казахской музыкальной культуры. Во-первых, научный сотрудник кабинета Е. Г. Брусиловский в течение двух лет работы там записал и обработал огромное количество казахских народных песен и кюев, которые в последующие годы ему оченьгодились при написании опер "Кыз-Жибек", "Жалбыр", "Ер-Таргын" и других, и не только опер, но и других произведений, как симфония, оратория, кантата и фортепианные, а также камерные произведения. Во-вторых, музыкальная мастерская, открытая при фольклорном кабинете, проделала огромную работу, можно сказать историческую работу по реконструкции и усовершенствованию казахских народных инструментов, что дало возможность создать прославленный ныне оркестр имени Курмангазы.

Одним из важных событий в культурной жизни того времени является открытие класса домбры в муздрамтехникуме, также по инициативе и под непосредственным руководством Ахмета Куановича.

...Однажды по просьбе Ахмета Куановича мне пришлось присутствовать на одном из занятий оркестра казахских народных инструментов. Занятия проводились в одной из комнат казахского радио по улице Карла Маркса, дом № 81. Помню, в тот день тема занятий была – ноты в басовом ключе. Я был поражен умением Ахмета Куановича так доступно и понятно объяснить оркестрантам такие сложные теоретические вопросы музыки, если учесть то обстоятельство, что среди них были люди, не имеющие даже начального школьного образования, и притом в пожилом возрасте, как Кали Жантлеуов и Лукпан Мухитов и другие. После теоретических занятий Ахмет Куанович провел беседу с оркестрантами о правилах поведения на эстраде, как одеваться, как завязывать галстук. Музыканты слушали его с огромным вниманием, и видно было, что они относились к нему с большим уважением. Много лет спустя, слушая выступление нынешнего оркестра имени Курмангазы, невольно сравниваешь разницу условий работы нынешних дирижеров, когда 90 процентов оркестрантов – выпускники нашей консерватории, и им уже не надо объяснять, где, на какой линии находится нота "фа" в басовом ключе и как найти эту ноту на домбре-басе или контрабасе. Нынешние руководители оркестра давно избавлены от таких хлопот побочных, так как имеют дело с музыкантами с высшим образованием.

Организаторскую и дирижерскую работу в филармонии Ахмет Куанович совмещал с музыковедческой и музыкально-просветительской деятельностью. Именно в те годы вышла из печати первая музыковедческая работа Жубанова – небольшая брошюра "Курмангазы". Помню рассказ Ахмета Куановича о большой помощи ему в издании этой книги Сейткали-ага Мендешева, бывшего в то время наркомом просвещения республики. В филармонии Ахмет Куанович продолжал работу по усовершенствованию казахских народных инструментов, в частности по линии создания новых оркестровых видов.

Программу к концертам Ахмет Куанович составлял сам, так как в то время в штате филармонии не было литературного сотрудника. В этих программах не только перечислялись исполняемые произведения и их исполнители, но и вкратце рассказывалось о содержании, истории создания песен, в особенности кюев, приводились краткие сведения об их авторах и даже исполнителях. Частенько Ахмет Куанович выступал перед публикой с лекциями, комментариями в некоторых тематических концертах. Все это имело в то далекое время большое воспитательное и познавательное значение...

В 1942 году мы приступили к работе над оперой "Абай". В следующем, 1943 году были уже написаны арии Абая из первого акта, дуэт Ажар и Айдара, песня Ажар из 2-й картины и некоторые сцены с речитативами. В конце того же года нам было предложено создать фрагменты из этих готовых отрывков общей длительностью около 20 минут для показа на 2-й Декаде музыки среднеазиатских республик и Казахстана в г. Ташкенте в феврале 1944 года. Как прошла эта декада, какой успех имели там выступления (концерты) казахстанцев, общеизвестно. В печати единодушно были отмечены и успехи фрагментов оперы "Абай". Сразу же по возвращении в Алма-Ату Ахмету Куановичу и мне было предложено форсировать работу над оперой, и, помню, 19 апреля 1944 года нас отправили в бывший дом отдыха "Аксай" за селом Каменкой в пригороде Алма-Аты. Вернулись мы оттуда второго октября того же года, закончив в клавире оперу и партитуру трех актов. Партитура IV акта была закончена уже в городе. Нет необходимости рассказывать подробно о нашей работе над оперой "Абай" и о ее первой премьере. Все это общеизвестно...

Моя дружба с Ахметом Куановичем длилась ровно 35 лет, и если позволят условия и главное – здоровье, то смог бы я осуществить давнюю мечту – изложить в более подробном систематизированном виде воспоминания о моем друге, с которым связаны самые сокровенные молодые годы моей жизни и творческой, педагогической, а также общественной деятельности.

Р. С. В этих воспоминаниях я главным образом касался моей совместной работы с Ахметом Куановичем в начальном периоде нашего знакомства. Хотелось бы хотя бы очень-очень кратко охарактеризовать его человеческие качества, как, например, его трудолюбие, целеустремленность и большой организаторский талант, что снижали ему уважение товарищей. Ахмет Куанович имел глубокие знания и очень хорошо разбирался в области казахского музыкального фольклора, был широко эрудирован в вопросах литературы, истории и этнографии и других гуманитарных наук. Его выступления на различных конференциях или собраниях Академии наук, Союза композиторов Казахской ССР и др. музыкально-концертных организациях вызывали большой интерес у слушателей. Кроме того, он был замечательным музыкантом, блестяще владеющим техникой игры на домбре, талантливым дирижером. В часы досуга был замечательным и остроумным собеседником, очень любил юмор и дружеские шутки. Все эти прекрасные качества Ахмета Куановича с первого же знакомства с ним располагали всех тех, кто впервые встречался с ним".

Воспоминания композитора Евгения Брусиловского о А.К. Жубанове

Представляют интерес воспоминания другого современника Жубанова – композитора, народного артиста Казахской ССР Евгения Брусиловского, который благодаря Ахмету Куановичу связал свою судьбу с Казахстаном и музыкальной культурой казахского народа:

"Я помню Ахмета Жубанова студентом Ленинградской консерватории в 1928-1929 годах. Это был очень скромный, замкнутый юноша, приехавший неизвестно откуда. Жил он только на стипендию, которая была так мала, что приближала стипендиата к индийским йогам. Но он жил, проявляя уже тогда свою силу воли и стоицизм. Ходил он всегда в синей сатиновой косоворотке, подпоясанной стареньким ремешком. Эта рубашка была единственной, ввиду чего по мере необходимости она вечером стиралась, ночью сушилась на батарее, а к утру снова поступала "на вооружение". Жил Жубанов в общежитии консерватории (кажется, на улице Печатников), где он подружился с Борисом Загурским, тогда только-только демобилизованным солдатом, у которого, кроме нехитрого красноармейского обмундирования того времени, тоже ничего не было. Эта дружба сохранилась надолго. Даже внешне у них было что-то общее. С другими студентами Жубанов был малоразговорчив, очень сдержан и редко улыбался. Какая-то постоянная озабоченность и внутренняя

сосредоточенность, видимо, мешали ему, молодому человеку, быть непосредственным и легким в общении с людьми. Мне кажется, что он чувствовал себя старше нас, его ровесников, живущих шумной и несколько молодежно-безалаберной жизнью молодых музыкантов. А у него были уже другие, куда более серьезные заботы.

Он был единственным казахом на все консерватории Советского Союза, первым искателем, пришедшим в консерваторию из далекого Казахстана, а может быть, и всей Средней Азии, прорубать "окно в музыкальную Европу". У него были большие задачи, но очень маленькие возможности, трудная, полная препятствий жизнь. Вот эти огромные задачи и чувство большой ответственности перед своим народом делали его не по годам серьезным, постоянно сосредоточенным и неулыбчивым. Может быть, поэтому, совершенно не стремясь отличиться или показаться, своеобразный жубановский облик сразу выделялся в общей массе консерваторского студенчества, хотя уже тогда он по-русски говорил свободно, чисто, почти без акцента...

Музыкальное образование тоже давалось трудно, да и ему самому было неясно, чем следует заняться, какой избрать путь. Первый год он занимался, если не ошибаюсь, у Л. Этигона по классу скрипки, а на второй год перешел в класс гобоя профессора Ф. Нимана. К этому времени (1930-1931 гг.) консерватория командировала меня на крупнейший в Ленинграде завод "Красный путиловец" (ныне Кировский завод) музыкальным руководителем заводской агитбригады, в консерватории мне пришлось бывать значительно реже, и я потерял А. Жубанова из виду. Несколько лет мы не встречались.

Следующая встреча произошла в июле 1933 года.

Руководитель Ленинградского союза композиторов В. Е. Иохельсон у себя в кабинете организовал встречу. А. Жубанов приехал в Ленинград приглашать этнографа или композитора на работу в музыкально-исследовательский кабинет при Алма-Атинском муздрамтехникуме и обратился в Ленинградский союз композиторов за консультацией и помощью. Сам А. Жубанов имел соответствующие полномочия, как зав. учебной частью муздрамтехникума и директор научно-исследовательского кабинета, в котором, впрочем, других деятелей не было. Просьбой А. Жубанова Иохельсон решил заняться сам, считая предложение Жубанова вопросом большой политической, интернациональной значимости. В. Е. Иохельсон был высокопринципиальным руководителем и ко всему на свете подходил с позиции высокой политики. И Жубанов, и я относились к нему с большим уважением, и авторитет Иохельсона был у нас в союзе непререкаем.

Напомнив о том, что Ленинград является культшефом Казахстана, напомнив о долге советских композиторов перед народом, напомнив о моих "воинствующе-народнических" убеждениях и строптивом характере, напомнив, наконец, о традиционном интересе классиков русской музыки от Глинки до Глазунова и Рахманинова к Востоку вообще и Средней Азии в частности, Владимир Ефимович предложил мне откликнуться на предложение А. Жубанова, дальновидно считая, что здесь открывается широкое поле для разнообразной деятельности советского профессионала-композитора.

Веские доводы Иохельсона и некоторые другие обстоятельства в сумме оказались весьма убедительными, и я принял предложение Жубанова. Мы подписали договор сроком на два года, после чего Жубанов уехал, а я стал собираться в Алма-Ату.

Итак, сентябрь 1933 года. Алма-Ата, улица Фурманова, 96. Дом Сагыра Камалова и Ахмета Жубанова, общежитие студентов муз-драмтехникума. Шумный, перенаселенный двор. Ввиду задержки получения номера в гостинице, вынужденное временное пребывание в квартире Жубанова, где он сразу передает мне рояль Шредера, с которым, как потом выясняется, мне предстоит довольно длительный путь. Во дворе резвятся босоногие ребята – дети Жубанова – Газиза и Булат... В доме всей семьей беспрекословно правит мать хозяйина дома – строгая и властная женщина, в образе которой очень ярко воплотились национальная внешняя форма, неукоснительное следование всем обычаям и законам казахского степного быта, абсолютный диктат главы рода. Это был, собственно, оригинал, некоторой, несколько измененной копией которого был сам А. К. Жубанов. Зато старший брат – Худайберген Жубанов – сразу располагал к себе обаянием человека высокого интеллекта и поэтической души. Его темно-карие глаза мягко излучали доброту, а уже седеющие, большие, слегка выющиеся волосы красиво обрамляли его умное лицо не то поэта, не то ученого. Он был человеком большой эрудиции, и я с большим удовольствием и уважением вспоминаю наши немногие, но увлекательные беседы.

Практически всей учебной жизнью техникума руководил единолично Жубанов. Благодаря организованности и волевым качествам Жубанову удавалось успешно справляться с этой трудной и весьма беспокойной работой. Говорил он обычно тихо, размеренно и крайне лаконично. Начиная говорить с характерного покашливания, что обычно предвещало значительность высказывания. Как бы он ни спешил, ходил всегда маленькими шагами, степенно и неторопливо. Шумная эмоциональность, эффектная жестикуляция, порывистая аффектация или крикливая раздражительность

ему были совершенно не свойственны. Человек это был без сомнения темпераментный, увлекающийся и страстный, но внешне на людях эти качества почти никогда не проявлялись. Поэтому многим Жубанов казался сухим, холодным и расчетливым человеком, а он мог делать большие ошибки, уступив своим глубоко скрытым желаниям и темпераменту. Но главным его увлечением была народная музыка. Он очень любил народное музыкальное творчество своего народа.

Как только я получил комнату в гостинице "Джетысу", мы начали свою работу с обсуждения написанного Ахметом Куановичем Положения о музыкально-исследовательском кабинете и его задачах. Вероятно, этим документом начиналось казахское музыкознание. Мы подробно вдвоем обсудили, кое-что исправили и утвердили этот основополагающий документ.

Мы довольно успешно работали почти год. Мною было записано около 250 песен и кюев. Жубанов почти не вмешивался в мою работу, только изредка, знакомясь с моими записями, показывал свои. Я, например, показывал неизвестные тогда кюи "Кобык пашкан" Курмангазы, записанный у М. Букейханова, и "Алты-каз", записанный у К. Медетова, а А. К. показывал песни "Сары-Арка" Иман-Жусупа и "Кара-кесек" Мади, записанные у И. Шаймерденова. Работа у нас была интересная, живая и, вероятно, весьма полезная.

Прошла зима, и весной 1934 года Жубанов освободился от работы в муздрамтехникуме и перешел в филармонию – сначала директором, потом худруком.

Я по приказу наркома просвещения Т. Жургунова также ушел из техникума и был назначен летом 1934 года музыкальным руководителем Казахского музыкального театра...

Первый Всесоюзный съезд советских композиторов в 1948 году явился для А. К. Жубанова и меня как бы первым итогом нашего многолетнего общения и нашей совместной работы. Кем мы были в 1928 году? А ровно через двадцать лет мы совместно выступали от имени музыкальной культуры Советского Казахстана. С чего мы начинали в 1933 году? А ровно через 15 лет мы могли рапортовать Всесоюзному съезду о том, что в Казахстане существует и успешно работает Казахский государственный академический театр оперы и балета, имеющий уже в своем репертуаре русскую и западноевропейскую классику, а также свои оперы, созданные композиторами Казахстана, что в Казахстане есть Государственная филармония, в которой существует и успешно работает оркестр казахских народных инструментов имени Курмангазы, что в Казахстане существует и успешно работает Алма-Атинская государственная консерватор-

рия, что в Казахстане уже существует и успешно работает достаточно сильный и творчески потенциальный отряд композиторов и музыковедов, объединенный в Союз советских композиторов Казахской ССР, и так далее. В общем, докладывать с трибуны Всесоюзного съезда было о чем.

Живя вместе в гостинице "Москва", мы вместе делали доклад в самые сжатые сроки. Вместе решили, что выступить с докладом здесь, в Москве, должен А. К. Жубанов, хотя официально председателем правления СК Казахстана был я. Доклад получился большой, и А. К. с трудом уложился в установленный регламент.

Говорят, у древнего царя Давида было кольцо с надписью: "Все проходит". Мудрость старинных, древних легенд общеизвестна. Мой двухлетний договор с А. К. Жубановым несколько затянулся. Он обернулся десятками лет. И десятилетия нашего труда и споров, успехов и неудач, радостей и неприятностей пролетели и канули в Лету. Но не бесследно. Кое-что, мне кажется, осталось. И, вероятно, еще надолго останется..."

АХМЕТ ЖУБАНОВ

В наше время много говорят о воспитании детей. Действительно, эта проблема – одна их самых главных на сегодняшний день, потому что она связана с будущим нашего общества.

И вспоминается свое детство. Конечно, мне повезло, что я родилась в такой творческой семье. И удивительно – отец как-то сразу, с самого детства, угадал, «услышал» мой музыкальный талант. Наверное, запомнил, что я совсем маленьким ребенком, трех-четырёх лет, заслушивалась его игрой на домбре и скрипке.

Во время учебы в Ленинградской консерватории (1928-1932 г.г.) отец на летние каникулы приезжал домой, в аул №9, что находился в Джурунском районе Актюбинской области. Он собирал весь район и играл сначала на более привычном для казахов инструменте – домбре, кюи Курмангазы, Даулеткерейя, Таттимбета, а затем брал скрипку и исполнял знакомую европейскую музыку, а также казахские народные мелодии. Все слушали, затаив дыхание...

После этого он рассказывал об исполняемой музыке, получалась настоящая лекция-концерт. И как вспоминали мои мама и бабушка, я всегда, не шелохнувшись, слушала и домбру, и скрипку, а когда все уже расходилось, брала инструмент в руки и пробовала играть...

Думаю, что эти первые порывы, эта природная тяга к музыке не прошли незамеченными для отца, человека очень чуткого, особенно к детям и молодежи.

С какой благодарностью и теплотой вспоминают о нем Ермек Серкебаев, Бибигуль Тулегенова, Рустембек Омаров, Азидулла Ескалиев, Фатима Балгаева, Каукен Кенжетаев, Шабал Бейсекова и многие другие, кому он дал путевку в музыкальную жизнь...

В 1933 году Наркомпрос Казахской ССР отозвал отца из Ленинграда, где он по окончании консерватории учился в аспирантуре Института искусствознания, и мы переехали в Алма-Ату. Ему предстояло стать заведующим учебной частью вновь открытого музыкального техникума в Алма-Ате. Отец со всей энергией окунулся в дело воспитания молодых кадров для музыкального искусства Казахстана. В техникуме по его инициативе были открыты экспериментальная музыкальная мастерская по совершенствованию казахских народных инструментов (эта мастерская и сейчас функционирует, только при вузе-консерватории) и кабинет по собиранию и записи богатейшего казахского музыкального фольклора.

В техникуме А. Жубанов создал ансамбль казахских народных инструментов, сначала из 11, а затем из 17 человек. В него входили студенты и сотрудники техникума. В числе последних такие вы-

дающиеся музыканты, как Махамбет Букейханов, Лукпан Мухитов, Кали Жантлеуов и др.

В технике было тесно и отец иногда проводил репетиции ансамбля у себя на квартире в одной из двух комнат. Для меня эти репетиции были праздником. Однажды, услышав пение низкого женского голоса, я была ошеломлена, ведь певицы не было в ансамбле! Это играл прекрасный народный инструмент – кобыз, звучание которого похоже на человеческий голос. С тех пор у меня особенно трепетное отношение к кобызу с неповторимым красивым тембром. Я уже не говорю о домбре и домбровой музыке, с которой я была знакома с раннего детства, так как в нашем ауле почти каждый умел хорошо играть на ней, а того, кто не владел ею, считали неполноценным человеком.

Уже в 6 лет отец повел меня в музыкальную школу при технике, где я стала заниматься по классу фортепиано у учительницы Бурдановой. Таким образом, нотной грамотой я овладела раньше, чем азбукой. Детская память свежая, цепкая, я быстро выучивала наизусть любые пьесы и стала выступать даже на «зрителя», на школьной олимпиаде...

Чуток и внимателен был наш отец к детям, к их увлечениям и склонностям, вообще к их занятиям музыкой. Помню, он всегда проверял наши дневники, и если была оценка «тройка» или замечания по поведению, он устраивал нам настоящий «разгон», на другой день обязательно заходил в школу, говорил с учительницей. И все его дети, а их было пятеро, успешно закончили школу, вуз, аспирантуру и ныне достигли высоких результатов в работе.

И мы до сих пор удивляемся: как отец, при его большой занятости, находил время, чтобы проверять наши дневники и заходить в школу. А ведь дома были мама и бабушка, целиком посвятившие себя семье и воспитанию детей. Да, нам повезло – теперь и мамы, и бабушки работают, и мало времени уделяют своим детям, не знают их помыслов, и чаяний.

Когда я решила поехать в Москву поступать в музыкальное училище им. Гнесиных, отец поехал со мной. Экзаменовавший по композиторской специальности профессор, известный композитор М.Ф. Гнесин поставил мне на приемном экзамене оценку «5» и написал в характеристике: «Газица – талантливая девушка, наделенная композиторским даром...». Радости отца не было предела. Теперь он мог успокоить маму, которая переживала, что я, окончившая среднюю школу с золотой медалью, поехала поступать не в вуз, а в училище...

Папа понимал, что цель не в вузе, а в признании: ему человек служит всю жизнь, работая день и ночь, испытывая от этого большое удовлетворение. Так, благодаря отцу, я правильно выбрала профессию и тружусь уже более 30 лет.

В 1954 году я с отличием окончила Московскую консерваторию им. П.И. Чайковского, а в 1957 году – аспирантуру. И когда началась моя самостоятельная композиторская деятельность, с отцом мы стали настоящими друзьями и коллегами. Я много с ним советовалась. Он сыграл огромную роль в моем формировании как творческой личности, в моем отношении к композиторскому труду.

В свою очередь, он советовался со мной, и не только по творческим делам... Таким образом, отец стал другом, с которым можно было поделиться самым сокровенным, тревогами и заботами, в том числе, о моих детях – его внуках. Он их нежно любил, и они помнят его ласковое отношение к себе... Моей старшей дочери отец дал имя Дина, в честь великой домбристки Дины Нурпеисовой.

Мы много бывали вместе: на съездах и пленумах композиторов, фестивалях и творческих встречах, в театрах и, конечно, дома.

Особо теплое отеческое отношение было у него к моему мужу – ныне известному режиссеру Азербайжану Мамбетову, с которым они сразу подружились и нашли общий язык.

У отца было много друзей не только в Алма-Ате, Казахстане, где он пользовался огромным уважением и любовью, но и в Москве, Ленинграде, в братских республиках. Он аккуратно отвечал на письма и поздравления, чему свидетельство целая гора писем в его домашнем архиве...

Свои воспоминания об А. Жубанове композитор Е. Брусиловский начинает и заканчивает словами – на кольце царя Соломона было написано: «Все проходит...».

Все проходит... Но в памяти народа остается человек-гражданин, патриот, интернационалист, человек – творец прекрасного мира искусства...

Сотни юношей и девушек поступают ежегодно в консерваторию, музыкальные училища и школы, чтобы стать будущими деятелями музыкальной культуры республики...

И те, кто только начинает свой путь в искусстве, и те, кто достигли больших успехов, – все с огромным уважением и теплотой, с трепетом произносят имена первых, кто заложил основы музыкальной культуры Казахстана. Среди них – имя выдающегося деятеля музыкальной культуры Казахстана, доктора искусствоведческих наук, единственного академика в истории НАН РК по специальности «искусствоведение», народного артиста РК, композитора Ахмета Куановича Жубанова.

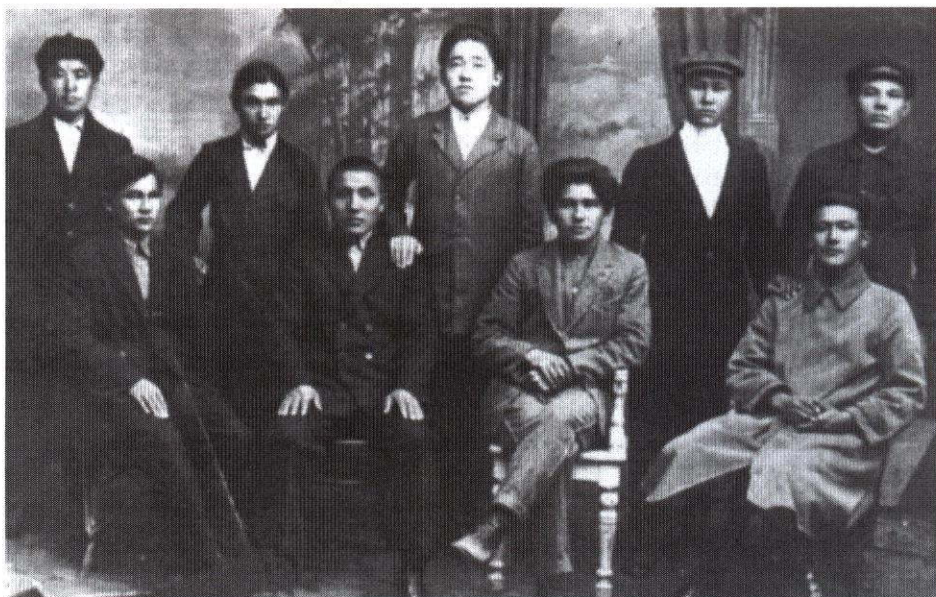
Газиза Жубанова

«Мир мой – Музыка». В 2-х т. – Алматы, 1997.

– Т.1. – С.116–119.

Ленинградская (ныне Санкт-Петербургская) Государственная консерватория им. Римского-Корсакова в 30-е годы XX-го века

В Актюбинске, в 30-е годы: в центре, в кресле сидит – Кудайберген, слева сидит – Ахмет, слева стоит – Мухамменди Жубановы

Первые преподаватели музыкально-драматического училища

Ансамбль казахских народных инструментов (1933 г.) и подпись к фотографии, сделанная рукой Ахмета Жубанова

Оркестр казахских народных инструментов (1935 г.).
В центре сидит Ахмет Жубанов

СРЕДИ АРТИСТОВ ОРКЕСТРА
ИМ. КУРМАНГАЗЫ.
1941 г.

Ахмет Жубанов среди артистов оркестра им. Курмангазы (1941 г.)

§2.

Приказом Управления Искусств от 11-го Ноября с.г. за № 522 освобождается от занимаемой должности директор Национального оркестра тов. ЖУБАНОВА А.К. с 12-го Ноября с.г.

ОСНОВАНИЕ : Приказ Управления Искусств от 11/Х1-38 год.

Приказ об увольнении Ахмета Жубанова с должности Директора национального оркестра от 11/11-38 г.

Совет Министров Казахской ССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 437

Об утверждении действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук Казахской ССР

В соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 26 октября 1945 года № 2747 „Об организации Академии Наук Казахской ССР“ и постановлением Президиума Верховного Совета КазССР, Совета Министров Казахской ССР и Центрального Комитета КП(б) Казахстана от 31 мая 1946 года „Об учреждении Академии Наук Казахской ССР“, Совет Министров Казахской ССР постановляет:

1. Установить количество действительных членов Академии наук Казахской ССР 14 человек и членов-корреспондентов Академии наук Казахской ССР 16 человек.

2. Из числа кандидатов, выдвинутых научно-исследовательскими учреждениями и высшими учебными заведениями Казахской ССР, в количестве 76 докторов наук и заслуженных деятелей науки утвердить следующий состав действительных членов Академии наук Казахской ССР и членов-корреспондентов Академии наук Казахской ССР:

Действительные члены.

1. Сатпаев Камыш Ивантаевич —	доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент Академии наук СССР, заслуженный деятель науки КазССР, лауреат Сталинской премии.
2. Ауэзов Мухтар Омарханович —	писатель, профессор.
3. Бектуров Абибек Бектурович —	доктор технических наук, заслуженный деятель науки КазССР.
4. Галуза Илларион Григорьевич —	доктор биологических наук, заслуженный деятель науки КазССР.
5. Горьев Михаил Иванович —	доктор технических наук, заслуженный деятель науки КазССР.
6. Жубанов Ахмет Кулович —	доктор искусствоведческих наук.
7. Касин Николай Григорьевич —	доктор геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки КазССР, лауреат Сталинской премии.
8. Кенесбаев Смет Кенесбаевич —	доктор физиологических наук, заслуженный деятель науки КазССР.
9. Пивовар Николай Васильевич —	доктор биологических наук, заслуженный деятель науки КазССР.
10. Рызаков Михаил Петрович —	доктор геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки КазССР.

Постановление об избрании А.К. Жубанова действительным членом Академии наук Казахской ССР, 1945 г.

Ахмет Жубанов с первыми выпускниками факультета народных инструментов Алматинской консерватории
 (1-й ряд – Хабидолла Тастанов, Урстембек Омаров, Ахмет Жубанов, Фуат Мансуров, 2-й ряд – Кубыш Мухитов (1-й), Фатима Балгаева (3-я) и др.)

Выписка из приказа №189
 по Алма-Атинской Государственной Консерватории
 г. Алма-Ата 29 ноября 1957 года

32

Тов. Жубанова А.К. с 29 ноября 1957 года освобо-
 дить от обязанностей Директора Алма-Атинской
 Государственной Консерватории
 Основание: приказ по Управлению по делам искусств при Совете
 Министров Каз ССР № 394 от 28/11-57г.

Директор – Крутикович,
 Врио: Мафиз -

Выписка из приказа об увольнении Ахмета Жубанова с должности
 Директора Алматинской Государственной консерватории

Ахмет Жубанов на встрече со школьниками

VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, 1964 г.

Ахмет Жубанов с матерью – Бибиşынар (справа),
женой – Науат (слева) и внучкой Лейлой

Ахмет Жубанов дома

Ахмет Жубанов с сыновьями – Булатом
(справа) и Каиром (слева)

Старшие дети во время учебы в Москве
(Газиза, Булат и Каир)

Дочери (слева-направо: Ажар, Газиза, Роза)

Семья на 60-летию Булата Жубанова (1-й ряд – Ажар (дочь Ахмета Жубанова) и Шолпан (внучка), 2-й ряд – Каир (сын), Булат (сын), Газиза (дочь), 3-й ряд – Алан (правнук), Турар (внук), Алим (правнук), Азербайжан (зять – муж Газизы), Неля, Зарема (сноха – жена Булата)

Опера «Абай» на сцене Государственного Академического театра оперы и балета им. Абая в г. Алматы (Ажар – народная артистка Республики Казахстан Нуржамал Усенбаева, Абай – народный артист Республики Казахстан Шахмардан Абилов)

Опера «Абай» на сцене Оперного театра в г. Майнинген (Германия)

Министерство культуры и информации Республики Казахстан
Национальная компания "КАЗАХФИЛЬМ" им. Шакена Айманова

Приглашает на премьеру
нового документального фильма

"АХМЕТ ЖУБАНОВ"

хронометраж – 26 минут

Авторы сценария: **Ажар Жубанова, Калила Умаров**
Режиссер - оператор: **Калила Умаров**
Операторы: Мухтар Кожахметов, Еркин Сатенов
Звукорежиссер: Игорь Позденко
Монтажер: Нина Овсянникова
Видеоинженер: Галымжан Санбаев
Ассистенты: Абдрахман и Абай Умаровы
Директор фильма: Роза Абдулова

ПРЕМЬЕРА состоится в "ДОМЕ КИНО"

по адресу:
г. Алматы, ул. Казыбек би, 20

25 декабря
2006 года

в **14-00 час.**

ВХОД СВОБОДНЫЙ

Афиша документального фильма «Ахмет Жубанов»

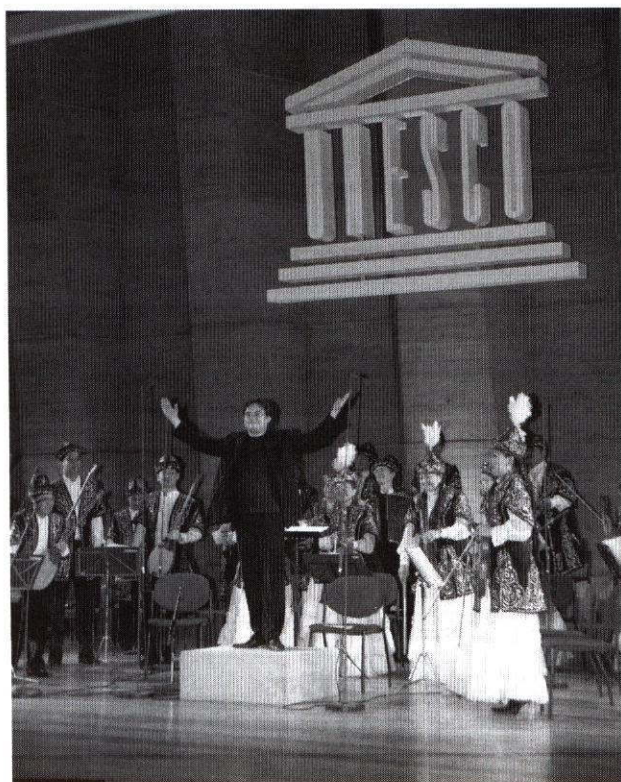
Надгробие на могиле Ахмета Жубанова (автор – выдающийся скульптор, лауреат Ленинской премии Евгений Вучетич)

Праздничные мероприятия в Париже, посвященные 100-летию Ахмета Жубанова (в центре – посол Казахстана во Франции А. Жанкулиев, 2-й слева – министр культуры и информации – Е.К. Ергыспаев, справа – Генеральный секретарь TYURKSOI Д.К. Касеинов, Ажар Жубанова, директор Оркестра казахских народных инструментов им. Курмангазы Еркебулан Мусреп

За дирижерским пультом Ахмет Жубанов

За дирижерским пультом
в конференц-зале ЮНЕСКО правнук
Ахмета Жубанова – Алан Бурибаев

Научное издание

**АХМЕТ ЖУБАНОВ
В ГОДЫ АПОГЕЯ СТАЛИНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕПРЕССИИ**

Под редакцией Ж.К. Таймагамбетова

*Корректор Г. Бекбердиева
Компьютерная верстка Г. Шаккозовой
Дизайн обложки Р. Шангараев*

ИБ №6786

Подписано в печать 26.11.2013. Формат 70x100 1/16.
Печать цифровая. Объем 19,0 п.л. Тираж 650 экз. Заказ № 1294.

Издательство «Қазақ университеті»
Казахского национального университета им. аль-Фараби.
050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71. КазНУ.
Отпечатано в типографии издательства «Қазақ университеті».

Ахмет Куанович **ЖУБАНОВ**

– выдающийся казахский композитор, народный артист Республики Казахстан, Академик АН РК, доктор и с к у с с т в о в е д е н и я , профессор. Родился 29 апреля 1906 года в Темирском районе Актюбинской области, умер 30 мая 1968 года. Похоронен на городском кладбище.

Выпускник историко-теоретического факультета Ленинградской Государственной консерватории им. Римского-Корсакова (1932 г.). Организатор музыкального образования в Казахстане, он стоял у истоков музыкально-драматического техникума, Алматинской Государственной консерватории, Республиканской средней специальной музыкальной школы им. А. Жубанова.

Ахмет Жубанов – автор известных опер «Абай» (в соавторстве с Л.Хамиди, либретто М.Ауэзова), «Тулеген Тохтаров» (в соавторстве с Л.Хамиди, либретто М.Ауэзова), «Курмангазы» (в соавторстве с дочерью – композитором Газизой Жубановой), большого количества симфонических и камерных произведений, а также большого количества монографий, посвященных жизни и творчеству казахских народных композиторов. Среди них – «Струны столетий», «Соловьи столетий» на казахском и русском языках, «Курмангазы» и много-много других.

Создание им ныне всемирно известного Государственного оркестра казахских народных инструментов им. Курмангазы и глубокое исследование им казахской народной музыки было расценено мировой общественностью как выдающийся вклад в мировую музыкальную сокровищницу, и потому год его столетия – 2006 был объявлен ЮНЕСКО годом Ахмета Жубанова. В штаб-квартире ЮНЕСКО в октябре 2006 года состоялся праздничный концерт артистов Казахстана, посвященный этой дате.

Вниманию читателей представляется книга, основанная на архивных материалах, повествующая о нелегких годах Ахмета Жубанова, да и всей интеллигенции страны в период сталинских репрессий.